ЗЯНОН ПАЗЬНЯК
(«Гэнрых Ракутовіч»)

САМВЫДАТ

(Беларускія падземныя выданьні 1970-1980 гг.)

«Беларускія Ведамасьці»
Варшава, 2024 г.

С А М В Ы Д А Т

1999 г., Варшава

ЗЯНОН ПАЗЬНЯК

(«Гэнрых Ракутовіч»)

С А М В Ы Д А Т

(Беларускія падземныя выданьні 1970–1980 гг.)

«Беларускія Ведамасьці»
Варшава, 2024 г.

ISBN: 978-83-948192-6-2

Зянон Пазьняк. С А М В Ы Д А Т.
Тут тэксты падземнай самавыдавецкай публіцыстыкі аўтара, напісаныя ў 1970-1980 гг., у якіх распавядаецца пра русіфакацыю, разбурэньне і зьнішчэньне беларускай культуры, рэлігіі, нацыянальнай ідэнтычнасьці, соцыума і прыроды за часы брэжнеўскай рэакцыі ў пэрыяд маскоўска-савецкай акупацыі.
Выданьне коштам аўтара:
«Беларускія Ведамасьці»,
Варшава, 2024 год,
наклад 300 асобнікаў,
фармат аркуша А4, іл.
ISBN: 978-83-948192-6-2

Генрих Ракутович

ПОЛОЖЕНИЕ В БЕЛОРУСИ.
1974 ГОД.

Самиздат

Могилев, 1974

АБ БЕЛАРУСКІМ САМВЫДАЦЕ

1). Інфармацыя за мяжу

Тэкст “Положение в Белоруси. 1974 год” быў напісаны мной пяцьдзесят гадоў таму за часы брэжнеўскай рэакцыі і прызначаўся для перадачы за мяжу на радыё “Голас Амэрыкі” і “Нямецкаая хваля”, станцыі, якія вяшчалі на СССР ў расейскай мове. Былі яшчэ іншыя станцыі, напрыклад “Свабода”, але яна ў Беларусі была амаль ня чутная, бо яе больш чым іншыя станцыі заглушалі спэцыяльнымі савецкімі глушылкамі эфіру (магчыма, таму што яна мела рэдакцыю на беларускай мове). Тэкст выдруку быў падпісаны псэўданімам “Гэнрых Ракутовіч”, месцам напісаньня пазначаны горад Магілёў (дзеля адхіленьня ўвагі).

У Менску за часы СССР ніякіх замежных інстытуцыяў і ніякіх замежнікаў не існавала. Выязджаць за мяжу маглі толькі адзінкі (намэнклятура і праверaныя кадры). Не было ў мяне і надзейных замежных кантактаў у Маскве. Трэба ўлічваць, што ўсе магчымыя кантакты з замежнікамі ў той час звычайна адсочваліся КГБ. Дачыненьні з замежнікамі за часы СССР былі для людзей небясьпечныя і, практычна, немагчымыя, бо лічыліся ідэалагічным крыміналам (“предательством”).

Асобы, якіх я ведаў і якія мелі стасункі з габрэйскімі дэсыдэнтамі ў Маскве, не выклікалі ў мяне даверу, ды і не пагадзіліся б яны перадаваць такі востры матэрыял, за які на той час маскалі маглі б расстраляць.

Тым ня менш, я паехаў у Маскву, спадзеючыся на выпадак і на ўдачу. Пакруціўшыся некалькі дзён у Маскве і паўзіраўшыся на абставіны, я пераканаўся, што намеры мае – нерэальныя. Перадаць матэрыял за мяжу не ўдалося.

І цяпер аб матывах ініцыятывы і аб самой справе. У пачатку 1970-х пракацілася хваля рэпрэсій супраць беларускай інтэлігенцыі. Панішчылі “Акадэмічны асяродак”. Я таксама апынуўся на вуліцы (пазбавілі працы ў Акадэміі). У гэты час па руках хадзілі розныя самвыдатаўскія тэксты на расейскай мове, якія траплялі ў Менск з-за мяжы праз Маскву. Мы (з асяроддзя “Паддашку”) таксама пісалі невялікія тэксты і вершы (найбольш Мікола Ермаловіч і я), рабілі паштоўкі і рассылалі па пошце сябрам і знаёмым, часам, ананімна закідвалі ў творчыя арганізацыі ды інстытуты (чым успалошвалі тамтэйшыя партарганізацыі і гэб’ё).

Некаторыя тэксты, напрыклад, мы праз Алеся Разанава распаўсюджвалі на зьезьдзе і на сходах Саюзу пісьменьнікаў. Рабілася гэта не індывідуальна (зьмяшчалі на стэндах аб’яў, раскладалі на падваконьніках, сталах, у буфеце і т. п.). Пісьменьнікі, вядома, чыталі. Нуль рэакцыі. (Магчыма, што і стукачы не данесьлі.) Але што цікава, калі пазьней стварыўся Аргкамітэт Беларускага Народнага Фронта, то Саюз пісьменьнікаў, ня гледзячы на ціск з боку ЦК КПБ, прадставіў Фронту памяшканьне Дому літаратара. Сотні людзей круціліся там кожны дзень з усяе Беларусі амаль паўгода. Гэта была каласальная дапамога Народнаму руху.

Масква, вядома, усё тое адсочвала і, калі ў 1994 годзе маскалі праз Лукашэнку атрымалі непасрэдны ўплыў на палітыку антыбеларускага рэжыму, то ў першую чаргу яны

арганізавалі (як звычайна, праз агентуру ўплыву) ліквідацыю Дома літаратара, а потым – і Саюза пісьменьнікаў і Літаратурнага фонду Саюза пісьменьнікаў Беларусі. (Увогуле, у зьнішчэньні беларускай нацыі Масква дзейнічае сістэмна і пасьлядоўна. І гэта ёй лёгка ўдаецца сярод русіфікаванага бесталкоўя і “ничегонепонимания”.)

Брэжнеўская рэакцыя ў 1970-х гг. увесь час павялічвалася, панавала нейкая задуха ў дачыненьнях. Але найгорш было тое, што маскалі актывізавалі русіфікацыю і антыбеларускую палітыку. У БССР разбуральным праваднікам маскоўскай русіфікацыі быў такі П. Машэраў (першы сакратар ЦК кампартыі БССР). Нянавісьць тагачаснай сьведамай беларускай моладзі да гэтага русіфікатара часам зашкальвала. Аднак, Беларускае адраджэньне, тым ня менш, павольна мацнела з кожным годам.

Калі ад’ехаць далей ад Менска, то можна было часткова слухаць замежнае радыё (бо “глушылкі” на адлегласьці горш спраўляліся ў глушэньні станцыяў). І шмат хто гэтае замежнае радыё слухаў, ведаючы, што за такое слуханьне магла быць турма.

Якраз у гэты час моцна заявіў пра сябе музычна-сьпеўны ансамбаль “Песьняры” (напачатку былі “Лявоны”). Яны зрабілі вялікае ўражаньне на ўсіх беларусаў і на ўкраінцаў ва Украіне. Нічога падобнага ў СССР тады не было. Камуністычныя ўлады і расейскае гэб’ё ўсяляк перашкаджалі “Песьнярам”. У Ялце забілі брата Ўладзімера Мулявіна. Згодна гэбоўскіх паняцьцяў, гэта было папярэджаньне Уладзімеру Мулявіну. Але Мулявін не спалохаўся.

Тым часам русіфікацыя і брэжнеўская рэакцыя таксама мацнелі. Акурат у гэты час я даведаўся пра Курапаты. Гэтае веданьне штурхнула да пошукаў самвыдату на больш шырокую аўдыторыю.

Праца “Положение в Белоруси. 1974 год” была напісана сходу, за пару дзён. Расейшчына тэксту тут адмыслова заплянавана. Інфармацыя была разьлічана на вяшчаньне з-за мяжы на ўсе нацыянальныя краіны СССР, дзе расейшчыну разумелі. Беларускае пытаньне трэба было падымаць на ўвесь сьвет гучна і шырока. (Цяпер я амаль упэўнены, аднак, што калі б той тэкст трапіў тады ў тыя “русацяпскія” антысавецкія рэдакцыі, то сапраўднага эфіру ён бы ня ўбачыў. Яны ж, бачыце, змагаліся тады з камунізмам за дэмакратыю ў СССР.)

Умовы і тэхнічныя магчымасьці самвыдату ў Беларусі былі ў той час крайне недагодныя. Не існавала тады ні ксэраксаў, ні кампутараў. Ратапрынты і ратапрынты былі толькі ў афіцыйных установах пад кантролем КГБ. Газэты і кнігі друкавалі на лінатыпах, і над усім вісела манаполія савецкай дзяржавы, КПСС і жорсткая шматузроўневая цэнзура. У прыватным карыстаньні маглі быць толькі механічныя пішучыя машынкі з рухомай карэткай і чорнай капіравальнай лентай, якія давалі магчымасьць друкаваць за раз 4 старонкі пад капірку. Прытым 4-я старонка была ўжо амаль “сьляпой”.

Пішучую машынку можна было купіць ва ўнівэрсальнай краме. Прытым прадавец казаў пакупніку, што падрыхтуе яму машынку “на заўтра”. Пакуль”на заўтра”, з крамы званілі ў тэхнічны спэцаддзел (ведамства КГБ), адтуль прыходзіў “спэц” і рабіў выдрук з усёй клавіятуры (гэта значыць, здымаў “почырк” літараў, якія ў кожнай машынцы мелі свае асаблівасьці). Калі пакупнік такога ня ведаў і друкаваў потым нешта “недазволенае”, то яго забіралі за краты пры першым жа распаўсюдзе.

На шчасьце, быў выхад – камісійныя крамы. Туды часам здавалі ў Менску патрыманыя пішучыя машынкі “Москва”. Гэта была самая горшая машынка на сьвеце (дрэнна друкавала і часта псавалася), У “камісійцы”, як правіла, “почырк” машынкі не здымалі. (Гэта ж такі “пракол” у дзейнасьці КГБ). Будучы звыш асьцярожным, я пастараўся, што нават каб тую “Маскву” ў “камісійцы” купляў для мяне іншы чалавек (як кажуць, дзьмухаў на зімную ваду).

Потым узьнікла праблема замены расейскіх літар на беларускія (гэта “і”, “ў” і апостраф). Сам такога ня зробіш, бо літараў не дастанеш. Трэба было запрасіць “спэцмайстра” (на справе – з той жа канторы), які гэтыя літары (ужо ім кантрольна зафіксаваныя) на вашу

машынку паставіць, а заадно і здыме “почырк” з усёй машынкі, калі вы не запросіце яго да сябе, а аддасьцё машынку яму ў “майстэрню”. Словам, і тут тупік.

Гэтую праблему я вырашыў, знайшоўшы нейкага халтурнага “умельца”. Хаця ня факт, што “халтуршчык” быў таксама не з “канторы”. Але пранесла.

Усё гэта я апісваю, каб сучасныя людзі ведалі, як рыхтаваўся самвыдат у СССР, і чаму былі правалы ў неабазнаных.

На гэтай “Москве” мы друкавалі, зразумела, толькі “крамолу” і толькі самвыдат. Друкавалі з рукапісаў звычайна Барыс Мельнікаў (сябра “Паддашка”, інтэлектуал, энцыкляпэдычнага розуму чалавек; ужо не жыве) і сябра С. З. (крыптанім не раскрываю па вядомых палітычных прычынах).

Пасьля таго, як тэкст быў надрукаваны, я зрабіў на тэхнічнай фотастужцы фотакопіі старонак з 3-га экзэмпляра (каб стлуміць почырк літараў машынкі на ўсялякі выпадак), разрэзаў стужку па кадрах на 4 камплекты тэксту і адзін камплект павёз у Маскву.

Вярнуўшыся пасьля бязвыніковага падарожжа, я зрабіў некалькі выдрукаў і раздаў надзейным сябрам разам з нэгатывамі (канкрэтна, Барысу Мельнікаву і Яўгену Куліку) дзеля абмежаванага распаўсюду ў правераным асяроддзі, кожнага папярэдзіўшы пра небясьпеку. Я памятаў пра асьцярожнасьць і разумеў, што зьмест гэтай працы – “расстрэльны”, бо ў ёй абвінавачваўся не камунізм, а “расейская чума” – гэта значыць, сутнасьць рускага камунізму, які быў толькі імпэрскай формай русіфікацыі і ліквідацыі ідэнтычнасьці народаў. Тэкст “Положение в Белоруси...” тады, у 1970-х, шырока не распаўсюджваўся, але толькі сярод надзейных асобаў.

Для мяне суадносіны камунізму з “расейскай чумой” былі зразумелыя ад школьнай лаўкі. Усё нашае мясцовае, Віленскае мястэчковае асяроддзе было антысавецкім. Людзі яшчэ памяталі польскі забор, дзе, нягледзячы на антыбеларускую палітыку, не было калгасаў і жылося вальней. Акрамя таго, я шмат ведаў пра свайго знакамітага дзеда Яся Пазьняка, пра яго “Крыніцу” і БХД, і пра ягонае змаганьне за Беларусь, і пра тое, што яго схапілі маскалі ў 1939-м, і шмат ведаў чаго іншага. Абавязак роду трымаў мяне ў гатовасьці змагацца з паганай Масквой.

Пазьней лёс даў мне ў гэтым шырокую магчымасьць, настаў новы ўзровень змаганьня. Недзе на пачатку новага стагоддзя, ужо ў эміграцыі, я прачытаў ці то ў друку, ці то ў Сеціве, упамінаньне пра мой даўні псэўданім – Гэнрых Ракутовіч. Такое маглі напісаць тыя, што пачыталі “Положение...” і ведалі пра ўсё ад маіх пасьвечаных сяброў. Больш я ня бачыў пра тое ніякіх упамінкаў і меркаваў, што тэкст 70-х трапіў у рукі маіх нядобразычлівуцаў і непрыхільнікаў БНФ, і што яго, магчыма, проста выкінулі альбо дзесьці закінулі.

І вось ужо ў 2024 годзе мой калега па НВР “Вольная Беларусь” прысылае мне лінк са спасылкай на невядомы мне архіўны рэсурс “Вытокі”, дзе зьмешчана копія тэксту “Положение в Беларуси.1974 год.” Тут жа я знайшоў копію яшчэ адной маёй самвыдатаўскай працы – першы нумар часопіса “Вера”, які аказаўся ў архіве пад назвай “Архіў найноўшай гісторыі”.

У пачатку 2000-х гадоў архіў БНФ і архіў дэпутацкай Апазыцыі БНФ, і часткова мой архіў (пасьля расколу Фронта і нападаў АМОНа) былі растрэсеныя і, фактычна, зьніклі. Шмат якія матэрыялы сталі недаступныя. А тут раптам – сякера пад лавай – архіў у Сеціве, дзе гэтыя тэксты захаваныя і праз Сеціва апублічаныя. Застаецца толькі падзякваць архіўным руплівцам беларускай спадчыны за добрую справу.

Праз 50 гадоў я друкую гэты тэкст (мяркую, яшчэ актуальны) у гэтым асобным выданьні. Спачатку даецца цяперашні кампутарны набор тэксту дзеля зручнасьці чытаньня, а потым поўная фотакопія машынапісу.

30 сакавік 2024 г. Зянон ПАЗЬНЯК

Генрих Ракутович

ПОЛОЖЕНИЕ В БЕЛАРУСИ.
1974 год

Самиздат
Могилёв, 1974

ПОЛОЖЕНИЕ В БЕЛАРУСИ. 1974 год.

Репресии, которые проходят в последнее время в Беларуси, побудили нас, белорусских интеллигентов, написать этот краткий обзор событий, рассказать о нашем положении и прояснить нашу точку зрения на некоторые идеологические и политические вопросы.

У нас, пишущих этот очерк, нет совершенно никаких связей с белорусской эмиграцией и заграницей. Уничтожение нашей интеллигенции органами КГБ происходит в полном молчании. Если эти страницы попадут в руки наших братьев и единомышленников из других республик СССР, располагающих более широкими возможностями связи и информации, мы надеемся на их солидарность и помощь.

* * *

Политика насилия и лжи проводится в Беларуси почти не ослабевая с 1930-х годов. Во времена так называемой “хрущевской демократии” мы не смогли полностью реабилитировать большинство своих национальных политических деятелей, писателей и поэтов. Насилие и ложь образовали в республике весьма специфическое положение. По существу мы стоим ещё по горло в крови 1930-х годов. Физические и моральные потери были тотальны и столь существенны, что наше поколение чувствует их постоянно.

В 1941-45 гг. наш народ принес громадную жертву на дъявольский алтарь фашистско-большевистской войны и, как и следовало ожидать, не получил за это ничего, кроме лживых заверений и несколько пустых международных представительств, где нам уготовили роль имперских марионеток. Политическим результатом победы было то, что после войны к власти в республике взамен уничтоженных в тридцатых годах белорусских государственных деятелей и национальной интеллигенции пришли партизаны. Этот “особый сорт людей” поныне здравствует и при помощи Москвы и КГБ довольно успешно уничтожает нашу культуру, историю, традиции, передовую науку, национальную интеллигенцию и, самое страшное, – развращает личность, общество и целый народ. Конечно же, они большие “интернационалисты”, они более “русские”, чем сами “русские” и более марксисты, чем покойные Маркс, Ленин и бывший “величайший из величайших”, вместе взятые.

И, тем не менее, когда осенью 1973 года КГБ представил Центральному комитету Коммунистической партии Беларуси сфабрикованные материалы о националистической деятельности среди белорусской интеллигенции и потребовал от ЦК соответственного решения, даже у этих “партизан” хватило бюрократического ума, чтобы не принять эти доносы всерьёз и не дать санкции на репресии и аресты.

Но КГБ своё дело знает, и, как говорится, не тут то было. Недавно всем работникам КГБ увеличили зарплату, многих повысили в звании; наконец, их снова заметили, от них

ждут благодарности, работы. И как тут ни сокрушаться, не позавидовать своим московским, украинским, литовским коллегам и собратьям по чужой крови. Надо же оправдать свои миллионные штаты и внештаты, зарплату, лимиты, циркуляры, звания и дутые отчёты. Ну, как тут ни проклинать судьбу и эту треклятую "Белоруссию", где и националистов то настоящих нет. Но были бы работники, а работа найдётся, как доказывает весь печальный опыт "передовой советской действительности". И работа началась.

В 1973 году КГБ начал сколачивать националистическую группу в Беларуси. Когда-то, в 1930-х годах, такой метод был уже использован у нас органами НКВД. Тогда энкаведистами была примитивно сфабрикована мифическая "нацдемовская" организация. Даже название придумали – СВБ. Это значило: "Саюз вызваленьня беларускага народа". В то время никто, разумеется, не вникал, да и не мог вникнуть в суть дела. Властвовали всесильные Органы. Под видом существования СВБ сотни тысяч белорусов, большей частью интеллигенция, учителя, были отправлены в концентрационные лагеря и на смерть.

Сегодня не те масштабы. Да и сажать уже как будто некого. Не этих же дебильных и длинноволосых, мечтающих о сексе, джазе и вине, и ничего не смыслящих в национализме, и, конечно же, не эти громадные толпы грязных и сквернословящих гегемонов и забулдыг, окружающих с утра и до вечера гастрономы, винные магазины и пивные лавки – как ни как, свои, русские люди.

Да, не тот век, не те масштабы, но Органы те, и методы не меняются.

Летом-осенью 1973 года КГБ проводил в Беларуси тотальную акцию. В Минске и других городах допрашивались десятки человек из Академии Наук, Союза писателей Беларуси, Государственного университета, редакции Белорусской Советской Энциклопедии, полоцкого литературного объединения "Блакитныя лихтары" и из высших учебных заведений и научных учреждений Гродно, Витебска, Гомеля и др. городов.

Провокационными вопросами, шантажом, угрозами, ложными обвинениями, нравоучениями о патриотизме (в кагебистском понимании) и прочими методами кагебисты старались запугать допрашиваемых, заставить их признать несуществующую вину и принадлежность к какой-то группе, признаться в какой-то несуществующей между ними связи. Многие из допрашиваемых были вообще незнакомы друг с другом даже понаслышке. Но наивно было бы полагать, что бездарная акция КГБ не будет иметь никаких последствий. В этом грязном деле во внимание, как всегда, принимались только вопросы и обвинения "следователей", а вовсе не ответы и невиновность допрашиваемых. В конце концов было сфабриковано "дело" о белорусской "националистической" группе, которая ставила целью своей деятельности независимость Беларуси, включая восточные исторические и этнографические белорусские земли – Южную Псковщину с Невелем, Смоленскую и Брянскую области. Вторым пунктом "обвинения" был вопрос о связи с украинскими "националистами", о попытке собрать деньги и оказать материальную поддержку от белорусов репресированным украинским товарищам.

Санкцию Белорусского ЦК на репрессии ввиду явной недоказанности и необоснованности этой фабрикации КГБ, как мы уже упоминали выше, не получил. После этого органы КГБ через голову ЦК КП Беларуси обратились за помощью в Москву. В Минск приехал небезизвестный ранее у нас своим оголтелым черносотенством Шауро, ныне зав. Отделом культуры ЦК КПСС, и имел тайные беседы и совещания с деятелями ЦК КПБ. Вероятно, Шауро привёз соответственные категорические пожелания или указания, а, возможно, и приказы. Это нам не известно. Однако, через некоторое время после его отъезда началась "компания". В начале марта 1974 г. в дирекции и парткомы некоторых институтов Академии Наук, редакции Энциклопедии, Гродненского пединститута и других организаций пришли соответственные бумаги с сфабрикованными обвинениями в национализме следующих лиц: Миколы Прашковича, старшего научного сотрудника института литературы имени Янки Купалы АН Беларуси, Степана Миско, старшего научного сотрудника ин-

та искусствоведения, этнографии и фольклора АН, Валентина Рабкевича, зав. редакцией литературы и языка Белорусской Энциклопедии, археолага Михася Чернявского, старшего научного сотрудника ин-та истории АН, Алеся Кавруса, старшего научного сотрудника ин-та языкознания им. Якуба Коласа АН, Алексея Петкевича, зав. кафедрой белорусской литературы Гродненского пединститута, доцента Бориса Клейна, преподавателя Гродненского пединститута и др. лиц из литобъединения “Блакитныя лихтары” в Полоцке и прочих организаций.

В кратчайший срок под соответствующим нажимом ЦК и КГБ были проведены заседания парткомов, партийные собрания, ученые и редакционные советы, заседания кафедр и т. д. Как обычно, директорам учреждений и секретарям парткомов был дан категорический приказ, чтобы все голосовали единогласно против “националистов”, в противном случае будут предприняты соответственные действия против этих организаций и некоторые поплатятся не только своей безукоризненной репутацией, но и тепленьким местом, и зарплатой, и прочими достоинствами, “научными” и “творческими” качествами.

После соответствующей утомительной обработки и угроз голосования, как и в 1937 году, проходили дружно и организованно. Как и в 1937 году, вырвалась наружу затаённая ненависть, желание свести счеты, покрасоваться ради карьеры, квартиры или просто удовлетворительного взгляда начальства. Всё, как в 1937 году, с той лишь разницей, что если тогда находились несчастные, которые верили, что действительно борются с “врагами народа”, то сейчас таких правоверных нет. Никто всерьёз не принимает глупых обвинений. Взвешивается выгода, оценивается дипломатичное молчание, продажность, духовная нищета.

Век подлый и продажный. Он всё же настал. Он уже управляет нами. Дети Сталина пошли дальше своих отцов. Порочную сталинскую веру несправедливых родителей они заменили расчетливым цинизмом. Их души холодны и полны скептицизма, они безжалостны и совершенно равнодушны к страданиям и несчастьям даже самых близких людей. Они говорят о всём человечестве... Вот она, новая социалистическая личность. Вот оно, новое порождение греха. Оно среди нас. Все наши печальные события кажутся ничтожными перед величием ее низости.

Те, кто выступал против, кто от голосования воздержался, – те поплатились. Сфабрикованные националисты оказались на улице, без средств к существованию, без работы.

Обвинения, которые им предъявлялись, – смехотворные. Степану Миско, например, инкриминировано, как нам передали, пение старого белорусского гимна “Мы выйдзем шчыльными радами”, который он исполнял в кругу компании лет 9-10 назад. Миско отрицал это. Но даже если бы он и пел этот гимн в кругу товарищей, разве человек не имеет на это права, разве это может быть обвинением, тем более, что оно не подтвердилось доказательствами! Разве за это выбрасывают на улицу!

Не удивляйтесь, в этом-то и состоит идиотизм нашей белорусской действительности, что для нас у КГБ другие мерки национализма, чем на Украине, в Латвии, Эстонии, Литве.

Алесю Каврусу, например, вовсе не предъявлено никаких обвинений. Его бесцеремонно “пристегнули” к мнимой группе “националистов” на том основании, что он лет 10 назад жил в общежитии вместе с обвинённым в национализме М. Прашковичем и, следовательно, если с точки зрения КГБ рассуждать, не мог не слышать “националистически вредных” разговоров М. Прашковича. Слышал и не сообщил, куда следует, не донёс. А если учесть ещё и то, что А. Каврус талантливый ученый, постоянно выступающий в прессе и отстаивающий чистоту белорусского языка от невежества и нападок филологов от текущей политики, – то тут уже сразу становится ясно, какой это опасный “националист”.

Теперь этот человек на улице, без работы, с клеймом злосного врага и националиста.

Этот кагебистский фарс, затянувшийся на полстолетие, уже давно не вызывает у нас чувства юмора.

Иногда с горечью задумываешься, что за тёмная сила, что за злой рок навис над нашим народом и нашей национальной судьбой. Весь блеск и слава нашего почти тысячелетнего прошлого уже не перевесит этого красного ужаса, падения и несчастий последних времён.

1914-1918 гг. наша разорванная, искареженная окопами и снарядами, истоптанная родина, устлана трупами. Наш народ, умирающий под чужими знамёнами, – кто считал твои потери? Кто их знает? Тогда весь мир был против нас. В 1918-м, в Бресте, делили нашу землю и душу. В Версале ею торговали и продали. И всё же мы выжили. Наша новая Белорусская республика начиналась на демократических основах. Цель была близка. Потом началась коллективизация, террор Дефензивы и НКВД, 30-е годы, 1937-й, 1939-1941, большевистские зверства в Западной Беларуси, война...

Сегодня в КГБ удивляются, никак не могут понять, взять в толк – как это после всего случившегося снова вырос и появился белорусский “национализм”, литература, искусство? Уму не постижимо (их уму)! Откуда, кто рассадник – задают они себе вопрос. Ведь всё так много раз оплёвано, так много раз уничтожено, так много раз запрещено. В полуторамиллионном Менске на сегодняшний день закрыты все белорусские школы. Уничтожены белорусские школы во всех обласных и почти всех районных городах и даже в некоторых местечках и деревнях. В этом направлении ведется оголтелая полуофициальная пропаганда и деятельность, курируемая соответственными русификаторскими организациями, учреждениями и отдельными лицами, поддерживаемая ЦК КПБ. Им предоставлена полная неофициальная свобода. Русификаторские власти в Беларуси, и ЦК КПБ в первую очередь, пользуются прецедентом и фактами этой инспирированной антинациональной деятельности, чтобы принять необходимые санкции и постановления о закрытии той или иной белорусской школы. Разумеется, действия обратного порядка во внимание не принимаются и квалифицируются как национализм.

Религия, религиозная белорусская культура и искусство, архитектура уничтожаются с поистине сатанинской изощренностью, попирая все юридические законы и Конституцию. Большинство районов восточных областей Беларуси, включая Южную Псковщину, Смоленщину и Брянщину, – это уже места религиозной пустыни, мерзости и духовного запустения и упадка нравов, мало чем отличного от российских. Религиозная жизнь еще теплится в западных и центральных областях. Но ее общими усилиями уничтожают советская власть, русская православная Церковь и польский католический Костёл. Это парадокс, но это так. Униатство – общенациональное христианское вероисповедание белорусов – было жестоко уничтожено царизмом ещё в прошлом столетии (1830-1839) и добивалось на протяжении всей нашей последующей мученической истории. Даже сейчас семинаристы-попы получают в Загорске (под Москвой) программное воспитание поистине азиатской ненависти к Унии и униатству в Беларуси.

В настоящее время белорусы разделены на православных и католиков по вероисповеданию. Беларусь – единственная республика, которая не имеет своего патриаршества, т. е. не имеет отдельной национальной Церкви и Костёла, не имеет своего богословского журнала и проч. Богослужение и проповеди отправляются на малопонятном народу польском (для католического населения) либо российском (для православного населения) языках. Воспитанная в оголтело шовинистических традициях и ненависти к Унии русская православная Церковь, которая осуществляет высшую духовную власть в Беларуси, далека от мысли позволить хотя бы проповеди в белорусской православной Церкви на белорусском языке.

Тот же шовинистический флёр греха, видимо, затмил и ум, и веру просвещенного католического польского Костёла, распространяющего на белорусский каталицизм свою духовную власть. Несколько лет назад, когда встал вопрос о белорусском языке в белорусском костёле, польское духовенство высказалось против его. Общими усилиями и здесь тол-

кают нас в грязь. Богослужение и проповеди на белорусском языке в белорусских храмах укрепили бы связь верующих с Церковью и Костёлом, усилило бы веру, подняло наш национальный дух.

Пока этого нет – полным ходом совершается насилие и произвол тех, кому милее всего российская мерзость духовной пустыни, лжи, разврата, лентяйства, греха, жестокости и пьянства.

Советская гражданская, а фактически, государственная власть над религией в Беларуси осуществляется из Москвы. В республике функции этой власти исполняет филиал московского общесоюзного отдела по культам СССР. Филиал этот формально считается при министерстве культуры БССР, но, фактически, он подчиняется только Москве и имеет в Беларуси ничем (даже ЦК КПБ) не ограниченную власть в вопросах религии.

Таким образом, вся духовная и государственно-советская власть над религией в Беларуси не принадлежит к национальной и республиканской компетенции. Религией в Беларуси распоряжаются чужестранцы, чужеродные силы и организации. Они враждебны не только белорусскому национальному духовному развитию, но и всему белорусскому народу как национальной, культурной, духовной, территориальной, исторической и этнической общности.

Попытки белорусских католиков иметь свой духовный центр встречали прежде всего злобное сопротивление этой советской государственно-партийной организации, коим является отдел по культам СССР.

Кровь стынет в жилах от всех тех невиданных злодеяний и насилия над религией, которые происходили в Беларуси в 1930-х годах и продолжаются по сей день. Кто считал наши христианские жертвы, пожары и взрывы, осквернения и разрушения храмов, сожжение бесценных книг, икон и скульптур!? Кто слышал о тех женщинах, которые ложились под гусеницы тракторов и бульдозеров, разрушающих святыни! И кто измерит тот безбрежный и бескрайний грязный океан насилия и лжи, который был обрушен на христианство, на нашу общую христианскую историю!

Наши дети, фактически, лишены всякой возможности посещать Костёл и Церковь и получать религиозное воспитание. Их настраивают в школе против верующих родителей, воспитывают неуважение и ненависть к национальному христианскому прошлому и культуре.

Ложь стала формой и сутью такого воспитания. Ложь стала формой государственного управления и сутью государственной идеологии. Эта ложь мучительна, ибо противна нашей национальной душе. И хотя мы, подобно российским писателям прошлого, не задаём ещё риторический вопрос – “почему врет русский человек?”, – чуждое развращающее воздействие общественной каждодневной лжи на наши национальные отношения, на наш народ – очевидно. Оно, как снежный ком, катится с горы. Ложь наростает.

В последние годы началось, инспирированное Москвой, тотальное наступление советских властей на религию в Беларуси. Врагом “номер один” объявлен, как всегда, белорусский католицизм, рассматриваемый Москвой как “диверсия Ватикана”.

Наша родина еще является на советских атеистическо-административных картах “гнездом” религии, по советской терминологии, зоной ее широкого, по сравнению с другими районами СССР, распространения. Она является республикой, где, не смотря на уничтожение храмов, не смотря на жестокие условия нетерпимости властей, не смотря на особое положение и особую политику в религиозном вопросе, количество верующих уменшается относительно медленно, а количество крещений и посещений храмов в последние годы даже начало возрастать. В ответ на это явление приняты новые жестокие меры контроля за верующими. Вменена в обязанность скрупулёзная отчетность церковнослужителей перед советскими властями, строгая регистрация документов и

паспортов с указанием должности и места работы всех венчающихся, исповедающихся, крестящихся и т. д. Узнанные преследуются властями. Им отказывают в работе, исключают из института и т. д. Усилена слежка КГБ в действующих костёлах и церквях за молящимися и посетителями.

Ничто так жестоко не преследуется у нас, как человеческая совесть. Ложь и насилие – главное оружие врагов рода человеческого. Но тщетны усилия их. Веру хотят уничтожить в храме Божьем, а человек приходит к Богу в тюрьме, в лагере, в советском институте, долдоня по учебникам ненавистную ложь в армии, на заводе; он крестится в христианскую веру в сорок лет, прожив полжизни; он приходит к Богу, остро ощутив окружающую несправедливость, обман и преступность материалистических "идеалов"; он возвращается и приходит к Творцу через неприятие переполнившего мир зла.

Чего же стоят экономика, промышленность, прогресс, весь этот хаос и экономический рост, именуемый строительством коммунизма!

Если в России только теперь, и то, благодаря Западу, начинают некоторые понимать весь ужас и всю ложь этого безудержного прогресса, то у нас гнусность этой дъявольской доктрины, прикрытой коммунистической фразеологией и идеологией, была ясна с самого начала, по крайней мере в отношении к нашему народу, к нашей нации. И надо было ждать, пока в этом все убедятся. Кто нас слышал! Где те наши светлые люди, кричащие об этом! Где Адам Станкевич, Ластовский, Луцкевич, Цьвикевич, Алесь Гарун! Где десятки других лучших из лучших нашей интеллигенции и духовенства! Они убиты российскими большевиками, замучены в лагерях, изгнаны, и память о них уничтожается сегодня с вандалической свирепостью.

Поднятие экономики и развитие промышленности, построенной на идеологии, давно превратилось в самое гнусное и отвратительное орудие русификации, денационализации и вынародования. Почти 30 лет прошло после окончания войны, а население Беларуси не достигло довоенного уровня. Где это видано!

Тридцать лет отрицательная миграция населения, организованная под видом якобы добровольной, а фактически насильственная, искусственно созданная. Куда уплывают наши люди, куда текут наши рабочие руки – главная производительная сила экономики; куда идет наш труд, наше неоценимое богатство и что мы получаем взамен!? А взамен мы получаем идеологию, русский дух, мат, пьянство, разврат, ненависть и толпы уголовных элементов, организованных для передовых строек социализма в Беларуси. Приезжайте в Могилёв, образцовый город социализма, – эту самую черную дыру из всех восточно-белорусских городов, и убедитесь в этом.

Болорусы призываются на стройки России и необьятных сибирских колоний. А в самой Беларуси не хватает рабочих рук. Но здесь, в свою очередзь, планируются огромные стройки и заводы, на которых призываются рабочие из России, Сибири, привозятся зэки, поселяются "специалисты" и т. д. Вот она, политика интернационализма в действии.

Зачем нам огромные автомобильные заводы на привозной руде, которые, к тому же, не относятся к республиканской компетенции в управлении? Зачем они СССР далеко от руды и угля и в местах, где искусственно создана нехватка дешевой рабочей силы? Ну, разве не ясно! Стратегия? Зачем нашему народу эта империалистическая российская стратегия! Зачем нам все эти лавсанстрои и так называемая "большая химия", если она построена по колониальному принципу! Ведь на наших химических, лавсановых заводах делаются только полуфабрикаты, лавсановая нить, пряжа. Это стоит копейки. Всё производство окупается только после выхода и реализации готовой продукции, товаров (джэмпера, кофточки, сорочки, ткани и т. д.). Но фабрики последнего звена, которые и выпускают эту готовую продукцию, товары широкого бытового и промышленного потребления, находятся в России. Всё наше громадное первичное химическое производство, которым официально предписано так гордиться, является

колониальным придатком российской промышленности. Это грабёж нашей рабочей силы, нашего бюджета, эксплуатация нашего труда. И такое положение не только в химической промышленности, но и в нефтяной, и в соледобывающей, и в лесной, и в сельском хозяйстве, которое у нас просто грабят – мы вынуждены содержать и снабжать крупные города России, в том числе семимиллионную Москву и всю 60-миллионную российскую центральную зону маслом, молоком, мясом, картошкой и др. продуктами. (Могилёвская область, например, снабжает картошкой весь Северный советский флот). Правда, делаем мы это вместе с Украиной, Молдавией, Прибалтийскими и другими республиками, где люди не разучились ещё работать, но на нас особая тяжесть, ибо у нас во власти партизаны есть. А для них белорусское Це-Ка – это только плацдарм для прыжка в Москву. Ну, как тут ни лизнуть пониже, как ни угодить, как ни продать в миллионнный раз и эту землю, и этот народ, на который им всегда было и без Москвы наплевать. Чего ни сделаешь ради власти. Во многих районах Беларуси уже не хватает хлеба, не то, что мяса, масла и др. основных продуктов.

День и ночь идут на восток эшелоны – вывозят вырванное изо рта...

“...На захад ідуць цягнікі –
Лён,
Жыта,
Сасна и бяроза...
Гляджу и гляджу з-пад рукі,
Як наша юнацтва вывозяць”.

Написано с болью. Такие чувства испытывал когда-то в 1930-х годах Максим Танк, живя под польской оккупацией в Западной Беларуси. Сейчас направление поездов изменилось. Стрелки показывают на восток. Но ожиревший пиит уже не испытывает тех чувств. Говорят, он ещё что-то пишет. Идут на восток эшелоны... И некому сказать, крикнуть хоть слово. Идут эшелоны; сонно долдонят о великих делах партийные лекторы; идут эшелоны...

И взамен мы не получаем ничего, даже благодарности. Но нам всегда уготованы тюрьмы, психолечебницы и ярлыки националистов. Так сколько же можно танцевать на наших костях! Разве мы виноваты, что где-то не хотят работать и не умеют эту работу организовать.

Да, в основе экономики лежит труд. Поистине это так. Но этим вопрос не исчерпывается. Ибо в основе труда стоит человек с его **моральной** способностью к труду. И этот моральный духовный фактор экономики есть главный, ибо является одновременно и фактором развития личности. Если такого способного к труду человека нет, если это духовное моральное качество у чаловека отсутствует – никакая социальная система, никакая автоматизация, никакая наука не спасёт положение. Они бессильны перед человеком-паразитом.

Общество, которое развращает человеческий труд, которое уничтожает **нравственную способность** человека к труду, – так же преступно и даже **более** преступно, чем то, которое этот труд эксплуатирует. (Мы уже не говорим здесь о фактической государственной эксплуатации в СССР во имя преступных военных, идеологических и прочих целей.)

Вдумайтесь в эти слова! На наших глазах разрушается основа нашей цивилизации – человек духовный; тот человек, та нравственная личность, которая создавалась веками истории христианства. Разве не в праве мы, все люди, понимающие это, волноваться и думать о будущем своих народов? Разве не должны мы работать во имя спасения их, во имя нашего спасения!

Мы говорим здесь уже не о пьянстве и не о фактическом многоженстве, не о чудовищном разврате и нравственно узаконеной лжи, не об упадке человеческой доброты, культуры и милосердия, не о дремучем эгоизме, бездуховности и разнузданной грдыне (ведь

человек гордый – идеал социалистического искусства и морали) – мы имеем в виду то, существующее не на словах, а на деле “коммунистическое отношение к труду”, которое приходит к нам вместе с так называемым “русским духом” с востока и пускает свои развратные ядовитые корни. Сущность этого отношения к труду даже не в лентяйстве, не в плохой некачественной работе, не в том, что никто ничего не хочет делать, не хочет работать, а в том, что – нежелание работать, лентяйство становится нравственным принципом жизни. Идеальным считается поменьше работать и побольше получать, или ничего не делать, а получать. “Не уворуешь – не проживёшь”, “не схалтуришь – не проживёшь” – вот те основы трудовой морали, которые начинают овладевать массами людзей. Погоня за материальными предметами и благами, страсть к вещам при отсутствии духовнасти – всё это катострафически разрушает личность, демарализует общество. Желание устроиться в жизни, урвать, пожить, удовлетворить все свои желания и похоти – это определяет жизнь и поступки всё большего количества людей. Это нарастает. Процесс идет с ускорением. Достигает временами массового психоза.

“Коммунистическое отношение к труду”, преступное существование за счёт других всегда подразумевало и **преступное** существование за счет природы. Ведь не Бог, Творец всего сущего, а человек, по коммунистической фразеологии, есть царь природы. Этот “человек-царь” борется с ней, он не ждёт от нее милостей; взять от природы – вот его задача. О, это всем известное выражение не только красивая фраза, не афоризм для невежественных лекторов – это идеологическая программа самоубийства. Это составная идеологическая часть коммунистического строительства безбожного рая на земле.

Марксистская филисофская и фактическая “борьба с природой” используется, разумеется, и в “интернационалистских” целях. Посмотрите на нашу белорусскую землю. Совсем недавно, еще до войны, она была покрыта вековыми лесами и прозрачными реками, полными рыбы, зеленые луга, поля, голубые озера – она обетована была нам, как рай, за прожитые былые страдания. Посмотрите, что сделали с ней за одно поколение! Она превращается в пустыню с коптящими городами и отравленными обмелелыми речками. Промышленных лесов почти не осталось. Их варварски высекли на стройки социализма необъятной империи. Каждый год после войны, как явствует из минской прессы, в Беларуси высекались **две** лесосеки (20 млн. кубов) вместо промышленно допустимой **одной** (10 млн. кубов). Эта цифра для Беларуси также недопустимо высокая, но определяем свою лесосеку не мы, а Москва. Чтобы было ясно, что означает это количество, сообщим, к примеру, что за четыре года войны фашисты в борьбе с партизанами высекли всего 0,5 млн. кубов леса. На них по сегодняшний день кивают ретивые деятели, уничтожившие наше национальное богатство, наш промышленный первосортный лес.

Вокруг Солигорска-Старобина – горы отходов калийных пород. Ветер разносит тучи пыли этого ядовитого для почвы вещества, превращает сотни квадратных километров плодородной земли в пустыню, на которой ничего не растет.

А мелиорация! Сейчас уже только круглый невежда не знает, какое это зло. Через 7-10-12-15 лет осушенные торфяники выдуваются, и наружу выходит желто-синяя песчаная пустыня-зола, на которой не растет решительно ничего, даже сорняки. Но мелиорация продолжается полным ходом. Мелеют наши реки, сохнут леса, выгорают луга, вымирают звери и птицы, черные тучи дыма горящих торфяников и облака песчаной пыли вырвавшихся наружу дюн каждое лето висят над нашим легендарным Полесьем. Мелиорация продолжается. А ведь это самоубийство.

Многочисленные письма учёных и докладные записки научно-исследовательских институтов об опасности мелиорации застряли в министерствах и разных правительственных учреждениях. Чиновники всё знают! Но в чем дело, в чем причина такого удивительного невежества? Ведь они знают и то, что наша лучшая в СССР нефть (которой мы не распоряжаемся – это ли не колониализм!) добывается **по-варварски** и через некоторое

время из-за такой добычи мы будем продолжать обладать огромными запасами нефти, добыть которую будет **невозможно!**

Почему, фактически, заброшено наше сельское хозяйство, почему не обращается внимание на почву, на ее плодородие? Ведь почва уничтожается из-за той интенсивной системы (беспапарной) обработки ее, которая практикуется сейчас и которая не принята была у наших предков.

Скажете – причина общая: обработкой почвы не должна руководить идеология. Это верно. Но для нас, белорусов, недостаточно. Мы особые люди, мы исключительная сфера российской коммунистической политики, мы – нация экспериментальная; на нас делают не только “интернационалисткие” эксперименты, но и опыты географические, экономические, какие хотите – народ безмолствует и мир молчит.

Нам известно из достоверных источников, что есть закрытое постановление ЦК КПСС и Министерства обороны СССР о проведении в Беларуси тактики “выжженной земли”, предписывающее быстрейшее выкачивание нефти и энергетических ресурсов с приграничных стратегических районов. Наша родина и объявлена этим приграничным (!) стратегическим районом. Вот почему диаметр нефтяных скважин увеличен у нас **более, чем в десять** раз выше допустимой нормы! Вот почему так безжалостно, неэкономично и непонятно уничтожаются остатки наших когда-то знаменитых и редких лесов. Вот где сущность самоубийственной тотальной мелиорации и глухота чиновников на предупреждения ученых (ведь это же националисты). Вот где тайна интенсификации и уничтожения плодородия почвы, отрицательной миграции населения, колониальной экономики и грабежа! Они приготовили нам удел обреченных, и мы, сами того не зная, живём в долг будущей войны. Поистине, мы, белорусы, особый народ – мы расплачиваемся за будущее.

Поэтому неудивительно, что ко всему белорусскому здесь особые мерки. На нашем примере весь мир должен увидеть победоносное шествие ленинских интернационалистических идей.

Мы живем на своей земле, как на пороховой, ядерной бочке. Она ощетинилась чужими ракетами, покрылась гарнизрнами, глухими заборами и колючей проволокой. Собирая грибы или гуляя, каждый может встретиться с опасностью быть прошитым из автомата после первого предупреждения. Наши **все без исключения** города, городки и большие местечки переполнены военными (как правило, не белорусами; белорусов отправляют служить в другие республики; здесь тоже своя политика “интернационализма”). В некоторых местах военные составляют большинство (!) населения.

Если бы кто-нибудь – эстонец, латыш, украинец, швед, француз или немец, – любя свою родину, её историю, народ, язык и культуру, хоть недолгое время, хоть один день, прожил бы, на пример, в Могилеве, Гомеле, Минске или Бресте на нашем месте белорусского интеллигента, в нашем национальном образе мыслей и чувств, – он бы многое понял, столкнувшись с удивительными реликтами сталинского чиновничества и с оголтелой, совершенно не постижимой для иностранца ненавистью к своей культуре, народу и языку у белорусского городского обывателя. Эти янычары, также именующие себя белорусами, многие десятилетия воспитывались российской школой, идеологией и большевистской политграмотой. Сейчас, после долгой и темной эпохи убийств, их взгляды – это основа советской национальной политики в Беларуси. Она проводится Москвой, но их руками. И поэтому антинародная политика денационализации и вынародования проводися в Беларуси так мелочно оголтело, с такой рабской преданностью и цинизмом, так тотально и последовательно, так по предательски старательно. Что ни говорите, эти янычары “свои люди” – они умеют читать между строк, понимают значение мелочей и двусмысленностей, недосказанных мыслей (представьте, у нас за это преследуют), от их бдительного взгляда не ускользает ни одно явление, даже мелочное, на которое чужой человек не обратил бы

внимания, не поняв его. Они – замечают, норовят плюнуть в самую душу, поразить в самое сердце, заслужить чины, похвалу, аплодисменты в Москве.

Всё действительное белорусское теперь преследуется, оплёвывается, извращается, запрещается, используются клеветнические измышления и инсинуации; белорусский язык изгнан почти ото всюду, из всех государственнех, правительственных, учебных, научных и др. учреждений. Вместо белорусской культуры, вместо национального развития культивируется и рекламируется некая эклектичная эрзац-культура и эрзац-развитие для прикрытия истинного положения дел. В выступлениях и докладах, по радио и телевидению, в литературе и прессе, на каждом шагу вы услышите бесконечные юбилейные вопли, возгласы и заверения на российском языке о любви к “родной Белоруссии”, “Белорусь”, “Белоруссия”, “Белоруссия-партизанка”, “Хатынь”, “многострадальный белорусский народ” (конечно же, вместе с “великим русским народом”) и т. д., и т. п.

Как говорил поэт, “На губах Беларусь, Беларусь, а ў сэрцы чорная здрада”... Нет ничего более гнусного и более отвратительного у нас, чем это официозно-циничное ханжество аппаратчиков сверху донизу и лицемерие коллаборационастов. Оно служит ширмой для прикрытия политики насилия и вынародования.

Если сказать те же фразы по-белорусски, это **уже** насторожит радетелей Беларуси. Звук белорусской речи в устах интеллигента, в общественных местах сразу ассоциируется у них с национализмом.

Белорусский язык у народа они издевательски терпят; понимают: тут всех не пересажаешь, нужно время и российская школа, радио, пресса, вузы, политика сделают свое дело. Лишь бы все молчали. А он-то, народ, какраз и хочет говорить устами своих лучших представителей, устами белорусской интеллигенции.

Впрочем, есть и область дозволенного – несколько канонизированных и подчищенных поэтов, которых везде выставляют для иллюстрации белорусской культуры и литературы. Есть даже три белорусских театра на всю Беларусь; есть такие и хоры, и танцевальные ансамбли, где обязательно иллюстрируются пару белорусских танцев (чаще всего на российский манер; интернационализм – понимать надо). Да много чего официозного у нас есть. Но больше всего здесь назойливой трескотни о “русском”, о верности партии, благодарностей Москве и т. д., за каждым белорусским словам следует биение в грудь и шарканье перед “русским”, “советским”: не подумайте, что мы националисты!

Иногда на торжественных церемониях министр культуры и даже (можете себе представить) секретарь ЦК КПБ Машеров, этот главный янычар республики, позволяет себе ввернуть белорусское словечко (с русским акцентом) или даже целую фразу, например, “вялики дзякуй”, что значит “большое спасибо”, или “”сардэчна запрашаем”, что значит “добро пожаловать”, или “сябры”, что значит “друзья”. А иногда (о, ужас!) репетируются по слогам целые речи по-белорусски для выступлений за рубежом или перед иностранными представителями. И обязательно пускается крокодилья слеза на предмет Хатыни. Как будто у нас одна Хатынь. Вся наша земля Хатынь! Вся наша земля кровоточащая, не инсценированная напоказ, не оплаканная – Хатынь, **прошлая и сегодняшняя**. Слышите вы, предатели и мракобесы! Вы виноваты в этом!

Времена пройдут. Вы не понимаете этого, но отвечать придётся за всё. Если не перед людьми, так перед Богом.

Сейчас выброшенными на улицу оказались многие невиновные люди. Впрочем, с точки зрения и мнения КГБ, они виновные, ибо они – способные, перспективные белорусские ученые, и это было учтено КГБ при формировании группы и составлении разнорядки на “отстрел”. Некоторые из них переписывались с украинцами и собирали деньги в помощь репресированным, выброшенным на улицу украинским интеллигентам. (Какая низость! Ведь по панятиям советской морали надо “любить родину” и “ненавидеть” её врагов. Так пусть их, подохнут, враги проклятые, ату их!)

Но это еще только начало. По слухам, лимит на националистов спущен и на Союз писателей, и на Союз журналистов, и на другие творческие организации. Нужно же показать глубокие и разветвлённые корни национализма, нужно сделать видимость проведенной большой работы. Говорят, что Владимеру Короткевичу первому надо готовиться на эшафот. Этот писатель очень не нравится КГБ. Он имел наглость писать романы на историческую тему из прошлого Беларуси, о восстании Кастуся Калиновского и о прочих "националистах". Это уже сишком. Пришло время с ним поквитаться, да и с другими пишущими, "националистически настроенными" негодяями, типа этогот еврея Клейна и прочих двурушников.

Кстати, о Клейне. А хорошо бы пристегнуть к "националистам" еще и "сионистов". Это волнительтная мечта органов КГБ – уничтожить одним ударом двух зайцев сразу: обвинить "националистов" в сионизме и в сговоре с сионистами, а сионистов в национализме и в сговоре с "националистами". До этого времени кагебисты тайные вместе с русификаторами явными мечтали и старались о том, чтобы во имя "единой и неделимой" и "интернационализма" руками евреев душить белорусов, а усилиями белорусов зажимать евреев. Какая тонкая стратегия! При успешном течении дела КГБ, разумеется, проявит бдительность и расправится с теми и другими, обвинив евреев в антисоветской деятельности, а белорусов (это значит "националиств") в антисемитизме. Тогда весь мир увидел бы гнусное лицо "националистов", истинные цели сионистов и справедливость гуманных советских законов.

А там пойдут чины, звания, оклады, новые назначения, начнёт кружится голова от собственной гениальности – золотые грёзы детективной романтики...

Однако, мы должны разочаровать этих романтиков ненависти, любителей чинов, красивой жизни и кровавой драмы. Их авантюрная стратегия загребать жар чужими руками очень противоречит всему нашему пятивековому историческому опыту совместной жизни с евреями в одном государстве и выработанным в процессе этого сосуществования национальным, человеческим и правовым отношениям.

Откуда знать всё это незадачливым черносотенцам и кагэбистам? Ведь белорусской историей занимаются, как известно, "националисты". Сами же россияне совместно с евреями в пределах своей предполагаемой территории до последнего времени никогда не жили. Исторического опыта отношений с евреями у них нет. Понятия толеранции и терпимости отсутствуют в их духовно-историческом и политическом багаже. Им ближе была идея черты еврейской оседлости и организация погромов. Так что мечтаниям и стараниями кагебистов-черносотенцев удивляться не приходится.

В Беларуси, кстати, погромов не наблюдалось за всю историю от начала поселения евреев. (Они были приняты и поселены в белорусских городах Великим князем Витовтом (XV в.) во время гонений на евреев в некоторых государствах Западной Европы.) Причиной отсутствия преследований евреев в Беларуси было, разумеется, не прилежное поведение переселенцев, а веротерпимый правовой характер нашего древнего исторического христианского государства – Великого Княжества Литовского, основанного на равном уважении к закону и религии.

Благодарности за всё это мы от евреев в конечном итоге не получили. Какие счёты, ведь они вместе со всем "прогрессивным человечеством" строили новый коммунистический мир. Но для кого?! И теперь – какая ирония судьбы – они стали жертвами этого мира. Они не могут даже уехать их него. Они стали пленниками собственного творения. Кронос пожирает своих детей. Сколько еврейских сил, энергии, страстей, обмана, коварства, денег, романтических устремлений, человеческих жизней было брошено на алтарь марксизма, ленинизма, большевизма, троцкизма. Но глобальная саддукейская акция не удалась. Преступная идея обратилась против них самих. Кому же надо оплакивать свои ошибки и кому возмущаться.

Мы не иронизируем, мы понимаем – на исторических ошибках нужно учиться всем, чтобы нами не загребали жар в пользу “единой и неделимой” и на благо “самого передового”, “самого гуманного” и самого прочего общества на земле.

Репрессии болезненно сказаваются на израненном, измученном и запуганном обществе. Но мы не унываем. Конечно, наша “приграничная стратегическая зона”, под видом которой тайно и явно уничтожается наша земля и народ, будет в будущем, возможно, уже последней войне, глубоким тылом. Это понимают в Москве, но для политики денационализации такая мелочь не имеет значения. Даже если до начала этой жутко ожидаемой всем человечеством войны мы, живущие в счёт будущего, превратимся вместе с нашей родиной и землёй в тот изсине-желтый апокалиптический пепел, мы встанем из него и, как мифический феникс, придём страшным мучительным видением в сон победителей укорять остатки их искалеченной совести.

Мы не унываем, потому что глубоко верим в праведность нашей земли и в справедливость Творца, в духовные силы народа. Мы начинаем понимать глубокий исторический смысл наших мучений. Мы пройдем сквозь этот ад до конца, и будущее наше будет прекрасным.

Сегодня нас, белорусов, как будто не существует в этом мире. Вокруг нашей родины – “стратегической зоны” – зона молчания. Вероятно, потому, что мы сами не хотим заявлять о себе. Отчасти это верно. У нас выработались и исторически сложились свои традиции демократической деятельности. Мы представляем служение своему народу прежде всего как конкретное дело и упорный труд, а не фрондёрские крики и экстремистские выходки. Так повелось со времён “Нашай нивы”. Спросите любого нашего интеллигента, и даже любого белорусского крестьянина. Каждый из них выскажется за хозяйскую рассудительность, за работу, и не одобрит никаких авантюр. Это канструктивное качество нашей национальной интеллигенции исходит от духовной сущности нашего народа, определено духовным основанием нашей национальной индивидуальности.

И дело не в том, что у нас мало так необходимых иногда людей, готовых саможертвенно прошибать лбом стену, но беда в том, что **работать-то** для добра нашего отечества, народа, языка, религии, культуры нам как раз и не дают. Наша духовная сила не подкрепляется государственной причастностью. У нас существует огромный разрыв между народом, национальной интеллигенцией и антинациональным государственным и партийно-бюрократическим аппаратом. Разрыв этот особенно разителен по сравнению с другими, так называемыми, советскими республиками, напрамер, прибалтийскими. Мы совершенно беспомощны перед чуждым нашим национальным интересам государственно-партийным бюрократическим аппаратом, давно (после 1937 г.) выродившимся в оголтелую номенклатурную касту наследственных русификаторов.

В этом положении требовать соблюдения конституции, права, законов, когда вопрос ставится о национальной белорусской культуре, истории, традиции, религии, языке и т. п. – равносильно понапрасну сотрясать воздух, и даже опасно, ибо сейчас же следуют обвинения в национализме и требования расправы.

“Националистов” (понимай белорусов) нужно давить сейчас, теперь, в зародыше, пока они ничем не проявили себя, ибо потом их придется стрелять из автоматов”. Так говорят (пока в кулуарах) российские “интернационалисты”, адепты КГБ. А вот как высказываются янычары на заседании парткома Академии Наук БССР: “Нужно обратить особое внимание и проследить за лицами, разговаривающими в стенах Академии на белорусском языке”.

Это не сон и не фарс, а наша сегодняшняя действительность. Это не 1937 год, а 1974-й. Разнорядка на националистов спущена, и циркуляры исполняются.

Ко всем репресированным применяется одна основная формулировка: 1) “идеологически чужд советской власти”; 2) “занимается антисоветской деятельностью”. “Антисоветская” деятельность Валентина Рабкевича, например, заключалась в том,

как явствует из материалов КГБ, что он несколько лет назад ездил в гости к известной белорусской поэтессе Ларисе Гениуш. Она постоянно проживает в г. Зельве и печатается в изданиях БССР. Пройдя сквозь сталинские лагеря, она не приняла советское гражданство и, живя в Беларуси, является гражданкой Чехословакии. По мнению КГБ, Рабкевич не должен был ее навещать. (Кстати, как нам сосбщили, это не единственный случай репрессий представителей белорусской молодежи, которые навещали свою поэтэссу в изгнании. КГБ хочет сделать вокруг Гениуш зону молчания и одиночества.)

Говорят, что Алеся Кавруса, которому не предъявлено никаких реальных обвинений, репрессировали "для профилактики". Так выражаются, на жаргоне КГБ, когда человек им не нравится, его надо уничтожить (наверно, чтобы "потом не стрелять из автоматов"), а вины за ним никакой нет, как говорится, не пьет, не курит и никуда, кроме библиотек, не ходит, да к тому же и неразговорчив. Такими же качествами характера, как утверждают, отличается и репрессированный белорусский археолог Михась Чернявский. О, это очень опасные для Ка-Ге-Бе и советского строя люди. Хорошо бы их, сволочей, сразу их автоматов! Ишь, чего-то там читают, изучают, пишут, по-бе-ло-рус-ски разговаривают, свободы им захотелось, мы тоже грамотные.

Специфика положения в том, что "вину" в подавляющем большинстве случаев провоцирует и фабрикует КГБ. Это характерная черта российско-советских полицейских органов в Беларуси. Делается это запланированно с целью уничтожения всей и всякой национально мыслящей белорусской интеллигенции. (Интеллигенттские обыватели и янычары, разумеется, во внимание не прынимаются.)

Большинство белорусской национальной интеллигенции лояльно относятся к социализму, ведь выбирать, как известно, не приходится. Но для КГБ совершенно не важно, что белорусская национальная культура развивается в БССР как социалистическая. Важно, что она **национальная**, что она говорит, пишет, поёт белорусским языком, и другим языком это делать не может. А этого-то как раз КГБ вместе со всеми остальными "радетелями" Беларуси и не может терпеть. Они, видите ли, тоже за "Белоруссию", но без белорусской культуры. Они за белорусскую культуру без белорусского языка. Они, наконец, и за белорусский язык, но только не в школах и не в вузах, и не в учреждениях, и не в судах; они за него в принципе **вообще** (пока), а на деле – **нигде** (и никогда). Вот краткое изложение ихней денациональной, "интернационалистской" софистики.

Главное – не дать работать, не допустить роста белорусской науки и национальной культуры. Для достижения этой насильственной цели КГБ не останавливается ни перед какими средствами, провокациями, шантажом, даже убийством. Летом 1972 года, например, при весьма загадочных обстоятельствах бывшими военнослужащими МВД российского происхождения (один их них является работником Дома правительства) был зверски убит в Минске известный белорусский художник Лявон Борозна. Главный убийца симулировал невменяемость. Судебно-медицинская экспертиза установила симуляцию. Но подсудимый продолжал симулировать до конца и не дал таким образом никаких показаний о причине убийства, твердя беспрестанно, что он "сын Сталина" и убил художника "по заданию вождя".

Главный убийца получил 15-ть лет заключения, и на этом дело похоронили. Ходят слухи, будто жена убитого пыталась вновь поднять это дело, но встретила перед собой бюрократическую стену неприятия и ненависти.

Через год (1973) в Ялте следующее убийство. На этот раз жертвой стал Валерий Мулявин, артист гастролировавшего в городе известного белорусского ансамбля "Песняры". Говорят, произошла ошибка – хотели убить руководителя ансамбля Владимира Мулявина, убили брата.

Несколько лет назад группой коммунистов и "прочих" (как говорят в таких случаях) был зверски убит на улице в Минске молодой белорусский поэт Игорь Ходанович. Причиной

убийства послужило то, что Ходанович заговорил с убийцами по-белорусски. Российские коммунисты выкрутились, а “прочих” – одного белоруса (по происхождению) и одного еврея – судили. Дескать, смотрите, сами себя бьют, а вообще-то во всём виноваты евреи. К убийствам (точнее – к исполнению убийства) отнеслись довольно терпимо: одному дали 10 лет, другому, кажется, и того менше.

Есть и другие случаи. Зафиксированы также покушения на жизнь белорусских национальных деятелей, явно инспирированные агентами КГБ.

Агентурная сеть тайной полиции в Беларуси, особенно в городе Минске и обласных центрах, достигла угрожающих размеров. Наши учреждения кишмя кишат шпионами-“стукачами” и переодетыми кадровыми работниками КГБ, которые подслушивают, записывают, доносят, провоцируют на разговоры о политике, лезут в друзья, в душу. (Кстати, это очень веселая часть нашего жуткого существования, ибо большинство шпионов всем известны, и ситуации бывают похлеще, чем в гашевском трактире Паливеца.) Вся наша почта проверяется, все телефонные разговоры подслушиваются. Люди в помещениях избегают говорить на политические, национальные и другие опасные темы. Особенно, если в комнате есть радио (а оно полагается в БССР в каждом помещении и квартире, причем жильцов не спрашивают, а проводку делают) или телефон. Ибо все наши телефонные аппараты имеют двойную систему включения микрофона и устроены так, что и при лежащей трубке все, даже очень слабые разговоры в комнате, фиксируются и передаются на усилитель и записывающее устройство соответствующего паралельного “отдела” при телефонной подстанции. Тоже самое происходит и при включенной радиоточке. Мы не говорим здесь уже о миниатюрных радиопередатчиках и прочих устройствах. Не касаемся также вопроса вопиющего нарушения международного закона о правах человека, все положения которого, начиная с 1973 года, СССР тоже обязан исполнять.

В нашем обществе еще, или точнее, уже не понимают, что подслушивание телефонных разговоров, тайные записи и фиксации являются актами **юридического** нарушения прав и свободы личности. Но зато люди отлично понимают другое: закон в этом обществе партийной олигархии и коррупции – пустой звук. На закон, если потребуется, опирается здесь тольки сила и власть.

Во всех отделах кадров крупных предприятий и так наз. идеологических учреждениях сидят функционеры КГБ, полковники в отставке и т. п.; обязательно российцы. Они просеивают национальный состав этих институтов по своему усмотрению. Не случайно отделы кадров имеют у нас поэтому большое значение. Они пользуются известной автономией и крепкой незыблемой властью.

Наша лучшая национальная литература, наша лучшая печатная историческая мысль хранится под семью замками в “спецфондах” библиотек на попечении тех же полковников (здесь явление стопроцентное), которые, являясь работниками библиотек, в многих главных вопросах администрации не подчиняются. Они распоряжаются нашей литературой согласно собственного невежества, ненависти, бдительности и присланных из КГБ инструкций. Согласно этих инструкций, например, двойные экзэмпляры книг в спецфонде держать не рекомендуется. Их сжигают. Читать литературу в спецфондах библиотек Беларуси могут по специальному разрешению буквально единичные люди из научных учреждений, работающие над определеной научной темой. Их имена, документы и прочитанная в спецфонде литература тщательно регистрируется и регистрации сдаются в архив на вечное хранение. Студентам, творческим работникам и всем прочим смертным доступ в спецфонды закрыт. Читать им могут позволить там только в виде исключения, если есть достаточное обоснование с соответствующими подписями и печатями.

Наши университеты и институты труднодоступны для тех белорусских абитуриентов, которые имели счастье окончить белорусские школы, ибо всё преподавание во всех без исключения ВУЗах, техникумах и училищах ведется только на русском языке.

Из этого факта извлекается и проводится гнуснейшая политика и пропаганда по закрытию белорусских школ, поскольку они, де, непричастны и безотносительны к системе преподавания в ВУЗах. Русификаторская партийная власть создала в Беларуси искусственный замкнутый дьявольский круг: школа – вуз – школа. В этом круге **белорусская** школа оказалась лишней.

В созданной ситуации цекисты и прочие “радетели” Беларуси лицемерно показывают видимость заботы о поднятии и развитии белорусской школы. Но лишь для того, чтобы с притворно-постной физиономией развести руками: идёт, дескать, необратимый интернационалистский процесс. Белорусы сами отказываются от своих школ.

Да, такие случаи, когда отдельные национально несознательные и, главное, **распропагандированные** соответствующим образом родители отказывались от белорусской школы, действительно, имели место. Причина опять же – вуз. “Ведь мой ребенок потом не поступит в институт, ибо там требуют русского языка и русской терминологии по всем предметам. Следовательно, тот, кто окончил русскую школу, будет в выйгрыше”. – Так думает прагматический родитель. И он по-своему прав. Ибо перед ним поставлена дикая альтернатива: или вуз, или школа. Расшифровывается это таким образом. Дескать, поскольку в Беларуси все вузы и техникумы, и училища российские, то легче поступить учиться в них из российской школы. Белорусская же школа оказывается к высшему образованию не причасна. Она ни при чем и ни к чему. Мы, де, конечно, не против белорусской школы, – лицемерно говорят правители Беларуси, – и даем вам, дорогие родители, право выбора школы для своих детей. На деле это означает, что родители должны решать несуразный альтернативный вопрос: вуз? или школа?

Более того, русификаторская власть в Беларуси предоставила этим родителям только один путь выбора, только один путь разрешения вопроса. Родители должны, фактически, выбрать только, какая **школа** нужна их детям – белорусская или российская, но отнюдь не – какая школа и вуз одновременно!

Большинство, конечно, в силу нашей общей политической инертности даже и не подозревают, что надо требовать белорусские вузы, а не отказываться от белорусской школы, к чему искусственно подводит наше обманутое население русификаторская пропаганда и партийная власть.

И когда этот вопрос таким образом ставится, вот тут то и выявляются истинные цели этой гнусной политики, тут то и слетают маски с цекистов-“радетелей” и открывают всем напоказ их зловещие предательские лица.

Несколько лет назад студенты Белорусского государственного университета в Минске начали собирать подписи за то, чтобы преподавание в белорусском университете велось на белорусском языке. Действия их были немедленно объявлены антисоветскими. В дело вмешался КГБ, и тех, кого сочли нужным считать “зачинщиками” – репрессировали. Комментарии, как говорится, излишни. (Студенты в СССР, кстати, как известно, не имеют никакого юридического статуса. Такового не существует.)

Ненормальное положение в белорусских вузах приводит к тому, что там совершенно не воспитывают кадров национальной, сознательной белорусской интеллигенции. Наоборот, всё светлое и народное, естественное и белорусское, всё, что от этой земли и жизни, – там извращается, замалчивается и убивается; прививаются чуждые национальным интересам взгляды, этика и антикультура, и дух со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Наши же сознательно-**национальные** кадры в прямом, а не в административно-экономическом значении этого слова, растут сами, случайно, стихийно, как трава сквозь асфальт, но органически, естественно, ибо так и должно быть, таков закон живой природы. Ведь под асфальтом родная, живая, благодатная земля. Она дышит. Этим редким порослям цены нет.

О прессе говорить не приходится. На белорусском языке выходят несколько республиканских журналов и газет. Отрасьлевой национальной прессы, особенно что касается краеведения, истории, искусства, истории культуры, музыки, графики, киноискусства, театра, фольклора, этнографии, архитектуры и т. п. – не существует. Печататься по этим вопросам негде. Единственная газета этого общекультурного профиля “Літаратура і мастацтва”, которая выходит один раз в неделю, и два литературно-общественных журнала “Полымя” и “Маладосьць”, находящихся к тому же, особенно в последнее время, под жёсткой партийной цензурой и мелочной опекой, не могут, естественно, осветить даже малой доли тех проблем и вопросов, факты и события национальной истории, культуры, искусства и многих гуманитарных наук.

Все попытки основать белорусские журналы по искусству, краеведению, архитектуре, театру и другим отраслям национальной жизни были безуспешны и отметены ЦК КПБ с порога под предлогом отсутствия бумаги или с более “серьёзной” аргументацией – “зачем это нужно”.

Давление на существующую белорусскую прессу (кроме разве что партийной газеты “Звязда”, призванной, кроме всего, еще и иллюстрировать перед интересующимися национальный “суверенитет”) не прекращается. Здесь даже используются подкупные посулы редакциям и редколлегиям, руководителям творческих союзов и другим лицам о возможных личных и общественных (?!) выгодах от перевода издания на русский язык.

О замыслах русификаторов многое может прояснить и тот факт, что республиканская газета для сельского населения Беларуси “Сельская газета” выходит на российском языке. Большая часть сельских районных газет печатается так же на российском. Характерно, что в восточной части Беларуси районных газет больше выходит на белорусском языке, чем в западной, где национальная сознательность, религиозность и активность населения сравнительно выше. Поэтому-то в целях русификационной политики и предписано выпускать здесь, на западе республики, обласные и районные газеты только на российском языке (за редким исключением).

Гнёт цензуры в Беларуси мелочно-отвратителен. Издания наши проходят через длинную цензурную иерархическую цепь, начиная от редактора, через главный цензурный комитет под названием “Главлит”, потом через военную цензуру, разные ведомственные цензуры, цензурный отдел КГБ, и, наконец, через цензуру идеологических и прочих отделов горкомов, обкомов и обязательно ЦК КПБ. Таков путь белорусских книг, иллюстративных изданий, журналов и даже праздничных юбилейных открыток (!). Если что-либо живое и проскальзывает в печать после этого, то в большинстве случаев, как правило, благодаря невежеству цензоров.

Плохое положение на нашем радио и, особенно, в телевидении. Советское телевидение вместе со школой и кино – пожалуй, самый сильный и самый отвратительный инструмент одурманивания человека с первых шагов его сознательной жизни. В Беларуси это усугубляется еще ненациональным великодержавным характером телевизионных передач.

Национального киноискусства у нас уже давно не существует, хотя на территории республики действует и субсидируется из республиканского бюджета большая киностудия русификаторского толка под названием “Беларусьфильм”. Художественных фильмов на белорусском языке уже не выпускается. Их нет вовсе. Национальная тематика на экранах присутствует редко, формально или в извращенном и оскорбительном виде (например, “Могила льва”, “Я – Франциск Скорина” и др.)

Сегодня на всю республику, после разгрома 30-х годов и войны, осталось только три белорусских театра: два в Минске и один в Витебске. Требование населения открыть национальные театры на белорусском языке (на пример, в Могилеве, Гродне и других городах) во внимание не принимаются. Новые театры открываются только на российском языке (например, драмтеатр в Бобруйске, театр оперетты в Минске).

Главное внимание КГБ сосредоточено на Академии Наук БССР и на творческих союзах. Положение в Академии Наук катастрофическое. Через некоторое время, если ситуация не переменится, здесь не останется ни одного ученого-белоруса. Минимум российцев в АН БССР лимитируется, но максимум не ограничен. Белорусов же никогда не может быть ни 70, ни80, ни, тем более, 90 или 100%. Но их может не быть в Академии вовсе. Для национально-сознательной интеллигенции это положение абсолютно и касается ее прежде всего. Такова логика и устремления тайной и явной политики русификаторства в Академии Наук БССР. Как и везде, здесь властвуют парткомы. Они решают всё, начиная от приёма на работу и кончая многими научными вопросами, которые позволительно трактовать, как “идеологические”.

КГБ держит здесь свой огромный штат стукачей и функционеров, которые занимают здесь разные должности – от секретарь-машинисток и фотографрв до директоров институтов(!). Тайной полицией умело используется здесь антибелорусская, антинациональная политика партии и ЦК КПБ, разные цитаты об “интернационализме”, национализме в цекистском понимании и т. п.

Поскольку безудержная угодливость предателей всегда более реакционна самого оголтелого великодержавного варварства, то, что, однако, более грустно, чем забавно, многим белорусским ученым, писателям, художникам, драматургам и другим творческим работникам приходится обращаться за помощью в ... Москву. У некоторых ортодоксально мыслящих белорусов создаётся даже ложное впечатление, что не будь этой же самой Москвы – янычары во власти растерзали бы здесь всё на свете. Белорусы мол должны быть благодарны многим честным московским людям. Однако, мы отлично понимаем, что все старания “наших” предателей, партизан у власти, цекистов и московцев в Беларуси, также исходят из того, что ... “существует эта Москва”. Ибо только там эти старания замечают, и только там за их предательство вознаграждают.

Адепты КГБ и партийные функционеры создают и поддержывают в Академии Наук БССР дутые авторитеты, добиваясь для “своих людей” присвоения научных званий и степеней, выдвигая их на руководящие административные и партийные должности. В самом сердце нашей науки, нашего языкознания, теории и истории искусства, этнографии, истории, философии, экономики и др. гуманитарных и общественных наук поселились враги, фактические карьеристы и чиновники. Они у кормила научной власти. Они действуют всё более цинично, уничтожая национальные кадры, зажимая рот живой мысли, оплёвывая историю национальной науки; они развращают умы выпуском безграмотной “макулатуры”, извращающей всю нашу национальную историю и всю нашу национальную жизнь. Они – у власти, они создают и насаждают свои “научные” кадры по образу и подобию своему – людей, в лучшем случае, безотносительных к белорусской культуре, к науке, к национальным задачам, но всегда стоящих на высоте своего околонаучного невежества, всегда готовых бросить ком грязи в наш народ, поддержать самую неправедную ложь.

Оригинальных научных исследований в области белорусистики становится всё меньше. С новой силой, как в 30-х годах, распространяется и нарастает дешевый изжеванный псевдонаучный штамп, схематическая компеляция из окаменелых партийных положений.

В Беларуси существует две Беларуси. Одна – официальная, рафинированная, говорящая в основном только па-российски (если не требуется обязательных национальных иллюстраций). Она напомажена трескучими фразами и ложью о суверенитете, о расцвете национальной культуры, строительстве коммунизма. Она – лакейски клянущаяся в верности Москве настолько ревностно, что в забывчивости уже и не называется Беларусью, чтобы не заподозрить себя в национализме, сепаратизме, выпячивании и прочих придуманных для нас смертных грехах.

И есть другая Боларусь. Это наш скромный, трудовой многомиллионный народ, живущий, как и все в СССР, при фактическом крепостном праве, не в состоянии распоряжаться

собственной жизнью и свободой. Это – лучшие представители его интеллигенции, бережливо сохраняющие и защищающие родной язык, культуру, историю. Это люди, думающие о духовном национальном будущем своего народа. Они работают для своей родины не за мзду, не за вознаграждение, а за совесть и любовь к родной земле.

На них громогласно и втихомолку плюют ортодоксальные обыватели, партийные чинуши и цекисты, выливают потоки грязи, подличают, боятся, уважают сквозь зубы, цитируют не любя перед международными организациями и выборщиками, ибо это необходимо, так полагается подтверждать конституционное статус-кво советской республики. Они (цекисты) прикрывают их именами и цитатами перед другими народами и собственным населением своё предательство национальных интересов и чудовищную ложь; они готовы тут же расправиться с ними при первом удобном случае в интересах коммунистического строительства, интернационализма и империи.

Но как раз у этих людей и хранится наша национальная правда, наше подлинное настоящее и желанное прекрасное будущее.

Трагическая парадоксальность ситуации в том, что говорить обо всём этом национальном состоянии нам, людям 1974 года, почти не приходится. Ибо всё это трудно объяснить непосвященному человеку. В это отказывается верить здоровый рассудок и здравый ум. Официальная ложь и невероятность истинного положения настолько разительно не совпадают, что связать всё воединое и понять из-за отсутствия достаточной информации не всегда удаётся даже человеку, живущему в Беларуси, но далёкому от национальных проблем. Он питается официальной похлёбкой, что подают. Но мы видели прозревших и понявших. Мы видели их, на первых порах растерянные лица и остановившиеся от ужаса глаза.

Иностранец или человек, далёкий от национальной жизни и культуры, послушав в общем скупую и спокойную информацию о наших делах, считает, что выслушал только если не сумасшедшего, то, по крайней мере, человека предельно субъективного с широким творческим воображением, особенно если рассказывалось с юмором. (По некоторым национальным понятиям и традициям юмор – это самая интеллигентная манера разговора о серьёзных вещах. К сожалению, нас не всегда понимают.) Однако, повторяем, в душе нам уже давно не до юмора, когда мы видим, как изо дня в день разрушают нашу родину. Разрушаюи и лгут, лгут – и разрушают.

Западные радиопередачи на белорусском языке мы почти никогда не слышим. Их глушат особенно яростно и скрупулезно. Все западные радиопередачи на российском и польском языках, если в том или ином вопросе и касаются нашей родины, то выражают, как правило, точку зрения польских шовинистов или российских белогвардейцев. Рассуждения сильно "пахнут ладаном" или давно известным всем "от моря до моря" "патриотизмом".

Слушание их для белорусов полезно разве в том только смысле, что позволяют нам констатировать, что живя на Западе и глаголя о демократии, эти люди в методологии своего мышления так ничему у Запада и не научились.

К величайшему нашему огорчению, в вопросах демократической **методологии** та же самая окаменелость наблюдается и у современной московской диссиденции. Здесь присутствуют главные недостатки традиционного российского интеллигентского мышления: критиканство и отсутствие конкретной, ясной, положительной и демократической цели. Все они, от академика А. Сахарова до высланного писателя А. Солженицына, подвергли разоблачающей критике существующий режим и все они высказали туманные надежды на светлое будущее России, на ее "великую роль" и т. п. Избитое и всем надоевшее.

Мы с большим уважением относимся к гражданскому мужеству писателя Александра Солженицына, демократической деятельности Андрея Сахарова и других московских диссидентов, но в вопросе будущего "России" последовательным демократам нужно прежде

всего сказать, **что** они под этим “будущим” понимают, что имеют в виду и как его представляют.

Ведь вопрос по существу ставитсчя ими о замене “России” коммунистической “Россией” демократической (в имперских границах СССР).

Московские демократы никогда не понимали и, к сожалению, совершенно не понимают по сегодняшний день, что никакая демократия **невозможна**, что ни о какой демократии **не может быть и речи**, пока существует эта империалистическая сверхдержава – назовите её СССР, Россия, РСФСР – как хотите. До тех пор, пока эта гидра будет существовать – до тех пор будет империализм и насилие, до тех пор никакая демократия невозможна.

Стоит ли подробно объяснять это? И А. Солженицын, и А. Сахаров должны знать и историю образования России, и историю образования СССР, и что такое “русский дух” и мифический “русский народ”, чтобы не питать никаких иллюзий на этот счет.

Первым пунктом и первым требованием всей нашей волею судьбы “советской” демократии должно быть требование **полной и безоговорочной национальной государственной свободы и независимости для всех народов СССР и РФСР.** И без никаких “но”, и без никаких “если”. Если кто-то с кем-то захочет объединиться, то сделают это сами, без кураторов и без “если”.

Нужно отбросить политические иллюзии и предрассудки о панрусской идее, особой “миссии” России и т. п. Этот вопрос не выдерживает никакой критики и никакого мало-мальски свободного, непредвзятого научного рассмотрения. В настоящее время “русские” – единственный “народ” (назовем так условно), не имеющей своей национальной территории и национальных границ. Взгляните на карту т. наз. РСФСР. Где живут русские? Характерно, что даже сама принадлежность человека к “нации” определяется здесь не существительным, а прилагательным – “русский”. Это слово своего рода предшественник, прообраз названия для представителя будущей сколачиваемой коммунистами “великой общности” людей – “советский народ”. Общность “русских” (именно общность, а не нация) должна, по мнению русификаторов или интернационалистов, по советской терминологии, расширяться в общность “советских”. Они даже поспешили, опережая события, объяснить в партийных документах, что такая общность, по их мнению, уже есть, что она будто бы исторически состоялась. Следовательно, человек этой “новой общности” – “советский”. Это, как и “русский”, уже должна быть не **индивидуальность**, не представитель **нации**, **народа**, а элемент некоей **политически организованной конформистской массы**. (Кстати, конформизм и масса – всегда следствие односторонней, жестокой и нетерпимой стандартизированой идеологии империализма.)

Эта политическая идея “русского” – оформилась в огромную империю-сверхдержаву по типу исторической Золотой Орды и по образу Рима, но до сего времени так и не сформировала угро-русский конгломерат в нацию, не вывела его из состояния массы, не выработала духовных национальных традиций и никакого позитивного смысла, кроме общего политического нездорового стремления к расширению, подавлению и насилию, культа государственного (русского) языка как инструмента этой патологической политики.

Когда эта крепостная коммунистическая империя рухнет – она не оставит после себя не то, что живого языка, но и никаких культурных памятников, никаких духовных ценностей – **достойных подражания и учения**.

Эта евразийская держава – самая бесславная из бесславных, самая жестокая, самая лживая и ханжеская, самая антикультурная и самая антигуманная из всех империй, когда-либо существовавших на земле. В 1917 году терпение лопнуло. Но революция, как и всякая революция, только выплеснула на поверхность чудовищ типа Сталина, насилие царское заменила насилием коммунистическим. И все русские мерзости старой России расцвели в тысячекратном увеличении, в безбрежном море лжи и человеческой крови.

Однако время неумолимо. Оглянитесь назад. В древности рассыпался Рим, распалась империя – и бесследно исчезли римляне, оставив истории свой мёртвый язык, свидетельства государства, искусства, культуры, но никаких этнических, антропологических и прочих свидетельств о себе, как о народе, как об этносе. Ибо не было такого народа, как римляне. Были служители государства, империи, были жрецы **политической идеи.**

Латинский язык в Римской империи был инструментом этой идеи, средством **государственной связи**, но не средством **этнического, национального общения.**

Но вот идея исчезла, империалистическое государство рассыпалось, и язык его оказался никому не нужным. Владельцев его не нашлось и живых носителей уже давно, фактически, не было.

А теперь посмотрите, сколько слов, фраз и тирад для заучивания наизусть сказано о “великом и могучем” “русском языке” разными имперскими служащими всех мастей и периодов, хотя при ближайшем научном сравнительном изучении этот язык не только не могуч, но и довольно примитивный, громоздкий, неконкретный, консервативный, запутанный и эклектичный, с нагромождением тяжеловесных синтаксических форм, грамматических ребусов и шипящих звуков. Посмотрите, какое поистине империалистическое внимание придавалось и придаётся “русскому” языку как **государственному фактору**. Это же целый раздел коммунистической “интернационалистической” идеологии. Это же целая сфера особого рода стратегии и насильственной политики “строительства коммунизма”.

И более всего страдают от этого народы, официально именуемые “братскими”, поскольку естественный языковый барьер здесь ослаблен.

Но дни этого царства уже сочтены. Сейчас мы видим ещё только начало общей агонии его, но картина гибели уже ясна. Поэтому надо бороться, чтобы не пойти ко дну вместе с ветхим чужим караблем; нужно беречься, чтобы яд разлагающегося трупа не поразил ещё здоровые отдельные члены его, способные к жизни, труду, творчеству и развитию. Нужно находить противоядие, которое станет залогом нашей будущей свободной жизни. Нужно спешить, иначе все мы задохнёмся в тошном смраде подыхающего чудовища.

Политическое требование разбить империю, уничтожить “гидру” – вскоре станет экологической необходимостью так же, как и совершенно справедливое требование А. Солженицына, пока не поздно – отказаться от марксизма. Но марксизм и империализм, марксизм и империя – неотделимы. Полувековая история и едеология большевизма давно доказала это.

Приостановить экономический рост и самоубийственный прогресс, который, если будет продолжаться, по всем подсчетам (об этом известно всему миру) должен **полностью** уничтожить нашу цивилизацию уже в пределах половины будущего столетия, можно будет только тогда, когда будут выполнены эти требования.

Перед всей нашей цивилизацией сейчас стоит главный экологический вопрос стабилизации экономики, производства и всей нашей жизни, приостановление прогресса и безудержного, гибельного экономического роста. Проблема упирается, прежде всего, в военный стимулятивный характер экономики и идеологии империалистических государств, в первую очередь СССР и США – главных виновников нынешнего апокалипсического состояния на Земле.

Но в западном мире вопрос стабилизации, сдерживания прогресса и приостановления экономического роста уже перестал быть абстрактным построением, занятием ученых одиночек. Там **уже** предпринимаются практические шаги в решении этой неотложной задачи. В дело включились экономисты, социологи, коллективы ученых, священники и некоторые политические деятели. Не вызывает сомнения, что если бы этот вопрос зависел только от западной цивилизации, то общими усилиями, благодаря гибкости и мобильности западной системы, выход был бы найден.

Но мир един. И одна его сторона не в состоянии решить общий вопрос планеты, если этому противится сторона другая.

Если на Западе прогресс развивался стихийно в силу характера буржуазных отношений и, с другой стороны, особенно после 2-й Мировой войны, как следствие агрессивных устремлений коммунизма, американского империализма и гонки вооружений, то на Востоке, в СССР прогресс является, прежде всего, следствием, сутью и самоцелью идеологии.

Марксизм иначе не представляет жизнь, как “непрестанно развивающийся” “прогресс”, как “развитие производительных сил и промышленности” при “всё возрастающей руководящей роли рабочего класса”; марксизм в другом не видит цели, как “в создании изобилия материальных благ” и “всеобщем удовлетворении всё возрастающих потребностей”. Это – логическая, политическая основа его идеологии. (Мы не касаемся здесь неосознанной мистической идеологии марксизма. Это особый вопрос.) Отказаться сейчас от этих постулатов марксизма XIX столетия – равносильно смерти его. И если раньше человек здравомыслящий, человек духовный отворачивался от примитивности и лжи марксистских рассуждений или не принимал их всерьёз, то сейчас над этим нужно еще раз глубоко задуматься. Ибо теперь уже становится **видимой истинная преступная суть** этой идеологии в жизни всей нашей современной человеческой истории. Тайное становится явным. Оно проявляется перед измученным и разуверившимся взором нашей цивилизации как тщательно кем-то придуманное и приведенное в действие самоубийство и грехопадение человечества. Оно не могло быть ошибкой в расчетах нескольких безумных людей – слишком много миллионных **невинных** жертв было принесено на кровавый его алтарь. И теперь даже в прошлом ретивые адепты его увидели, что путь этой “самой передовой” идеологии ведет даже не в тупик (из тупика можно вернуться назад), а в пропасть. Вот уже поистине – “Посрамлю мудреца его же мудростью”.

А ведь реальной основой и базой политической жизни и агрессивного функционирования этой идеологии на Земле было и является по сей день – особым образом организованное, **империалистическое государство**. События последних лет (Венгрия, Куба, Чехословакия, Вьетнам, Чили, Ближний Восток и др.) особенно иллюстрируют это.

СССР гонится за прогрессом вот уже десятки лет. Здесь, не считая малонаселённых сибирских колоний, уже основательно изгадили землю, отравили многие реки, уничтожили старые леса, отравили атмосферу городов, построили огромные дымящие заводы, баллистические ракеты, танки, развалили сельское хозяйство, развратили человека. А посмотрите, как бедно мы все в этой империи живем (кроме разного рода государственных воров и партийной верхушки). У нас не хватает необходимых продуктов питания (надо кормить российцев, их пьяные города, гигантскую армию и флот). Хронически не хватает жилья, предметов первой необходимости. Наше имперское общество, отравив природу почти в такой же степени, как и на Западе, не то что не достигло еще западного уровня общества высокого потребления, но даже и не приблизилось к нему. И перспектив уже нет, потому что производственные ресурсы СССР исчерпаны, свободной рабочей силы больше нет (с деревни уже, как раньше, тянуть нечего; они пустеют), природа частью уничтожена, частью изгажена, а путь к исправлению положения и “достижения цели” (согласно коммунистической идеологии) лежит через прогресс. А это смерть.

Можно еще отказаться от крепостного права. Это значит – от деморализующего уравнительного принципа оплаты за труд, а не за результаты труда и объём работы, так как работать можно по-разному, разное время и с разным результатом; можно отказаться от централизации производства, экономики и всей жизни, от колхозов и совхозов как совершенно не производительных государственно-крепостных латифундий; можно признать, наконец, несостоятельным волчий закон социализма (от каждого – по способнастям, каждому – по труду), ибо, кроме неправильного принципа оплаты по труду, люди не волки, они живут не в одиночку, а семьями. Поэтому, по примеру западных государств, минимальная заработ-

ная плата человека должна составлять прожиточный **минимум его семьи**, а не одного работника. Можно понять в связи с этим ложь разрекламированной эмансипации женщин и истинное её государственное и бытовое закабаление, можно найти в этом одну из причин непрочности советской семьи и прочие вытекающие последствия; можно в конце концов сделать человека свободным от прикрепления к определённой местности под видом прописки, можно выдать кохозникам паспорта и освободить крестьян от крепостной зависимости, от колхоза и от председателей-самодуров, можно обеспечить населению свободу передвижения и свободу выбора работы и местожительства; можно обеспечить свободу труда: можно высказаться за кооперацию, за совхозы на деле, а не на бумаге, за правовое, фактическое, равное для всех юридическое положение личности, а не зависимость от номенклатуры, идеологии, партийного членства и текущей политики. Много еще от чего следовало бы отказаться, если бы это не означало самоликвидации империи, а вместе с ней тирании и марксистской доктрины.

Это понимает и этого боится КПСС. (Оккупация Чехословакии в 1968 г. наглядно подтвердило это и еще раз показала истинные империалистические их лица.) Поэтому путь вождей партии и империи остаётся прежним – в пропасть. В пропасть, но вместе с другими. Они хотят скорее погибнуть со всем миром в свое оправдание, чем раскаяться и признать свою несостоятельность.

Прозрение приходит слошком поздно, хотя положение еще можно спасти, страдания приостановить. Сейчас уже становится ясно, в чем заключалась эта особая "мисия России" – скопища зла. Теперь можно понять всю историю формирования ее империализма, все смутные предчувствия XIX века о ее "мессианской" роли. Роль ее действительно замышлялась глобальной. Остановитесь и посмотрите. Вот оно – преддверие цели. Вот оно, красное царство антихриста, подготовившее путь входящему в него.

"...Поспешим развить нашу промышленность... Мы можем черпать наши ресурсы из Европы и Америки; у нас четыреста-пятьсот миллионов людей, из которых мы можем навербовать десятки миллионов солдат; у нас неисчерпаемые запасы железа и металлов, из них мы можем построить тысячи военных кораблей, и тогда мы сможем пройти через пять континентов, на которых вы увидите, как развиваются и танцуют флаги желтого Дракона" (Кан Ю-Вай).

Посмотрите, какая зрелость империалистических рассуждений. Какой уровень. Это писалось китайским философом в девятнадцатом веке, в то время, когда младенческая Россия "смутно чувствовала" свое непонятное "мессианство" и только еще начинала школьнические споры о марксизме и коммунизме. Для оформления и оправдания своих глобальных империалистических и мистических целей Китаю, как в начале XX века России, не хватало только соответствующей идеологии. Что же, он получил ее, желанную, в готовом виде вместе с историческим опытом. И теперь печальное "мессианство" России кончается, начинается танец желтого Дракона, подготовленный ею.

Чем быстрее все народы в СССР это поймут, чем быстрее московская демократия откажется от **империалистической** идеи существования России и СССР, от марксистской идеологии, привнесшей в эту идею преступный исторический смысл, тем больше надежды на спасение наших народов. Путь наш должен быть путем свободных наций и суверенных национальных государств в духовном единении с Западом и христианской Европой. Только тогда мир **как целое** сможет договориться с Китаем. Только тогда можно будет мирным путем снять военное напряжение на планете, остановить самоубийственный рост, гонку вооружений и подумать о стабилизации экономики и всей нашей земной жизни. Если этого не случится – катастрофа неизбежна.

Существование СССР в современном мире с политической и экономической точки зрения бесперспективно, с моральной – преступно. Все попытки договориться с США, чувствуя за спиной угрозу Китая, ни к чему не приведут. Эти две империи имеют разные сфе-

ры влияния. Поэтому в какой бы форме ни велись переговоры, к каким бы выводам ни пришли, – в основе их отношений всегда будет лежать фактическая проблема раздела мира. Так называемая политика “разрядки” хорошо иллюстрирует это заключение. “Разрядка” и невмешательство в дела друг друга – все это очень похоже на предательство Западом интересов порабощенных подсоветских народов и национальных государств. Народы СССР чувствуют это на своей спине. И особенно “братские” (Украина и Беларусь). Похоже на то, что СССР, заручившись молчанием и невмешательством Запада, развязал себе руки с целью покончить с демократическим движением, национальными кадрами и национальным развитием в т. наз. “советских” республиках. В знак благодарности за невмешательство Советский Союз молчит о деле Уотергейт.

Если вопрос упирается в сферы влияния, то в национальном вопросе демократизации и свободы т. наз. “разрядка” ни к чему положительному не приведет. Нам, белорусам и всем народам под СССР, не надо обольщаться никакими “положительными” действиями и договорами империалистов. Наше единство должно развиваться и укрепляться в полезных отношениях между собой. Наша задача бороться за то, чтобы самим решать свою народную, государственную и человеческую судьбу. Мы должны понять уже сейчас, что судьбы наши будут судьбами будущего мира. Жить и развиваться могут только те естественные человеческие объединения, те общества, которые являются нравственными индивидуальностями и имеют свой духовный Божественный идеал добра и вселенской перспективы. Это значит – народы как существа **моральные** и **национальные**. Все же остальные государственные, партийные, имперские, доктринерские и прочие искусственные человеческие объединения несовершенны и переходящи.

Мы должны сохранить наши национальные индивидуальности и идеалы в этом советском мире тотального вынародования и тирании.

Мы должны понять, наконец, самые главные ошибки и трагедию всех наших национальных движений: разобщенность и заигрывание с империей во имя мнимых общих интересов. Пора отбросить эту фальшивую, якобы “реалистическую”, а на деле соглашательскую дипломатию заигрывания с “российским”. Это заблуждение. Пока существует эта темная имперская сила и эта преступная идея “России”, замешенная на марксизме и на “русском языке”, наши национальные интересы никогда не будут учитываться, никогда не будут полностью достигнуты, и мы сами будем виноваты в этом из-за своей разобщенности, неактивности и ошибочной тактики ублажения, усыпления этого стозевного чудовища или использования его в своих целях для удовлетворения собственных национальных интересов, вместо того, чтобы всем сообща уничтожить эту имперскую гидру.

Мы, народы, – национальное большинство в СССР, имеем перед собой вырождающееся имперское конгломеративное меншинство; и мы сами же себя уничтожаем своими руками. Мы соучастники в преступлении, ибо восприняли лживую доктрину, творим у себя их общую политику. Мы сами себя обваровываем духовно и материально во имя их пороков и похотей, во имя их дикости и варварства, во имя их невежественного эгоизма и лентяйства, во имя чужой нам империи. Мы дипломатично расточаем дежурные похвалы тем, к которым все наши национальные народы относятся с презрением. Мы поощряем их пороки. Мы сами объективно способствуем злу.

Поэтому мы обращаемся ко всем живым национальным, патриотическим и демократическим силам в СССР: не повторяйте ошибок национальных соглашателей и коллаборационистов. У нас **нет и не может быть** никаких общих дел и никаких общих интересов с Россией, СССР, РСФР и тому подобными российскими имперскими модификациями.

Каждый из нас должен у себя на родине разговаривать на своем языке. Каждый их нас, живя среди другого национального народа, должен знать его язык и разговаривать только на этом национальном языке, а не на языке имперского общения. Каждый из нас должен поддерживать всякий национальный народ во всех случаях жизни против российцев и раз-

ного рода марксистских “**интернационалистов**”. Это наше общее дело. Мы должны всегда во всем помогать друг другу. Мы должны информировать других о своих национальных делах и проблемах в самиздате. Мы не должны мешать московским дессидентам, но мы не должны и поддаваться на российские имперские провокации “общих интересов”. Они коварны и лживы, а порою просто отвратительны, как например, русофильские сентенции А. Солженицына. Мы должны уметь увидеть истинные белогвардейские лица этаких “демократов” и понять, какая обветшалая идея кроется за их “демократией”.

Вспомните, как обмануты оказались наши национальные народы Лениным и российскими большевиками; какая была их пропаганда национальной свободы, какие обещания ради “общего дела”; как они заигрывали со всеми нами ради захвата власти.

Еще раз напоминаем: **общие интересы** с разного рода российскими “интернационалистами” или самодержавными “демократами” белогвардейского толка и прочими тому подобными во имя, казалось бы, явных политических и дипломатических выгод, объединения сил и т. д. – была, есть и будет, если мы все этого не поймем, нашей главнейшей ошибкой и заблуждением на пути к свободе.

Нужно научиться, наконец, учитывать хотя бы исторический опыт. Нашими национальными руками и помраченными умами строилась империя российская, нашими руками она разрушалась, и на наших же хребтах с нашей помощью и искренними усилиями была построена Россия “свободная”, Россия коммунистическая. Сейчас мы все вкушаем плоды этой коммунистической российской свободы. Интересно, каких плодов вкусят наши потомки, если мы опять позволим построить себе на шею еще одну “Россию”, на этот раз “демократическую”.

А ведь, если прислушаться к высказываниям российских дипломированных “демократов”-лауреатов и не лауреатов, говорящих только о “России”, о “русском”, – можно весьма наглядно себе эти вкушения представить.

Демократией в их суждениях и не пахнет до тех пор, покуда не высказались о самом главном демократическом вопросе – о **вопросе империи и будущего свободного устройства наших национальных народов**. Они этого не только не понимают, но, кажется, об этом и не думают. Пока они, подобно Солженицыну, “ищут” Россию. И не в Москве, а почему-то в “русской” Сибири, на “русском” Севере и даже в Смоленщине, сторя планы и давая рецепты, как перейти из изгаженной ими земли на территории еще чистые и на земли **тоже чужие**. Какая истинно российская мерзость! Нагадить и убегать. Так мыслить может только русский.

Мы должны обратиться к нашим землям и нашим национальным народам. Мы должны обратиться к нашим национальным и духовным ценностям. Мы должны бороться и защищать от российских посягательств свои национальные интересы и интересы всех наших национальных соседей и порабощенных народов-друзей. Мы должны уметь прощать друг другу ошибки во имя единения против общего врага и нашей свободы, ибо мы все равны как перед российским угнетением, так и перед будущей национальной свободой. Мы не должны поддаваться на негласную российскую травлю евреев. Это совершенно противоречит нашим общим национальным и политическим интересам и выгодно только империи и российцам. Мы все должны быть солидарны друг с другом. Мы должны уважать и возрождать наши отдельные и общие религиозные, исторические, национальные и культурные ценности. Мы должны воспринимать мир, человеческую историю и национальное развитие как единое целое и избавляться от авантюризма марксистских материалистических и прочих бездуховных односторонних лживых доктрин. Наши отношения с самого начала должны быть основаны на доверии, честности, уважении, бескорыстности, благородстве, религиозности, терпимости, верности и правдивости в противовес российско-советской этике нахальства, разболтанности, хамства, демагогии, обмана и лжи.

Мы должны похоронить навсегда эту лоскутно-колониальную империю, эту имперскую идеологию и империалистическую идею во всех ее проявлениях, будь то СССР, РСФСР, “интернационалистский” коммунизм, самодержавие или “демократическая Россия”.

Это наша общая самая главная объективная необходимость. Это единственный залог нашей свободы, нашей демократии, нашего независимого национального существования и человеческой жизни.

Март-апрель 1974 г. Могилев Г. Ракутович

Генрих Ракутович

ПОЛОЖЕНИЕ В БЕЛОРУСИ.
1974 ГОД.

Самиздат

Могилев, 1974

О

ПОЛОЖЕНИЕ В БЕЛОРУСИ. 1974 ГОД.

Репрессии, которые происходят в последнее время в Белоруси, побудили нас, белорусских интеллигентов, написать этот краткий обзор событий, рассказать о нашем положении и прояснить нашу точку зрения на некоторые идеологические и политические вопросы.

У нас, пишущих этот очерк, нет совершенно никаких связей с белорусской эмиграцией и заграницей. Уничтожение нашей интеллигенции органами КГБ происходит в полном молчании. Если эти страницы попадут в руки наших братьев и единомышленников из других республик СССР, располагающих более широкими возможностями связи и информации, мы надеемся на их солидарность и помощь.

Политика насилия и лжи проводится в Белоруссии почти не ослабевая с 1930-х годов. Во времена так называемой "хрущевской демократии" мы не смогли полностью реабилитировать большинство своих национальных политических деятелей, писателей и поэтов. Насилие и ложь образовали в республике весьма специфическое положение. По существу мы стоим еще по горло в крови 1930-х годов. Физические и моральные потери были тотальны и столь существенны, что наше поколение чувствует их постоянно.

В 1941-45 гг. наш народ принес громадную жертву на дьявольский алтарь фашистско-большевистской войны и, как и следовало ожидать, не получил за это ничего, кроме лживых заверений и несколько пустых международных представительств, где нам уготовили роль имперских марионеток. Политическим результатом победы было то, что после войны к власти в республике взамен уничтоженных в тридцатых годах белорусских государственных деятелей и национальной интеллигенции пришли партизаны. Этот "особый сорт людей" поныне здравствует и при помощи Москвы и КГБ довольно успешно уничтожает нашу культуру, историю, традиции, передовую науку, национальную интеллигенцию и, самое страшное, - развращает личность, общество и целый народ. Конечно же, они больше "интернационалисты", они более "русские", чем сами "русские" и более марксисты, чем покойные Маркс, Ленин и бывший "величайший из величайших", вместе взятые.

И тем не менее, когда осенью 1973 года КГБ представил Центральному комитету Коммунистической партии Белоруссии сфабрикованные материалы о националистической деятельности среди белорусской интеллигенции и потребовал от ЦК соответственного решения, даже у этих "партизан" хватило бюрократического ума, чтобы не принять эти доносы всерьез и не дать санкции на репрессии и аресты.

Но КГБ свое дело знает, и, как говорится, не тут то было. Недавно всем работникам КГБ увеличили зарплату, многих повысили в звании; наконец их снова заметили, от них ждут благодарности, работы. И как тут не сокрушаться, не позавидовать своим московским, украинским, литовским коллегам и собратьям по чужой крови. Надо же оправдать свои миллионные штаты и внештаты, зарплату, лимиты, циркуляры, звания и дутые отчеты. Ну как тут не проклинать судьбу и эту треклятую "Белоруссию", где и националистов то настоящих нет. Но были бы работники, а работа найдется, как доказывает весь печальный опыт "передовой советской действительности". И работа нашлась.

В 1973 году КГБ начал сколачивать националистическую группу в Белоруси. Когда-то, в 1930-х годах, такой метод был уже использован у нас органами НКВД. Тогда энкаведистами была примитивно сфабрикована мифическая "нацдемовская" организация. Даже название придумали – СВБ. Это значило: "Саюз вызваленьня беларускага народа". В то время никто, разумеется, не вникал, да и не мог вникнуть в суть дела. Властвовали всесильные Органы. Под видом существования СВБ сотни тысяч белорусов, большей частью интеллигенция, учителя, были отправлены в концентрационные лагеря и на смерть.

Сегодня не те масштабы. Да и сажать уже как будто некого. Не этих же дебильных и длинноволосых, мечтающих о сексе, джазе и вине и ничего не смыслящих в национализме, и, конечно, же, не эти громадные толпы грязных и сквернословящих гегемонов и забулдыг, окружающих с утра до вечера гастрономы, винные магазины и пивные лавки – как ни как свои, русские люди.

Да, не тот век, не те масштабы, но Органы те, и методы не меняются.

Летом-осенью 1973 года КГБ проводил в Белоруси тотальную акцию. В Минске и других городах допрашивались десятки человек из Академии наук, Союза писателей Белоруси, Го-

сударственного университета, редакции Белорусской Советской Энциклопедии, полоцкого литературного объединения "Блакитныя лихтары" и из высших учебных заведений и научных учреждений Гродни, Витебска, Гомеля и др. городов.

Провокационными вопросами, шантажом, и угрозами, ложными обвинениями, нравоучениями о патриотизме /в кагебистском понимании/ и прочими методами кагебисты старали запугать допрашиваемых, заставить их признать несуществующую вину и принадлежность к какой-то группе, признаться в какой-то несуществующей между ними связи. Многие из допрашиваемых были вообще незнакомы друг с другом даже понаслышке. Но наивно было бы полагать, что бездарная акция КГБ не будет иметь никаких последствий. В этом грязном деле во внимание, как всегда, принимались только вопросы и обвинения "следователей", а вовсе не ответы и невиновность допрашиваемых. В конце концов было сфабриковано"дело" о белорусской "националистической" группе, которая ставила целью своей деятельности независимость Белоруси, включая восточные исторические и этнографические белорусские земли — Южную Псковщину с Невелем, Смоленскую и Брянскую области. Вторым пунктом"обвинения"был вопрос о связи с украинскими "националистами", о попытке собрать деньги и оказать материальную поддержку от белоруссов репрессированным украинским товарищам.

Санкцию Белорусского ЦК на репрессии ввиду явной недоказанности и необоснованности этой фабрикации КГБ, как мы уже упоминали выше, не получил. После этого органы КГБ через голову ЦК КП Белоруси обратились за помощью в Москву. В Минск приехал небезизвестный ранее у нас своим оголтелым черносотенством Шауро, ныне зав. отделом культуры ЦК КПСС, и имел тайные беседы и совещания с деятелями ЦК КПБ. Вероятно, Шауро привез соответственные категорические пожелания или указания,а, возможно, и циркуляры. Это нам не известно. Однако, через некоторое время после его отъезда началась "кампания". В начале марта 1974 г. в дирекции и парткомы некоторых институтов Академии наук, редакции Эн-

циклопедии, Гродненского пединститута и других организаций пришли соответственные бумаги со сфабрикованными обвинениями в национализме следующих лиц: Миколы Прашковича, старшего научного сотрудника института литературы имени Янки Купалы АН Беларуси, Степана Миско, старшего сотрудника ин-та искусствоведения, этнографии и фольклора АН, Валентина Рабкевича, зав. редакцией литературы и языка Белорусской Энциклопедии, археолога Михася Чернявского, старшего научного сотрудника ин-та истории АН, Алеся Кавруса, старшего научного сотрудника ин-та языкознания им. Якуба Коласа АН, Алексея Петкевича, зав. кафедрой белорусской литературы Гродненского пединститута, доцента Бориса Клейна, преподавателя Гродненского пединститута и др. лиц из литобъединения "Блакитныя лихтары" в Полоцке и прочих организаций.

В кратчайший срок под соответствующим нажимом ЦК и КГБ были проведены заседания парткомов, партийные собрания, ученые и редакционные советы, заседания кафедр и т.д. Как обычно, директорам учреждений и секретарям парткомов был дан категорический приказ, чтобы все голосовали единогласно против "националистов", в противном случае будут предприняты соответственные действия против этих организаций и некоторые поплатятся не только своей безукоризненной репутацией, но и тепленьким местом, и зарплатой, и прочими достоинствами, "научными" и "творческими" качествами. После соответствующей утомительной обработки и угроз голосования, как и в 1937 году, проходили дружно и организованно. Как и в 1937 году, вырвалась наружу затаенная ненависть, желание свести счеты, покрасоваться ради карьеры, квартиры или просто удовлетворительного взгляда начальства. Всё, как в 1937 году, с той лишь разницей, что если тогда находились несчастные, которые верили, что действительно борятся с "врагами народа", то сейчас таких правоверных нет. Никто всерьез не принимает глупых обвинений. Взвешивается выгода, оценивается дипломатичное молчание, продажность, духовная нищета.

Век подлый и продажный. Он все же настал. Он уже управляет нами. Дети Сталина пошли дальше своих отцов. Порочную сталинскую веру несправедливых родителей они заменили расчетливым цинизмом. Их души холодны и полны скептицизма, они безжалостны и совершенно равнодушны к страданиям и несчастьям даже самых близких людей. Они говорят о всем человечестве... Вот она, новая социалистическая личность. Вот оно, новое порождение греха. Оно среди нас. Все наши печальные события кажутся ничтожными перед величием ее низости.

Те, кто выступал против, кто от голосования воздержался – те поплатились. Сфабрикованные националисты оказались на улице, без средств к существованию, без работы.

Обвинения, которые им предъявлялись, – смехотворные. Степану Миско, например, инкриминировано, как нам передали, пение старого белорусского гимна "Мы выйдем шчыльными радами", который он исполнял в кругу компании лет 9-10 назад. Миско отрицал это. Но даже если бы он и пел этот гимн в кругу товарищей, разве человек не имеет на это права, разве это может быть обвинением, тем более что оно не подтвердилось доказательствами. Разве за это выбрасывают на улицу!

Не удивляйтесь, в этом-то и состоит идиотизм нашей белорусской действительности, что для нас у КГБ другие мерки национализма, чем на Украине, в Латвии, Эстонии, Литве.

Алесю Каврусу, например, вовсе не предъявлено никаких обвинений. Его бесцеремонно "пристегнули" к мнимой группе "националистов" на том основании, что он лет 10 назад жил в общежитии вместе с обвиненным в национализме М.Прашковичем и, следовательно, если с точки зрения КГБ рассуждать, не мог не слышать "националистически вредных" разговоров М.Прашковича. Слышал и не сообщил куда следует, не донес. А если учесть еще и то, что А.Каврус талантливый ученый, постоянно выступающий в прессе и отстаивающий чистоту белорусского языка от невежества и нападок филологов от текущей политики – тут уже сразу становится ясно, какой это

опасный "националист".

Теперь этот человек на улице, без работы, с клеймом злостного врага и националиста.

Этот кагебистский фарс, затянувшийся на полстолетия, уже давно не вызывает у нас чувства юмора.

Иногда с горечью задумываешься, что за темная сила, что за злой рок навис над нашим народом и нашей национальной судьбой. Весь блеск и слава нашего почти тысячелетнего прошлого уже не перевесит этого красного ужаса, падения и несчастий последних времен.

1914 - 1918 гг: Наша разорванная, искорёженная окопами и снарядами, истоптанная родина, устланная трупами. Наш народ, умирающий под чужими знаменами — кто считал твои потери? Кто их знает!? Тогда весь мир был против нас. В 1918-м, в Бресте, делили нашу землю и душу. В Версале ей торговали и продали. И все же мы выжили. Наша новая белорусская республика начиналась на демократических основах. Цель была близка. Потом началась коллективизация, террор Дефензивы и НКВД, 30-е годы, 1937-й, 1939-1941, большевистские зверства в Западной Белоруси, война...

Сегодня в КГБ удивляются, никак не могут понять, взять в толк — как это после всего случившегося снова вырос и появился белорусский "национализм", литература, искусство? Уму непостижимо /ихнему уму/! Откуда, кто рассадник — задают они себе вопрос. Ведь всё так много раз оплёвано, так много раз уничтожено, так много раз запрещено. В полуторамиллионном Менске на сегодняшний день закрыты все белорусские школы. Уничтожены белорусские школы во всех областных и почти всех районных городах и даже в некоторых местечках и деревнях. В этом направлении ведется оголтелая полуофициальная пропаганда и деятельность, курируемая соответственными русификаторскими организациями, учреждениями и отдельными лицами, поддерживаемая ЦК КПБ. Им предоставлена полная неофициальная свобода. Русификаторские власти в Белоруси, и ЦК КПБ в первую очередь, пользуются прецеден-

том и фактами этой инспирированной антинациональной деятельности, чтобы принять необходимые санкции и постановления о закрытии той или иной белорусской школы. Разумеется, действия [redacted] обратного порядка во внимание не принимаются и квалифицируются как национализм.

Религия, религиозная белорусская культура и искусство, архитектура уничтожаются с поистине сатанинской изощренностью, попирая все юридические законы и конституцию. [redacted] Большинство районов восточных областей Белоруси, включая Южную Псковщину, Смоленщину и Брянщину, это уже места религиозной пустыни, мерзости духовного запустения и упадка нравов, мало чем отличного от российских. Религиозная жизнь еще теплится в западных и центральных областях. Но ее общими усилиями уничтожают советская власть, русская православная Церковь и польский католический Костёл. Это парадокс, но это так. Униатство – общенациональное христианское вероисповедание белорусов – было жестоко уничтожено царизмом еще в прошлом столетии /1830-1839/ и добивалось на протяжении всей нашей последующей мученической истории. Даже сейчас семинаристы-попы получают в Загорске /под Москвой/ программное воспитание поистине азиатской ненависти к Унии и униатству в Белоруси.

В настоящее время белорусы разделены на православных и католиков по вероисповеданию. Белорусь – единственная республика, которая не имеет своего патриаршества, т.е. не имеет отдельной национальной Церкви и Костёла, не имеет своего богословского журнала и проч. Богослужение и проповеди отправляются на малопонятном народу польском /для католического населения/ либо российском /для православного населения/ языке. Воспитанная в оголтело шовинистических традициях и ненависти к Унии русская православная Церковь, которая осуществляет высшую духовную власть в Белоруси, далека от мысли позволить хотя бы проповеди говорить в белорусской православной Церкви на белорусском языке.

Тот же шовинистический флёр греха видимо затмил и

ум и веру просвещенного католического польского Костёла, распространяющего на белорусский католицизм свою духовную власть. Несколько лет назад, когда встал вопрос о белорусском языке в белорусском костёле, польское духовенство высказалось против его. Общими усилиями и здесь толкают нас в грязь. Богослужение и проповеди на белорусском языке в белорусских храмах укрепили бы связь верующих с Церковью и Костёлом, усилило бы веру, подняло наш национальный дух.

Пока этого нет – полным ходом совершается насилие и произвол тех, кому милее всего российская мерзость духовной пустыни, лжи, разврата, лентяйства, греха, жестокости и пьянства.

Советская гражданская, а фактически государственно-партийная власть над религией в Белоруси осуществляется из Москвы. В республике функции этой власти исполняет филиал московского общесоюзного отдела по культам СССР. Филиал этот формально считается при министерстве культуры БССР, но фактически он подчиняется только Москве и имеет в Белоруси ничем /даже ЦК КПБ/ не ограниченную власть в вопросах религии.

Таким образом, вся духовная и государственно-советская власть над религией в Белоруси не принадлежит к национальной и республиканской компетенции. Религией в Белоруси распоряжаются чужестранцы, чужеродные силы и организации. Они враждебны не только белорусскому национальному духовному развитию, но и всему белорусскому народу как национальной, культурной, духовной, территориальной, исторической и этнической общности.

Попытки белорусских католиков иметь свой духовный центр встречали прежде всего злобное сопротивление этой советской государственно-партийной организации, коим является отдел по культам СССР.

Кровь стынет в жилах от всех тех невиданных злодеяний

и насилия над религией, которые происходили в Белоруси в 1930-х годах и продолжаются по сей день. Кто считал наши христианские жертвы, пожары и взрывы, осквернения и разрушения храмов, сожжение бесценных книг, икон и скульптур!? Кто слышал о тех женщинах, которые ложились под гусеницы тракторов и бульдозеров, разрушающих святыни! И кто измерит тот безбрежный и бескрайний грязный океан насилия и лжи, который был обрушен на христианство, на нашу общую христианскую историю.

Наши дети фактически лишены всякой возможности посещать Костёл и Церковь и получать религиозное воспитание. Их настраивают в школе против верующих родителей, воспитывают неуважение и ненависть к национальному христианскому прошлому и культуре. Ложь стала формой и сутью такого воспитания. Ложь стала формой государственного управления и сутью государственной идеологии. Эта ложь мучительна, ибо противна нашей национальной душе. И хотя мы, подобно российским писателям прошлого, не задаем еще риторического вопроса – "почему врет русский человек?" – чуждое развращающее воздействие общественной каждодневной лжи на наши национальные отношения, на наш народ – очевидно. Оно как снежный ком катится с горы. Ложь нарастает.

В последние годы началось, инспирированное Москвой, тотальное наступление советских властей на религию в Белоруси. Врагом "номер один" объявлен, как всегда, белорусский католицизм, рассматриваемый Москвой как "диверсия Ватикана".

Наша родина еще является на советских атеистическо-административных картах "гнездом" религии, по советской терминологии, зоной ее широкого, по сравнению с другими районами СССР, распространения. Она является республикой, где несмотря на уничтожение храмов, несмотря на жестокие условия нетерпимости властей, несмотря на особое положение и особую политику в религиозном вопросе, количество верующих уменьшается относительно медленно, а количество крещений и посещений храмов в последние годы даже начало возрастать. В ответ на это явление приняты новые жестокие меры контроля за веру-

юнами. Вменена в обязанность скрупулёзная отчетность церковнослужителей перед советскими властями, строгая регистрация документов и паспортов с указанием должности и места работы всех венчающихся, исповедающихся, крестящихся и т.д. Узнанные преследуются властями. Им отказывают в работе, исключают из института и т.д. Усилена слежка КГБ в действующих костелах и церквах за молящимися и посетителями.

Ничто так жестоко не преследуется у нас, как человеческая совесть. Ложь и насилие - главное оружие врагов рода человеческого. Но тщетны усилия их. Веру хотят уничтожить в храме Божьем, а человек приходит к Богу в тюрьме, в лагере, в советском институте, долдоня по учебникам ненавистную ложь, в армии, на заводе; он крестится в христианскую веру в сорок лет, прожив полжизни; он приходит к Богу, остро ощутив окружающую несправедливость, обман и преступность материалистических"идеалов"; он возвращается и приходит к Творцу через неприятие переполнившего мир зла.

Чего же стоят экономика, промышленность, прогресс, весь этот хаос и экономический рост, именуемый строительством коммунизма!

Если в России только теперь, и то благодаря Западу, начинают некоторые понимать весь ужас и всю ложь этого безудержного прогресса, то у нас гнусность этой дьявольской доктрины, прикрытой коммунистической фразеологией и идеологией, была ясна с самого начала, по крайней мере в отношении к нашему народу, к нашей нации. И надо было ждать, пока в этом все убедятся. Кто нас слышал! Где те наши светлые люди, кричавшие об этом! Где Адам Станкевич, Ластовский, Луцкевич, Цьвикевич, Алесь Гарун! Где десятки других лучших из лучших нашей интеллигенции и духовенства! Они убиты российскими большевиками, замучены в лагерях, изгнаны и память о них уничтожается сегодня с вандалической свирепостью.

Поднятие экономики и развитие промышленности, построенной на идеологии, давно превратилось в самое гнусное и отвратительное орудие русификации, денационализации и вынародования. Почти 30 лет прошло после окончания войны, а население Белоруси не достигло довоенного уровня. Где это видано!

Тридцать лет отрицательная миграция населения, организованная под видом якобы добровольной, а фактически насильственная, искусственно созданная. Куда уплывают наши люди, куда текут наши рабочие руки - главная производительная сила экономики, куда идет наш труд, наше неоценимое богатство, и что мы получаем взамен! А взамен мы получаем идеологию, русский дух, мат, пьянство, разврат, ненависть и толпы уголовных элементов, организованных для передовых строек социализма в Белоруси. Приезжайте в Могилев, образцовый град социализма - эту самую черную дыру из всех восточнобелорусских городов, и убедитесь в этом.

Белоруссы призываются на стройки России и необъятных сибирских колоний. А в самой Белоруси нехватает рабочих рук. Но здесь, в свою очередь, планируются огромные стройки и заводы, на которые призываются рабочие из России, Сибири, привозятся зэки, поселяются "специалисты" и т.д. Вот она, политика интернационализма в действии.

Зачем нам огромные автомобильные заводы на привозной руде, которые, к тому же, не относятся к республиканской компетенции в управлении. Зачем они СССР далеко от руды и угля и в местах, где искусственно создана нехватка дешевой рабочей силы. Ну разве не ясно! Стратегия? Зачем нашему народу эта империалистическая российская стратегия! Зачем нам все эти лавсанстрои и так называемая большая химия, если она построена по колониальному принципу. Ведь на наших химических, лавсановых заводах делаются только полуфабрикаты, лавсановая нить, пряжа. Это стоит копейки. Все производство окупается только после выхода и реализации готовой продукции, товаров /джемпера, кофточки, сорочки, ткани и т.д./. Но фабрики последнего звена, которые и выпускают эту готовую продукцию, товары широкого бытового и промышленного потребления, находятся в России. Все наше громадное первичное химическое производство, которым официально предписано так гордиться, является колониальным придатком российской промышленности. Это грабеж нашей рабочей силы, нашего бюджета, эксплуатация нашего труда. И такое положение не только в химической промышленности, но и в нефтяной, и в соледобывающей,

и в лесной, и в сельском хозяйстве, которое у нас просто грабят - мы вынуждены содержать и снабжать крупные города России, в том числе семимиллионную Москву и всю 60-миллионную российскую центральную зону маслом, молоком, мясом, картошкой и др. продуктами. /Могилевская область, например, снабжает картошкой весь Северный советский флот/. Правда, делаем мы это вместе с Украиной, Молдавией, Прибалтийскими и другими республиками, где люди не разучились еще работать, но на нас особая тяжесть, ибо у нас во власти партизаны есть. А для них белорусское Це-Ка - это только плацдарм для прыжка в Москву. Ну как тут не лизнуть пониже, как не угодить, как не продать в миллионный раз и эту землю и этот народ, на который им всегда было и без Москвы наплевать. Чего не сделаешь ради власти. Во многих районах Белоруси уже не хватает хлеба, не то что мяса, масла и др. основных продуктов.

День и ночь идут на восток эшелоны - вывозят вырванное изо рта...

"... На захад идуць цягнікі -
Лён,
Жыта,
Сасна и бяроза...
Гляджу и гляджу з-пад рукі,
Як наша багацтва вывозяць".

Написано с болью. Такие чувства испытывал когда-то в 1930-х годах Максим Танк, живя под польской оккупацией в Западной Белоруси. Сейчас направление поездов изменилось. Стрелки показывают на восток. Но ожиревший пиит уже не испытывает тех чувств. Говорят, он еще что-то пишет. Идут на восток эшелоны... И некому сказать, крикнуть хоть слово. Идут эшелоны; сонно долдонят о великих делах партийные лекторы; идут эшелоны...

И взамен мы не получаем ничего, даже благодарности. Но нам всегда уготованы тюрьмы, психолечебницы и ярлыки националистов. Так сколько же можно танцевать на наших

костях! Разве мы виноваты, что где-то не хотят работать и не умеют эту работу организовать.

Да, в основе экономики лежит труд. Поистине это так. Но этим вопрос не исчерпывается. Ибо в основе труда стоит человек с его моральной способностью к труду. И этот моральный духовный фактор экономики есть главный, ибо является одновременно и фактором развития личности. Если такого способного к труду человека нет, если это духовное моральное качество у человека отсутствует - никакая социальная система, никакая автоматизация, никакая наука не спасет положения. Они бессильны перед человеком-паразитом.

Общество, которое развращает человеческий труд, которое уничтожает нравственную способность человека к труду - так же преступно и даже более преступно, чем то, которое этот труд эксплуатирует. /Мы уже не говорим здесь о фактической государственной эксплуатации в СССР во имя преступных военных, идеологических и прочих целей/.

Вдумайтесь в эти слова! На наших глазах разрушается основа нашей цивилизации - человек духовный; тот человек, та нравственная личность, которая создавалась веками истории христианства. Разве не вправе мы, все люди понимающие это, волноваться и думать о будущем своих народов. Разве не должны мы работать во имя спасения их, во имя нашего спасения.

Мы говорим здесь уже не о пьянстве и не о фактическом многоженстве, не о чудовищном разврате и нравственно узаконенной лжи, не об упадке человеческой доброты, культуры и милосердия, не о дремучем эгоизме, бездуховности и разнузданной гордыне /ведь человек гордый - идеал социалистического искусства и морали/ - мы имеем в виду то, существующее не на словах, а на деле "коммунистическое отношение к труду", которое приходит к нам вместе с так называемым "русским духом" с востока и пускает свои развратные ядовитые корни. Сущность этого отношения к труду даже не в лентяйстве, нев в плохой некачественной работе, не в том, что никто ничего че хочет делать, не хочет работать, а в

том, что - нежелание работать, лентяйство становится нравственным принципом жизни. Идеальным считается поменьше работать и побольше получать, или ничего не делать, а получать. "Не уворуешь - не проживешь", "не схалтуришь - не проживешь" - вот те основы трудовой морали, которые начинают овладевать массами людей. Погоня за материальными предметалми и благами, страсть к вещам при отсутствии духовности - всё это катастрофически разрушает личность, деморализует общество. Желание устроиться в жизни, урвать, [redacted] пожить, удовлетворить все свои желания и похоти - это определяет жизнь и поступки все большего количества людей. Это нарастает. Процесс идет с ускорением. Достигает временами массового психоза.

"Коммунистическое отношение к труду", преступное существование за счет других всегда подразумевало и преступное существование за счет природы. Ведь не Бог, Творец всего сущего, а человек, по коммунистической фразеологии, есть царь природы. Этот "человек-царь" борется с ней, он не ждет от нее милостей; взять от природы - вот его задача. О, это всем известное выражение не только красивая фраза, не афоризм для невежественных лекторов - это идеологическая программа самоубийства. Это составная идеологическая часть коммунистического строительства безбожного рая на земле.

Марксистская философская и фактическая "борьба с природой" используется, разумеется, и в "интернационалистских" целях. Посмотрите на нашу белорусскую землю. Совсем недавно, еще до войны, она была покрыта вековыми лесами и прозрачными реками, полными рыбы, зеленые луга, поля, голубые озера - она обетована была нам , как рай за прожитые былые страдания. Посмотрите, что сделали с ней за одно поколение! Она превращается в пустыню с коптящими городами и отравленными обмелелыми речками. Промышленных лесов почти не осталось. Их варварски высекли на стройки социализма необъятной империи. Каждый год после войны, как явствует из минской

прессы, в Белоруси высекались <u>две</u> лесосеки /20 млн. кубов/ вместо промышленно допустимой <u>одной</u> /I0 млн. кубов. Эта цифра для Белоруси также недопустимо высокая, но определяем свою лесосеку не мы, а Москва/. Чтобы было ясно, что означает это количество, сообщим, к примеру, что за четыре года войны фашисты в борьбе с партизанами высекли всего 0,5 млн. кубов леса. [illegible] На них по сегодняшний день кивают ретивые деятели, уничтожившие наше национальное богатство, наш промышленный первосортный лес.

Вокруг Солигорска-Старобина - горы отходов калийных пород. Ветер разносит тучи пыли этого ядовитого для почвы вещества, превращает сотни квадратных километров плодородной земли в пустыню, на которой ничего не растет.

А мелиорация! Сейчас уже только круглый невежда не знает, какое это зло. Через 7-I0-I2-I5 лет осушенные торфяники выдуваются и наружу выходит желто-синяя песчаная пустыня-зола, на которой не растет решительно ничего, даже сорняки. Но мелиорация продолжается полным ходом. Мелеют наши реки, сохнут леса, выгорают луга, вымирают звери и птицы, черные тучи дыма горящих торфяников и облака песчаной пыли вырвавшихся наружу дюн каждое лето висят над нашим легендарным Полесьем. Мелиорация продолжается. А ведь это самоубийство.

Многочисленные письма ученых и докладные записки научно-исследовательских институтов об опасности мелиорации застряли в министерствах и разных правительственных учреждениях. Чиновники все знают! Но в чем дело, в чем причина такого удивительного невежества? Ведь они знают и то, что наша лучшая в СССР нефть /которой мы не распоряжаемся - это ли не колониализм!/ добывается <u>по-варварски</u> и через некоторое время из-за такой добычи мы будем продолжать обладать огромными запасами нефти, добыть которую будет <u>невозможно!</u>

Почему фактически заброшено наше сельское хозяйство, почему не обращается внимания на почву, на ее плодородие. Ведь почва уничтожается из-за той интенсивной системы /беспапарной/ обработки ее, которая практикуется сейчас и которая не принята была у наших предков. Скажете - причина общая: обработкой почвы не должна руководить идеология. Это верно. Но для нас, белорусов, недостаточно. Мы особые люди, мы исключительная сфера российской коммунистической политики, мы - нация экспериментальная; на нас делают не только "интернационалистские" эксперименты, но и опыты географические, экономические, какие хотите - народ безмолвствует и мир молчит.

Нам известно из достоверных источников, что есть закрытое постановление ЦК КПСС и Министерства обороны СССР о проведении в Белоруси тактики "выжженной земли", предписывающее быстрейшее выкачивание нефти и энергетических ресурсов с приграничных стратегических районов. Наша родина и объявлена этим приграничным /!/ стратегическим районом. Вот почему диаметр нефтяных скважин увеличен у нас более чем в десять раз выше допустимой нормы! Вот почему так безжалостно, неэкономично и непонятно уничтожаются остатки наших когда-то знаменитых и редких лесов. Вот где сущность самоубийственной тотальной мелиорации и глухота чиновников на предупреждения ученых /ведь это же националисты!/. Вот где тайна интенсификации и уничтожения плодородия почвы, отрицательной миграции населения, колониальной экономики и грабежа! Они приготовили нам удел обреченных и мы, сами того не зная, живем в долг будущей войны. Поистине, мы, белорусы, особый народ - мы расплачиваемся за будущее.

Поэтому неудивительно, что ко всему белорусскому здесь особые мерки. На нашем примере весь мир должен увидеть победоносное шествие ленинских интернационалистских идей.

Мы живем на своей земле, как на пороховой, ядерной бочке. Она ощетинилась чужими ракетами, покрылась гарнизонами, глухими заборами и колючей проволокой. Собирая грибы или гуляя, каждый может встретиться с опасностью быть прошитым из автомата после первого предупреждения. Наши все без исключения города, городки и большие местечки переполнены военными /как правило, не белорусами; белорусов отправляют служить в другие республики; здесь тоже своя политика "интернационализма"/. В некоторых местах военные составляют большинство /!/ населения.

Если бы кто-нибудь: эстонец, латыш, украинец, швед, француз или немец, любя свою родину, ее историю, народ, язык и культуру, хоть недолгое время, хоть один день прожил бы, например, в Могилеве, Гомеле, Минске или Бресте на нашем месте белорусского интеллигента, в нашем национальном образе мыслей и чувств – он бы многое понял, столкнувшись с удивительными реликтами сталинского чиновничества и с оголтелой, совершенно непостижимой для иностранца ненавистью к своей культуре, народу и языку белорусского городского обывателя. Эти янычары, также именующие себя белорусами, многие десятилетия воспитывались российской школой, идеологией и большевистской политграмотой. Сейчас, после долгой и темной эпохи убийств, их взгляды – это основа российской советской национальной политики в Белоруси. Она проводится Москвой, но ихними руками. И поэтому антинародная политика денационализации и вынародования проводится в Белоруси так мелочно оголтело, с такой рабской преданностью и цинизмом, так тотально и последовательно, так по предательски старательно. Что ни говорите, эти янычары "свои люди" – они умеют читать между строк, понимают значение мелочей и двусмысленностей, недосказанных мыслей /представьте, у нас за это преследуют/, от ихнего бдительного взгляда не усколь-

зает ни одно явление, даже мелочное, на которое чужой человек не обратил бы внимания, не поняв его. Они – замечают, норовят плюнуть в самую душу, поразить в самое сердце, заслужить чины, похвалу, аплодисменты в Москве.

Всё действительно белорусское теперь преследуется, оплевывается, извращается, запрещается; используются клеветнические измышления и инсинуации; белорусский язык изгнан почти отовсюду, из всех государственных, правительственных, учебных, научных и др. учреждений. Вместо белорусской культуры, вместо национального развития культивируется и рекламируется некая эклектичная эрзац-культура и эрзац-развитие для прикрытия истинного положения дел. В выступлениях и докладах, по радио и телевидению, в литературе и прессе, на каждом шагу вы услышите бесконечные юбилейные вопли, возгласы и заверения на российском языке о любви к "родной Белоруссии", "Белорусь", "Белоруссия", "Белоруссия-партизанка", "Хатынь", "многострадальный белорусский народ" /конечно же, вместе с "великим русским народом"/ и т.д. и т.п.

Как говорил поэт: "На губах Беларусь, Беларусь, а ў сэрцы чорная здрада"... Нет ничего более гнусного и более отвратительного у нас за это официозно-циничное ханжество аппаратчиков сверху донизу и лицемерие коллаборационистов. Оно служит ширмой для прикрытия политики насилия и вынародования.

Если сказать те же фразы по-белорусски, это уже насторожит радетелей Белоруси. Звук белорусской речи в устах интеллигента, в общественных [redacted] местах сразу ассоциируется у них с национализмом.

Белорусский язык у народа они издевательски терпят; понимают: тут всех не пересажаешь, нужно время и российская школа, радио, пресса, вузы, политика сделают свое дело. Лишь бы все молчали. А он-то, народ, как-

раз и хочет говорить устами своих лучших представителей, устами белорусской интеллигенции.

Впрочем, есть и область дозволенного – несколько канонизированных и подчищенных поэтов, которых везде выставляют для иллюстрации белорусской культуры и литературы. Есть даже три белорусских театра на всю Белорусь; есть такие и хоры, и танцевальные ансамбли, где обязательно иллюстрируются пару белорусских танцев /чаще всего на российский манер; интернационализм, [redacted] понимать надо/. Да, много чего официозного у нас есть. Но больше всего здесь назойливой трескотни о "русском", о верности партии, благодарностей Москве и т.д., за каждым белорусским словом следует биение в грудь и шарканье перед "русским", "советским": не подумайте, что мы националисты!

Иногда на торжественных церемониях министр культуры и даже /можете себе представить/ секретарь ЦК КПБ Машеров, этот главный янычар республики, позволяют себе ввернуть белорусское словечко /с российским акцентом/ или даже целую фразу; например, "вялики дзякуй", что значит "большое спасибо", или "сардэчна запрашаем", что значит "добро пожаловать", или "сябры", что значит "друзья". А иногда /о ужас!/ репетируются по слогам целые речи по белорусски для выступлений за рубежом или перед иностранными представителями. И обязательно пускается крокодилья слеза на предмет Хатыни. Как будто у нас одна Хатынь. Вся наша земля Хатынь! Вся наша земля кровоточащая, неинсценированная напоказ, неоплаканная- Хатынь, прошлая и сегодняшняя. Слышите вы, предатели и мракобесы! Вы виноваты в этом!

Времена пройдут. Вы не понимаете этого, но отвечать придется за всё. Если не перед людьми, так перед Богом.

Сейчас выброшенными на улицу оказались многие невиновные люди. Впрочем, с точки зрения и мнения КГБ, они виновные, ибо они – способные перспективные белорусские ученые,

и это было учтено КГБ при формировании группы и составлении разнарядки на "отстрел". Некоторые из них переписывались с украинцами и собирали деньги в помощь репрессированным, выброшенным на улицу украинским интеллигентам. /Какая низость! Ведь по понятиям советской морали надо "любить родину" и "ненавидеть" ее врагов. Так пусть их подохнут, враги проклятые, ату их!/

Но это еще только начало. По слухам, лимит на националистов спущен и на Союз писателей, и на Союз журналистов, и на другие творческие организации. Нужно же показать глубокие и разветвленные корни национализма, нужно сделать видимость проведенной большой работы. Говорят, что Владимиру Короткевичу первому надо готовиться на эшафот. Этот писатель очень не нравится КГБ. Он имел наглость писать романы на историческую тему из прошлого Белоруси, о восстании Кастуся Калиновского и о прочих "националистах". Это уже слишком. Пришло время с ним поквитаться, да и с другими пишущими, "националистически настроенными" негодяями типа этого еврея Клейна и прочих двурушников.

Кстати, о Клейне. А хорошо бы пристегнуть к "националистам" еще и "сионистов". Это волнительная мечта органов КГБ – уничтожить одним ударом двух зайцев сразу: обвинить "националистов" в сионизме и в сговоре с сионистами, а сионистов в национализме и в сговоре с "националистами". До этого времени кагебисты тайные вместе с русификаторами явными мечтали и старались о том, чтобы во имя "единой и неделимой" и "интернационализма" руками евреев душить белорусов, а усилиями белорусов зажимать евреев. Какая тонкая стратегия! При успешном течении дела КГБ, разумеется, проявит бдительность и расправится с теми и другими, обвинив евреев в антисоветской деятельности, а белорусов /это значит "националистов"/ в антисемитизме. Тогда весь мир увидел бы гнусное лицо "националистов", истинные цели сионистов и справедливость гуманных советских законов.

А там пойдут чины, звания, оклады, новые назначения, начнёт кружится голова от собственной гениальности –

золотые грёзы детективной романтики...

Однако, мы должны разочаровать этих романтиков ненависти, любителей чинов, красивой жизни и кровавой драмы. Их авантюрная стратегия загребать жар чужими руками очень противоречит всему нашему пятивековому историческому опыту совместной жизни с евреями в одном государстве и выработанным в процессе этого сосуществования национальным, человеческим и правовым отношениям.

Откуда знать всё это незадачливым черносотенцам и кагебистам. Ведь белорусской историей занимаются, как известно, "националисты". Сами же россияне совместно с евреями в пределах своей предполагаемой территории до последнего времени никогда не жили. Исторического опыта отношений с евреями у них нет. Понятия толеранции и терпимости отсутствуют в их духовно-историческом и политическом багаже. Им ближе была идея черты еврейской оседлости и организация погромов. Так что мечтаниям и стараниям современным кагебистам черносотенцам удивляться не приходится.

В Белоруси, кстати, погромов не наблюдалось за всю историю от начала поселения евреев. /Они были приняты и поселены в белорусских городах Великим князем Витовтом /XУ в./ во время гонений на евреев в некоторых государствах Западной Европы/. Причиной отсутствия преследований евреев в Белоруси было, разумеется, не прилежное поведение переселенцев, а веротерпимый правовой характер нашего древнего исторического христианского государства - Великого Княжества Литовского, основанного на равном уважении к закону и религии.

Благодарности за всё это мы от евреев в конечном итоге не получили. Какие счеты, ведь они вместе со всем "прогрессивным человечеством" строили новый коммунистический мир. Но для кого?! И теперь - какая ирония судьбы - они стали жертвами этого мира. Они не могут даже

уехать из него. Они стали пленниками собственного творения. Кронос пожирает своих детей. Сколько еврейских сил, энергии, страстей, обмана, коварства, денег, романтических устремлений, человеческих жизней было брошено на алтарь марксизма, ленинизма, большевизма, троцкизма. Но глобальная саддукейская акция не удалась. Преступная идея обратилась против них самих. Кому же надо оплакивать свои ошибки и кому возмущаться.

Мы не иронизируем, мы понимаем - на исторических ошибках нужно учиться всем, чтобы нами не загребали жар в пользу "единой и неделимой" и на благо "самого передового", "самого гуманного" и самого прочего общества на земле.

Репрессии болезненно сказываются на нашем израненном, измученном и запуганном обществе. Но мы не унываем. Конечно, наша "приграничная стратегическая зона", под видом которой тайно и явно уничтожается наша земля и народ, будет в будущей, возможно уже последней, войне глубоким тылом. Это понимают в Москве, но для политики денационализации такая мелочь не имеет значения. Даже если до начала этой, жутко ожидаемой всем человечеством войны мы, живущие в счет будущего, превратимся вместе с нашей родиной и землей в тот иссиня-желтый апокалиптический пепел, мы встанем из него и как мифический феникс придем страшным мучительным видением в сон победителей укорять остатки их искалеченной совести.

Мы не унываем, потому что глубоко верим в праведность нашей земли и в справедливость Творца, в духовные силы народа. Мы начинаем понимать глубокий исторический смысл наших мучений. Мы пройдем сквозь этот ад до конца, и будущее наше будет прекрасным.

Сегодня нас, белорусов, как будто не существует в этом мире. Вокруг нашей родины - "стратегической зоны" - зона молчания. Вероятно потому, что мы сами не хотим заявлять о себе. Отчасти это верно. У нас выработались и

исторически сложились свои традиции демократической деятельности. Мы представляем служение своему народу прежде всего как конкретное дело и упорный труд, а не фрондёрские крики и экстремистские выходки. Так повелось со времен "Нашай нивы". Спросите любого нашего интеллигента и даже любого белорусского крестьянина, каждый из них выскажется за хозяйскую рассудительность, за работу, и не одобрит никаких авантюр. Это конструктивное качество нашей национальной интеллигенции исходит от духовной сущности нашего народа, определено духовным основанием нашей национальной индивидуальности.

И дело не в том, что у нас мало так необходимых иногда людей, готовых саможертвенно прошибать лбом стену, но беда в том, что работать-то для добра нашего отечества, народа, языка, религии, культуры нам как раз и не дают. Наша духовная сила не подкрепляется государственной причастностью. У нас существует огромный разрыв между народом, национальной интеллигенцией и антинациональным государственным и партийно-бюрократическим аппаратом. Разрыв этот особенно разителен по сравнению с другими, так называемыми советскими, республиками, например, прибалтийскими. Мы совершенно беспомощны перед чуждым нашим национальным интересам государственно-партийным бюрократическим аппаратом, давно /после 1937 г./ выродившимся в оголтелую номенклатурную касту наследственных русификаторов.

В этом положении требовать соблюдения конституции, права, законов, когда вопрос ставится о национальной белорусской культуре, истории, традициях, религии, языке и т.п. - равносильно понапрасну сотрясать воздух, и даже опасно, ибо сейчас же следуют обвинения в национализме и требования расправы.

"Националистов /понимай - белорусов/ нужно давить сейчас, теперь, в зародыше, пока они ничем не проявили себя, ибо потом их придется стрелять из автоматов". Так говорят /пока в кулуарах/ российские "интернационалисты", адепты КГБ. А вот как высказываются янычары на заседании парткома

Академии наук БССР: "нужно обратить особое внимание и проследить за лицами, разговаривающими в стенах Академии на белорусском языке".

Это не сон и не фарс, а наша сегодняшняя действительность. Это не 1937 год, а 1974-й. Разнарядка на националистов спущена и циркуляры исполняются.

Ко всем репрессированным применяется одна основная формулировка: 1/ "идеологически чужд советской власти" - 2/ "занимается антисоветской деятельностью". "Антисоветская" деятельность Валентина Рабкевича, например, заключалась в том, как явствует из материалов КГБ, что он несколько лет назад ездил в гости к известной белорусской поэтессе Ларисе Гениуш. Она постоянно проживает в г.Зельве и печатается в изданиях БССР. Пройдя сквозь сталинские лагеря, она не приняла советское гражданство и, живя в Белоруси, является гражданкой Чехословакии. По мнению КГБ, Рабкевич не должен был ее навещать. /Кстати, как нам сообщили, это не единственный случай репрессий представителей белорусской молодежи, которые навещали свою поэтессу в изгнании. КГБ хочет сделать вокруг Гениуш зону молчания и одиночества/.

Говорят, что Алеся Кавруса, которому не предъявлено никаких реальных обвинений, репрессировали "для профилактики". Так выражаются, на жаргоне КГБ, когда человек им не нравится, его надо уничтожить /наверно, чтобы "потом не стрелять из автоматов"/, а вины за ним никакой нет, как говорится, не пьет, не курит и никуда, кроме библиотек, не ходит, да к тому же и неразговорчив. Такими же качествами характера, как утверждают, отличается и репрессированный белорусский археолог Михась Чернявский. О, это очень опасные для Ка-Ге-Бэ и советского строя люди. Хорошо бы их, сволочей, сразу из автоматов! Ишь, чего-то там читают, изучают, пишут, по бе-ло-рус-ски разговаривают, свободы им захотелось, мы тоже грамотные.

Специфика положения в том, что "вину" в подавляющем

большинстве случаев провоцирует и фабрикует КГБ. Это характерная черта российско-советских полицейских органов в Белоруси. Делается это запланированно с целью уничтожения всей и всякой национально мыслящей белорусской интеллигенции. /Интеллигентские обыватели и янычары, разумеется, во внимание не принимаются/.

Большинство белорусской национальной интеллигенции лояльно относится к социализму, ведь выбирать, как известно, не приходится. Но для КГБ совершенно неважно, что белорусская национальная культура развивается в БССР как социалистическая. Важно, что она <u>национальная</u>, что она говорит, пишет, поёт белорусским языком и другим языком это делать не может. А этого то как раз КГБ вместе со всеми остальными "радетелями" Белоруси и не может терпеть. Они, видите ли, тоже за "Белоруссию", но без белорусской культуры. Они за белорусскую культуру, но без белорусского языка. Они, наконец, и за белорусский язык, но только не в школах и не в вузах, и не в учреждениях, и не в судах; они за него в принципе <u>вообще</u> /пока/, а на деле – <u>нигде</u> /и никогда/. Вот краткое изложение их денациональной, "интернационалистской" софистики.

Главное – не дать работать, не допустить роста белорусской науки и национальной культуры. Для достижения этой насильственной цели КГБ не останавливается ни перед какими средствами, провокациями, шантажом, даже убийством. Летом 1972 года, например, при весьма загадочных обстоятельствах бывшими военнослужащими МВД российского происхождения /один из них являлся работником Дома правительства/ был зверски убит в Минске известный белорусский художник Левон Борозна. Главный убийца симулировал невменяемость. Судебно-медицинская экспертиза установила симуляцию. Но подсудимый продолжал симулировать до конца и не дал таким образом никаких показаний о причине убийства, твердя беспрестанно, что он "сын Сталина" и убил художника "по заданию вождя".

Главный убийца получил 15 лет заключения и на этом дело похоронили. Ходят слухи, будто жена убитого пыталась

вновь поднять это дело, но встретила перед собой бюрократическую стену неприятия и ненависти.

Через год /1973/ в Ялте следующее убийство. На этот раз жертвой стал Валерий Мулявин, артист гастролировавшего в городе известного белорусского ансамбля "Песняры". Говорят, произошла ошибка - хотели убить руководителя ансамбля Владимира Мулявина, убили брата.

Несколько лет назад группой коммунистов и "прочих" /как говорят в таких случаях/ был зверски убит на улице в Минске молодой белорусский поэт Игорь Ходанович. Причиной убийства послужило то, что Ходанович заговорил с убийцами по-белорусски. Российские коммунисты выкрутились, а"прочих"-одного белоруса /по происхождению/ и одного еврея - судили. Дескать, смотрите, сами себя бьют, а вообще-то во всем виноваты евреи. К убийцам /точнее - к исполнителям убийства/ отнеслись довольно терпимо: одному дали 10 лет, другому, кажется, и того меньше.

Есть и другие случаи. Зафиксированы также покушения на жизнь белорусских национальных деятелей , явно инспирированные агентами КГБ.

Агентурная сеть тайной полиции в Белоруси, особенно в городе Минске и областных центрах, достигла угрожающих размеров. Наши учреждения кишмя кишат шпионами-"стукачами" и переодетыми кадровыми работниками КГБ, которые подслушивают, записывают, доносят, провоцируют на разговоры о политике, лезут в друзья, в душу. /Кстати, это очень веселая часть нашего жуткого существования, ибо большинство шпиков всем известны и ситуации бывают похлеще, чем в гашековском трактире Паливеца/. Вся наша почта проверяется, все телефонные разговоры подслушиваются. Люди в помещениях избегают говорить на политические, национальные и другие опасные темы. Особенно, если в комнате есть радио /а оно полагается в БССР в каждом помещении и квартире, причем жильцов не спрашивают, а проводку делают/ или телефон. Ибо все наши телефонные аппараты имеют двойную систему включения микрофона и устро-

ены так, что и при лежащей трубке все, даже очень слабые разговоры в комнате фиксируются и передаются на усилитель и записывающее устройство соответствующего параллельного "отдела" при телефонной подстанции. Тоже самое происходит и при включенной радиоточке. Мы не говорим здесь уже о миниатюрных радиопередатчиках и прочих устройствах. Не касаемся также вопроса вопиющего нарушения международного закона о правах человека, все положения которого, начиная с 1973 года, СССР тоже обязан исполнять.

В нашем обществе еще, или точнее, уже не понимают, что подслушивание телефонных разговоров, тайные записи и фиксации являются актами юридического нарушения прав и свободы личности. Но зато люди отлично понимают другое: закон в этом обществе партийной олигархии и коррупции - пустой звук. На закон, если потребуется, опирается здесь только сила и власть.

Во всех отделах кадров крупных предприятий и так наз. идеологических учреждений сидят функционеры КГБ, полковники в отставке и т.п.; обязательно российцы. Они просеивают национальный состав этих институтов по своему усмотрению. Не случайно отделы кадров имеют у нас поэтому большое значение. Они пользуются известной автономией и крепкой незыблемой властью.

Наша лучшая национальная литература, наша лучшая печатная историческая мысль хранится под семью замками в "спецфондах" библиотек на попечении тех же полковников /здесь явление стопроцентное/, которые, являясь работниками библиотек, в многих главных вопросах администрации не подчиняются. Они распоряжаются нашей литературой согласно собственного невежества, ненависти, бдительности и присланных из КГБ инструкций. Согласно этих инструкций, например, двойные экземпляры книг в спецфонде держать не рекомендуется. Их сжигают. Читать литературу в спецфондах библиотек Белоруси могут по специальному разрешению буквально единичные люди из научных учреждений, работающие над определенной научной [redacted] темой. Их имена, документы и прочитан-

ная в спецфонде литература тщательно регистрируется и регистрации сдаются в архив на вечное хранение. Студентам, творческим работникам и всем прочим смертным доступ в спецфонды закрыт. Читать им могут позволить там только в виде исключения, если есть достаточное обоснование с соответствующими подписями и печатями.

Наши университеты и институты труднодоступны для тех белорусских абитуриентов, которые имели счастье окончить белорусские школы, ибо всё преподавание во всех без исключения ВУЗах, техникумах и училищах ведется только на российском языке.

Из этого факта извлекается и проводится гнуснейшая политика и пропаганда по закрытию белорусских школ, поскольку они, де, непричастны и безотносительны к системе преподавания в ВУЗах. Русификаторская партийная власть создала в Белоруси искусственный замкнутый дьявольский круг: школа - вуз - школа. В этом круге белорусская школа оказалась лишней.

В созданной ситуации цекисты и прочие "радетели" Белоруси лицемерно показывают видимость заботы о поднятии и развитии белорусской школы. Но лишь для того, чтобы с притворно-постной физиономией развести руками: идет, дескать, необратимый интернационалистский процесс. Белорусы сами отказываются от своих школ.

Да, такие случаи, когда отдельные национально-несознательные и, главное, распропагандированные соответствующим образом родители отказывались от белорусской школы, действительно имели место. Причина опять же - вуз. "Ведь мой ребенок потом не поступит в институт, ибо там требуют русского языка и русской терминологии по всем предметам. Следовательно, тот, кто окончит русскую школу, будет в выигрыше". - Так думает прагматический родитель. И он по-своему прав. Ибо перед ним поставлена дикая альтернатива: или вуз, или школа. Расшифровывается это таким образом. Дескать, поскольку в Белоруси все вузы и техникумы, и училища российские, то легче поступить учиться в них из российской школы. Белорусская же школа оказывается к вно-

шему образованию непричастна. Она ни при чем и ни к чему. Мы, де, конечно, не против белорусской школы, - лицемерно говорят правители Белоруси, - и даем вам, дорогие родители, право выбора школы для своих детей. На деле это и означает, что родители должны решать несуразный [redacted] альтернативный вопрос: вуз? или школа?

Более того, русификаторская власть в Белоруси предоставила этим родителям только один путь выбора, только один путь разрешения вопроса. Родители должны фактически [redacted] выбрать [redacted] только, какая школа нужна их детям - белорусская или российская, но отнюдь не - какая школа и вуз одновременно /1/.

Большинство, конечно, в силу нашей общей политической инертности даже и не под[redacted] озревают, что надо требовать белорусского вуза, а не отказываться от белорусской школы, к чему искусственно подводит наше обманутое население русификаторская пропаганда и партийная власть.

И когда этот вопрос таким образом ставится, вот тут то и выявляются истинные цели этой гнусной политики, тут то и слетают маски с цекистов-"радетелей" и открывают всем напоказ их зловещие предательские лица.

Несколько лет назад студенты Белорусского государственного университета в Минске начали собирать подписи за то, чтобы преподавание в белорусском университете велось на белорусском языке. Действия их были немедленно объявлены антисоветскими. В дело вмешался КГБ и тех, кого сочли нужным считать "зачинщиками" - репрессировали. Комментарии, как говорится, излишни. /Студенты в СССР, кстати, как известно, не имеют никакого юридического статуса. Такового не существует./.

Ненормальное положение в белорусских вузах приводит к тому, что там совершенно не воспитывают кадров национальной, сознательной белорусской интеллигенции. Наоборот, всё светлое и народное, естественное и белорусское, всё, что от этой земли и жизни - там извращается, замалчивается и убивается; прививаются чуждые национальным интересам

взгляды, этика и антикультура, и дух со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Наши же сознательно-национальные кадры в прямом, а не в административно-экономическом значении этого слова, растут сами, случайно, стихийно, как трава сквозь асфальт, но органически, естественно, ибо так и должно быть, таков закон живой природы. Ведь под асфальтом родная, живая, благодатная земля. Она дышит. Этим редким порослям цены нет.

О прессе говорить не приходится. На белорусском языке выходят несколько республиканских журналов и газет. Отраслевой национальной прессы, особенно что касается краеведения, истории, искусства, истории культуры, музыки, графики, киноискусства, театра, фольклора, этнографии, архитектуры и т.п. – не существует. Печататься по этим вопросам негде. Единственная газета этого общекультурного профиля "Літаратура і мастацтва", которая выходит один раз в неделю, и два литературно-общественных журнала "Полымя" и "Маладосць", находящихся к тому же, особенно в последнее время, под жёсткой партийной цензурой и мелочной опекой, не могут, естественно, осветить даже малой доли тех проблем и вопросов, факты и события национальной истории, культуры, искусства и многих гуманитарных наук.

Все попытки основать белорусские журналы по искусству, краеведению, архитектуре, театру и другим отраслям национальной жизни были безуспешны и отметены ЦК КПБ с порога, под предлогом отсутствия бумаги или с более "серьезной" аргументацией – "зачем это нужно".

Давление на существующую белорусскую прессу /кроме разве что партийной газеты "Звязда", призванной, кроме всего, еще и иллюстрировать перед интересующимися национальный "суверенитет"/ не прекращается. Здесь даже используются подкупные посулы редакциям и редколлегиям, руководителям творческих союзов и другим лицам о возможных личных и общественных /?!/ выгодах от перевода издания на росийский язык.

О замыслах русификаторов многое может прояснить и тот факт, что республиканская газета для сельского населения Белоруси "Сельская газета" выходит на российском языке. Большая часть сельских районных газет печатается также на российском. Харктерно, что в восточной части Белоруси районных газет больше выходит на белорусском языке, чем в западной, где национальная сознательность, религиозность и активность населения сравнительно выше. Поэтому-то в целях русификационной политики и предписано выпускать здесь, на западе республики, областные и районные газеты только на российском языке /за редким исключением/.

Гнёт цензуры в Белоруси мелочно-отвратителен. Издания наши проходят через длинную цензурную иерархическую цепь, начиная от редактора, через главный цензурный комитет под названием "Главлит", потом через военную цензуру, разные ведомственные цензуры, цензурный отдел КГБ и, наконец, через цензуру идеологических и прочих отделов горкомов, обкомов и обязательно ЦК КПБ. Таков путь белорусских книг, иллюстративных изданий, журналов и даже праздничных юбилейных открыток /!/. Если что либо живое и проскальзывает в печать после этого, то в большинстве случаев, как правило, благодаря невежеству цензоров.

Плохое положение на нашем радио и, особенно, в телевидении. Советское телевидение со школой и кино - пожалуй, самый сильный и самый отвратительный инструмент одурманивания человека с первых шагов его сознательной жизни. В Белоруси это усугубляется еще ненациональным великодержавным характером телевизионных передач.

Национального киноискусства у нас уже давно не существует, хотя на территории республики действует и субсидируется из республиканского бюджета большая киностудия русификаторского толка под названием "Белорусьфильм". Художественных фильмов на белорусском языке уже не выпускается. Их нет вовсе. Национальная тематика на экранах присутствует редко, формально или в извращенном и оскорбительном виде /например, "Могила льва", "Я - Франциск Скорина" и др./.

Сегодня на всю ремпублику, после разгрома 30-х годов и войны, осталось только три белорусских театра - два в Минске и один в Витебске. Требования населения открыть национальные театры на белорусском языке /например, в Могилеве, Гродне и других городах/ во внимание не принимаются. Новые театры открываются только на российском языке /например, драмтеатр в Бобруйске, театр оперетты в Минске/.

Главное внимание КГБ сосредоточено на Академии наук БССР и на творческих союзах. Положении в Академии наук катастрофическое. Через некоторое время , если ситуация не переменится, здесь не останется ни одного ученого-белоруса. Минимум российцев в АН БССР лимитируется, но максимум неограничен. Белоруссов же никогда не может быть ни 70, ни 80, ни тем более 90 или 100%. Но их может не быть в Академии вовсе. Для национально-созвательной интеллигенции это положение абсолютно и касается еелпрежде всего. Такова логика и устремления тайной и явной политики русификаторства в Академии наук БССР. Как и везде, здесь властвуют парткомы. Они решают всё, начиная от приёма на работу и кончая многими научными вопросами, которые позволительно трактовать, как "идеологические".

КГБ держит здесь свой огромный штат стукачей и функционеров, которые занимают здесь разные должности - от секретарь-машинисток и фотографов до директоров институтов/1/. Тайной полицией умело используется здесь антибелорусская, антинациональная политика партии и ЦК КПБ, разные цитаты об "интернационализме", национализме в цекистском понимании и т.п.

Поскольку безудержная угодливость предателей всегда [redacted] более реакционна самого оголтелого великодержавного варварства, то, что, однако, более грустно, чем забавно, многим белорусским ученым, писателям, художникам, драматургам и другим творческим работникам приходится обращаться за помощью в ...Москву. У некоторых ортодоксально мыслящих белорусов создается даже ложное впечатление, что не

будь этой же самой Москвы - янычары во власти растерзали бы здесь все на свете. Белорусы должны быть благодарны многим честным московским людям. Однако, мы отлично понимаем, что все старания "наших" предателей, партизан у власти, цекистов и московцев в Белоруси, также исходят из того, что... "существует эта Москва". Ибо только там эти старания замечают, и только там за их предательство вознаграждают.

Адепты КГБ и партийные функционеры создают и поддерживают в Академии наук БССР дутые авторитеты, добиваясь для "своих людей" присвоения научных званий и степеней, выдвигая их на руководящие административные и партийные должности. В самом сердце нашей науки, нашего языкознания, теории и истории искусства, этнографии, истории, философии, экономики и др. гуманитарных и общественных наук поселились враги, фанатические карьеристы и чиновники. Они у кормила научной власти. Они действуют все более цинично, уничтожая национальные кадры, зажимая рот живой мысли, оплевывая историю национальной науки; они развращают умы выпуском безграмотной "макулатуры", извращающей всю нашу национальную историю и всю нашу национальную жизнь. Они - у власти, они создают и насаждают свои "научные" кадры по образу и подобию своему - людей, в лучшем случае, безотносительных к белорусской культуре, к науке, к национальным задачам, но всегда стоящих на высоте своего околонаучного невежества, всегда готовых бросить ком грязи в наш народ, поддержать самую неправедную ложь.

Оригинальных научных исследований в области белорусистики становится всё меньше. С новой силой, как и в 30-х годах, распространяется и нарастает дешевый изжеванный псевдонаучный штамп, схематическая компиляция из окаменелых партийных положений.

В Белоруси существует две Белоруси. Одна - официальная, рафинированная, говорящая в основном только по российски /если не тербуется обязательных национальных иллюстраций/. Она напомажена трескучими фразами и ложью о

суверенитете, о расцвете национальной культуры, строительстве коммунизма. Она - лакейски клянущаяся в верности Москве, настолько ревностно, что в забывчивости уже и не называется Белоруссью, чтобы не заподозрить себя в национализме, сепаратизме, выпячивании и прочих придуманных для нас смертных грехах.

И есть другая Белорусь. Это наш скромный, трудовой, многомиллионный народ живущий, как и все в СССР, при фактическом крепостном праве, не в состоянии распоряжаться собственной жизнью и свободой. Это - лучшие представители его интеллигенции, бережливо сохраняющие и защищающие родной язык, культуру, историю. Это люди, думающие о духовном национальном будущем своего народа. Они работают для своей родины не за мзду, не за вознаграждение, а за совесть и любовь к родной земле.

На них громогласно и втихомолку плюют ортодоксальные обыватели, партийные чинуши и цекисты, умывают потоком грязи, подличают, боятся, уважают сквозь зубы, цитируют не любя перед международными организациями их и выборочно, ибо это необходимо, так полагается подтверждать конституционное статус-кво советской республики. Они /цекисты/ прикрывают ихними именами и цитатами перед другими народами и собственным населением свое предательство национальных интересов и чудовищную ложь; они готовы тут же расправиться с ними при первом удобном случае в интересах коммунистического строительства, интернационализма и империи.

Но как раз у этих людей и хранится наша национальная правда, наше подлинное настоящее и желанное прекрасное будущее.

Трагикомическая парадоксальность ситуации состоит в том, что говорить обо всем этом национальном состоянии нам, людям 1974 года, почти не приходится. Ибо всё это трудно объяснить непосвященному человеку. В это отказывается верить здоровый рассудок и здравый ум. Официальная ложь и невероятность истинного положения настолько разительно несовпадают,

что связать всё воединое и понять из-за отсутствия достаточной информации не всегда удаётся даже человеку, живущему в Белоруси, но далёкому от национальных проблем. Он питается официозной похлёбкой, что подают. Но мы видели прозревших и понявших. Мы видели ихние, на первых порах растерянные лица и остановившиеся от ужаса глаза.

Иностранец или человек, далекий от национальной жизни и культуры, послушав в общем скупую и спокойную информацию о наших делах, считает, что выслушал только если не сумасшедшего, то по крайней мере человека предельно субъективного с широким творческим воображением, особенно, если рассказывалось с юмором. /По некоторым национальным понятиям и традициям юмор - это самая интеллигентная манера разговора о серьезных вещах. К сожалению, нас не всегда понимают/. Однако, повторяем, в душе нам уже давно не до юмора, когда мы видим, как изо дня в день разрушают нашу родину. Разрушают и лгут, лгут - и разрушают.

Западные передачи на белорусском языке мы почти никогда не слышим. Их глушат особенно яростно и скрупулезно. Все западные передачи на российском и польском языках если в том или ином вопросе и касаются нашей родины, то выражают, как правило, точку зрения польских шовинистов или российских белогвардейцев. Рассуждения сильно "пахнут ладаном" или давно известным всем "от моря до моря" "патриотизмом".

Слушание их для белорусов полезно разве в том только смысле, что позволяет нам констатировать, что живя на Западе и глаголя о демократии, эти люди в методологии своего мышления так ничему у Запада и не научились.

К величайшему нашемо огорчению, в вопросах демократической методологии та же самая окаменелость наблюдается и у современной московской диссиденции. Здесь присутствуют главные недостатки традиционного российского интеллигентского мышления: критиканство и отсутствие конкретной, ясной, положительной и демократической цели. Все они, от академика А.Сахарова до высланного писателя А.Солженицына, подверг-

ли разоблачающей критики существующий режим и все они высказали туманные надежды на светлое будущее России, на ее "великую роль" и т.п. избитое и всем надоевшее.

Мы с большим уважением относимся к гражданскому мужеству писателя Александра Солженицына, демократической деятельности Андрея Сахарова и других московских диссидентов, но в вопросе будущего "России" последовательным демократам нужно прежде всего сказать, [redacted] что они [redacted] под этим "будущим" понимают, кого имеют ввиду и как его представляют.

Ведь вопрос по существу ставится ими о замене "России" коммунистической "Россией" демократической /в империалистических границах СССР/.

Московские демократы никогда не понимали и, к сожалению, совершенно не понимают по сегодняшний день, что никакая демократия невозможна, что ни о какой демократии не может быть и речи, пока существует эта империалистическая сверхдержава - назовите ее СССР, Россия, РСФСР, как хотите. До тех пор, пока эта гидра будет существовать - до тех пор будет империализм и насилие, до тех пор никакая демократия невозможна.

Стоит ли подробно объяснять это. И А.Солженицын, и А.Сахаров должны знать и историю образования России, и историю образования СССР, и что такое "русский дух" и мифический "русский народ", чтобы не питать никаких иллюзий на этот счёт.

Первым пунктом и первым требованием всей нашей волею судьбы "советской" демократии должно быть требование полной и безоговорочной национальной государственной свободы и независимости для всех народов СССР и РСФСР. И без никаких "но", и без никаких "если". Если кто-то с кем-то захочет объединиться, то сделают это сами без кураторов и без "если".

Нужно отбросить политические иллюзии и предрассудки о панрусской идее, особой "миссии" России и т.п. Этот вопрос не выдерживает никакой критики и никакого мало-мальски свободного, непредвзятого научного рассмотрения. В настоящее время "русские" - единственный "народ" /назовем так условно/, не

имеющий своей национальной территории и национальных границ. Взгляните на карту т.наз. РСФСР. Где живут русские? Характерно, что даже сама принадлежность человека к "нации" определяется здесь не существительным, а прилагательным - "русский". Это слово своего рода предшественник, праобраз названия для представителя будущей сколачиваемой коммунистами "великой общности" людей - "советский народ". Общность "русских" /именно общность, а не нация/ должна по мнению русификаторов или интернационалистов, по советской терминологии, расшириться в общность "советских". Они даже поспешили, опережая события, объявить в партийных документах, что такая общность, по их мнению, уже есть, что она будто бы исторически состоялась. Следовательно, человек этой "новой общности" - "советский". Это, как и "русский", уже должна быть не индивидуальность, не представитель нации, народа, а элемент некоей политически организованной конформистской массы. /Кстати, конформизм и масса - всегда следствие односторонней, жестокой и нетерпимой стандартизованной идеологии и империализма/.

Эта политическая идея - "русского" оформилась в огромную империю-сверхдержаву по типу исторической Золотой Орды и по образу Рима, но до сего времени так и не сформировала угро-русский конгломерат в нацию, не вывела его из состояния массы, не выработала духовных национальных традиций и никакого позитивного смысла, кроме общего политического нездорового стремления к расширению, подавлению и насилию, и культа государственного /русского/ языка, как инструмента этой патологической политики.

Когда эта крепостная коммунистическая империя рухнет - она не оставит после себя не то что живого языка, но и никаких культурных памятников, никаких духовных ценностей - достойных подражания и учения.

[redacted]

Эта евразийская держава - самая бесславная из бесславных, самая жестокая, самая лживая и ханжеская, самая антикультурная и самая антигуманная из всех империй, когда-либо

существовавших на земле. В 1917 году терпение лопнуло. Но революция, как и всякая революция, только выплеснула на поверхность чудовищ типа Сталина, насилие царское заменила насилием коммунистическим. И все русские мерзости старой России расцвели в тысячекратном увеличении, в безбрежном море лжи и человеческой крови.

Однако время неумолимо. Оглянитесь назад. В древности рассыпался Рим, распалась империя - и бесследно исчезли римляне, оставив истории свой мертвый язык, свидетельства государства, искусства, культуры, но никаких этнических, антропологических и прочих свидетельств о себе, как о народе, как об этносе. Ибо не было такого народа, как римляне. Были служители государства, империи, были жрецы политической идеи.

Латинский язык в Римской империи был инструментом этой идеи, средством государственной связи, но не средством этнического, национального общения.

Но вот идея исчезла, империалистическое государство рассыпалось и язык его оказался никому не нужным. Владельцев его не нашлось и живых носителей уже давно фактически не было.

А теперь посмотрите, сколько слов, фраз и тирад для заучивания наизусть сказано о "великом и могучем" "русском языке" разными имперскими служащими всех мастей и периодов, хотя при ближайшем научном сравнительном изучении этот язык не только не могуч, но и довольно примитивный, громоздкий, неконкретный, консервативный, запутанный и эклектичный с нагромождением тяжеловесных синтаксических форм, грамматических ребусов и шипящих звуков. Посмотрите, какое поистине империалистическое внимание придавалось и придается "русскому" языку как государственному фактору. Это же целый раздел коммунистической "интернационалистской" идеологии. Это же целая сфера особого рода стратегии и насильственной политики "строительства коммунизма".

И более всего страдают от этого народы, официально именуемые "братскими", поскольку естественный языковый барьер здесь ослаблен.

Но дни этого царства уже сочтены. Сейчас мы видим ещё

только начало общей агонии его, но картина гибели уже ясна. Поэтому надо бороться, чтобы не пойти ко дну вместе с ветхим чужим кораблем; нужно беречься, чтобы яд разлагающегося трупа не поразил ещё здоровые отдельные члены его, способные к жизни, труду, творчеству и развитию. Нужно находить противоядие, которое станет залогом нашей будущей свободной жизни. Нужно спешить, иначе все мы задохнемся в тошном смраде подыхающего чудовища.

Политическое требование разбить империю, уничтожить "гидру" - вскоре станет экологической необходимостью так же, как и совершенно справедливое требование А.Солженицына, пока не поздно отказаться от марксизма. Но марксизм и империализм, марксизм и империя - неотделимы. Полувековая история и идеология большевизма давно доказала это.

Приостановить экономический рост и самоубийственный прогресс, который, если будет продолжаться, по всем подсчетам /об этом известно всему миру/ должен полностью уничтожить нашу цивилизацию уже в пределах половины будущего столетия, можно будет только тогда, когда будут выполнены оба эти требования.

Перед всей нашей цивилизацией сейчас стоит главный экологический вопрос стабилизации экономики, производства и всей нашей жизни, приостановление прогресса и безудержного, гибельного экономического роста. Проблема упирается прежде всего в военный стимулятивный характер экономики и идеологии империалистических государств, в первую очередь СССР и США - главных виновников нынешнего апокалипсического состояния на Земле.

Но в западном мире вопрос стабилизации, сдерживания прогресса и приостановления экономического роста уже перестал быть абстрактным построением, занятием ученых одиночек. Там уже предпринимаются практические шаги в решении этой неотложной задачи. В дело включились экономисты, социологи, коллективы ученых, священники и некоторые политические деятели. Не вызывает сомнения, что если бы этот вопрос зависел только от западной цивилизации, то общими усилиями, благода-

ря гибкости и мобильности западной системы, выход был бы найден.

Но мир един. И одна его сторона не в состоянии решить общий вопрос планеты, если этому противится сторона другая.

Если на Западе прогресс развивался стихийно в силу характера буржуазных отношений и, с другой стороны, особенно после 2-ой мировой войны, как следствие агрессивных устремлений коммунизма, американского империализма и гонки вооружений, то на Востоке, в СССР, прогресс является прежде всего следствием, сутью и самоцелью идеологии.

Марксизм иначе не представляет жизнь, как "непрестанно развивающийся" "прогресс", как "развитие производительных сил и промышленности" при "все возрастающей руководящей роли рабочего класса"; марксизм в другом не видит цели, как "в создании изобилия материальных благ" и "всеобщем удовлетворении всё возрастающих потребностей". Это – логическая, политическая основа его идеологии. /Мы не касаемся здесь неосознанной мистической идеологии марксизма. Это особый вопрос/. Отказаться сейчас от этих постулатов марксизма XIX столетия – равносильно смерти его. И если раньше человек здравомыслящий, человек духовный отворачивался от примитивности и лжи марксистских рассуждений или не принимал их всерьез, то сейчас над этим нужно еще раз глубоко задуматься. Ибо теперь уже становится видимой истинная преступная суть этой идеологии в жизни всей нашей современной человеческой истории. Тайное становится явным. Оно проявляется перед измученным и разуверившимся взором нашей цивилизации как тщательно кем-то продуманное и приведенное в действие самоубийство и грехопадение человечества. Оно не могло быть ошибкой в расчетах нескольких безумных людей – слишком много миллионных невинных жертв было принесено на кровавый его алтарь. И теперь и даже в прошлом ретивые адепты его увидели, что путь этой "самой передовой", "самой прогрессивной" идеологии ведет даже не в тупик /из тупика можно вернуться назад/, а в пропасть. Вот уже поистине – "Посрамлю мудреца его же мудростью".

А ведь реальной основой и базой политической жизни и

агрессивного функционирования этой идеологии на Земле было и является по сей день - особым образом организованное, империалистическое государство. События последних лет /Венгрия, Куба, Чехословакия, Вьетнам, Чили, Ближний Восток и др./ особенно наглядно иллюстрируют это.

СССР гонится за прогрессом вот уже десятки лет. Здесь, не считая малонаселенных сибирских колоний, уже основательно изгадили землю, отравили многие реки, уничтожили старые леса, отравили атмосферу городов, построили огромные дымящие заводы, баллистические ракеты, танки, развалили сельское хозяйство, развратили человека. А посмотрите, как бедно мы все в этой империи живем /кроме разного рода государственных воров и партийной верхушки/. У нас нехватает необходимых продуктов питания /надо кормить российцев, их пьяные города, гигантскую армию и флот/. Хронически нехватает жилья, предметов первой необходимости. Наше имперское общество, отравив природу почти в такой же степени, как и на Западе, не то что не достигло еще западного уровня общества высокого потребления, но даже и не приблизилось к нему. И перспектив уже нет, потому что производственные ресурсы СССР исчерпаны, свободной рабочей силы больше нет /с деревни уже, как раньше, тянуть нечего; они пустеют/, природа частью уничтожена, частью изгажена, а путь к исправлению положения и "достижение цели" согласно коммунистической идеологии лежит через прогресс. А это смерть.

Можно еще отказаться от крепостного права. Это значит: от деморализующего уравнительного принципа оплаты за труд, а не за результаты труда и объём работы, так как работать можно по разному, разное время и с разным результатом; можно отказаться от централизации производства, экономики и всей жизни, от колхозов и совхозов как совершенно непроизводительных государственно-крепостных латифундий; можно признать, наконец, несостоятельным волчий закон социализма - от каждого - по способностям, каждому - по труду, ибо, кроме неправильного принципа оплаты по труду, люди не волки, они живут не в одиночку, а семьями. Поэтому, по примеру запад-

ных государств, минимальная заработная плата человека должна составлять прожиточный <u>минимум его семьи</u>, а не одного работника. Можно понять в связи с этим ложь разрекламированной эмансипации женщины и истинное её государственное и бытовое закабаление, можно найти в этом одну из причин непрочности советской семьи и прочие вытекающие последствия; можно в конце концов сделать человека свободным от прикрепления к определенной местности под видом прописки, можно выдать колхозникам паспорта и освободить крестьян от крепостной зависимости, от колхоза и от воли председателей-самодуров, можно обеспечить населению свободу передвижения и свободу выбора работы и местожительства; можно обеспечить свободу труда; можно высказаться за кооперацию, за совнархозы, за демократические свободы на деле, а не на бумаге, за правовое, фактическое, равное для всех юридическое положение личности, а не зависимость от номенклатуры, идеологии, партийного членства и текущей политики. Много еще от чего следовало бы отказаться, если бы это не означало самоликвидации империи, а вместе с ней тирании и марксистской доктрины. Это понимает и этого боится КПСС. /Оккупация Чехословакии в 1968 г. наглядно подтвердила это и еще раз показа истинные империалистические их лица/. Поэтому путь вождей партии и империи остается прежним - в пропасть. В пропасть, но вместе с другими. Они хотят лучше погибнуть со всем миром в свое оправдание, чем раскаяться и признать свою несостоятельность.

Прозрение приходит слишком поздно, хотя положение еще можно спасти, страдания приостановить. Сейчас уже становится ясно, в чем заключалась эта особая "миссия России" — скопища зла. Теперь можно понять всю историю формирования ее империализма, все "смутные предчувствия" XIX века о ее "мессианской" роли. Роль ее действительно замышлялась глобальной. Остановитесь и посмотрите. Вот оно — преддверие преступной цели. Вот оно , красное царство антихриста, подготовившее путь входящему в него.

"...Поспешим развить нашу промышленность... Мы можем черпать наши ресурсы из Европы и Америки; у нас четыреста - пятьсот миллионов людей, из которых мы можем навербовать

десятки миллионов солдат; у нас неисчерпаемые запасы [redacted] железа и металла, из них мы можем построить тысячи военных кораблей и тогда мы сможем пройти через пять континентов, на которых вы увидите, как развеваются и танцуют флаги желтого Дракона" /Кан Ю-Вэй/. Посмотрите, какая зрелость империалистических рассуждений, Какой уровень. Это писалось китайским философом в девятнадцатом веке, в то время, когда младенческая Россия "смутно чувствовала" свое непонятое "мессианство" и только еще начинала школьнические споры о марксизме и коммунизме. Для оформления и оправдания своих глобальных империалистических [redacted] и мистических целей Китаю, как и в начале XX века России, нехватало только соответствующей идеологии. Что же, он получил ее, желанную, в готовом виде вместе с историческим опытом. И теперь печальное "мессианство" России кончается, начинается танец желтого Дракона, подготовленный ею.

Чем быстрее все народы в СССР это поймут, чем быстрее московская демократия откажется от империалистической идеи существования России и СССР, от марксистской идеологии, привнесшей в эту идею преступный исторический смысл, тем больше надежды на спасение наших народов. Путь наш должен быть путем свободных наций и суверенных национальных государств в духовном единении с Западом и христианской Европой. Только тогда мир как целое сможет договориться с Китаем. Только тогда можно будет мирным путем снять военное напряжение на планете, остановить самоубийственный и бессмысленный промышленный рост, гонку вооружений и подумать о стабилизации экономики и всей нашей земной жизни. Если этого не случится - катастрофа неизбежна.

Существование СССР в современном мире с политической и экономической точки зрения бесперспективно, с моральной - преступно. Все попытки договориться с США, чувствуя за спиной угрозу Китая, ни к чему не приведут. Эти две империи имеют разные сферы влияния. Поэтому в какой бы форме не велись переговоры, к каким бы выводам ни пришли - в основе [redacted] их отношений всегда будет лежать фактическая проблема раздела мира. Так называемая политика "разрядки" хорошо

иллюстрирует это заключение. "Разрядка" и невмешательство в дела друг друга – все это очень похоже на предательство Западом интересов порабощенных подсоветских народов и национальных государств. Народы СССР чувствуют это на своей спине. И особенно "братские" /Украина и Белорусь/. Похоже на то, что СССР, заручившись молчанием и невмешательством Запада, развязал себе руки с целью покончить с демократическим движением, национальными кадрами и национальным развитием в т.наз. "советских" республиках. В знак благодарности за невмешательство Советский Союз молчит о деле Уотергейт.

Если вопрос упирается в сферы влияния, то в национальном вопросе демократизации и свободы т.наз. "разрядка" ни к чему положительному не приведет. Нам, белорусам, и всем народам под СССР не надо обольщаться никакими "положительными" действиями и договорами империалистов. Наше единство должно развиваться и укрепляться в полезных отношениях между собой. Наша задача бороться за то,чтобы самим решать свою народную, государственную и человеческую судьбу. Мы должны понять уже сейчас, что судьбы наши будут судьбами будущего мира. Жить и развиваться могут только те естественные человеческие объединения, те общества, которые являются нравственными индивидуальностями и имеют свой духовный Божественный идеал добра и вселенской перспективы. Это значит – народы как существа моральные и национальные. Все же остальные государственные, партийные, имперские, доктринерские и прочие искусственные человеческие объединения несовершенны и преходящи.

Мы должны сохранить наши национальные индивидуальности и идеалы в этом советском мире тотального вынародования и тирании.

Мы должны понять, наконец, самые главные ошибки и трагедию всех наших национальных движений: разобщенность и заигрывание с империей во имя мнимых общих интересов. Пора отбросить эту фальшивую, якобы "реалистическую", а на деле соглашательскую дипломатию заигрывания с "российским". Это заблуждение. Пока существует эта темная имперская сила и эта преступная идея "России", замешенная на марксизме и на "русском языке", наши национальные интересы никогда не будут учитывать-

ся, никогда не будут полностью достигнуты и мы сами будем виноваты в этом из-за своей разобщенности, неактивности и ошибочной тактики ублажения, усиления этого стозевного чудовища или использования его в своих целях для удовлетворения собственных национальных интересов, вместо того, чтобы всем сообща уничтожить эту имперскую гидру.

Мы- народы - национальное большинство в СССР, имеем перед собой вырождающееся имперское конгломеративное меньшинство; и мы сами же себя уничтожаем своими руками. Мы соучастники в перступлении, ибо восприняли лживую доктрину, творим у себя их общую политику. Мы сами себя обворовываем духовно и материально во имя их пороков и похотей, во имя их дикости и варварства, во имя их невежественного эгоизма и лентяйства, во имя чуждой нам империи. Мы дипломатично расточаем дежурные похвалы тем, к которым все наши национальные народы относятся с презрением. Мы поощряем их пороки. Мы сами объективно способствуем злу.

Поэтому мы обращаемся ко всем живым национальным, патриотическим и демократическим силам в СССР: не повторяйте ошибок национальных соглашателей и коллаборационистов. У нас <u>нет и не может быть</u> никаких общих дел и никаких общих интересов с Россией, СССР, РСФСР и тому подобными российскими имперскими модификациями.

Каждый из нас должен у себя на родине разговаривать на своем языке. Каждый из нас, живя среди другого национального народа, должен знать его язык и разговаривать только на этом национальном языке, а не на языке имперского общения. Каждый из нас должен поддерживать всякий национальный народ во всех случаях жизни против российцев и разного рода марксистских "интернационалистов". Это наше общее дело. Мы должны всегда во всем помогать друг другу. Мы должны информировать других о своих национальных делах и проблемах в самиздате. Мы не должны мешать московским диссидентам, но мы не должны и поддаваться на российские имперские провокации "общих интересов". Они коварны и лживы, а порою просто отвратительны, как, например, русофильские сентенции А.Солженицына. Мы должны уметь увидеть истинные

белогвардейские лица этаких "демократов" и понять, какая обветшалая идея кроется за их"демократией".

Вспомните, как обмануты оказались наши национальные народы Лениным и российскими большевиками; какая была пропаганда национальной свободы, какие обещания ради "общего дела"; как они заигрывали со всеми нами ради захвата власти.

Еще раз напоминаем: общие интересы с разного рода российскими "интернационалистами" или самодержавными "демократами" белогвардейского толка и прочими томуподобными во имя, казалось бы, явных политических и дипломатических выгод, объединения сил и т.д. - была, есть и будет, если мы все этого не поймем, нашей главнейшей ошибкой и заблуждением на пути к свободе.

Нужно научиться, наконец, учитывать хотя бы исторический опыт. Нашими национальными руками и помраченными умами строилась империя российская, нашими руками она разрушалась, и на наших же хребтах с нашей же помощью и искренними усилиями была построена Россия "свободная", Россия коммунистическая. Сейчас мы все вкушаем плоды этой коммунистической российской свободы. Интересно, каких плодов вкусят наши потомки, если мы опять позволим построить себе на шею еще одну "Россию", на этот раз "демократическую".

А ведь, если прислушаться к высказываниям российских дипломированных "демократов"-лауреатов и нелауреатов, говорящих только о "России", о "русском", - можно весьма наглядно себе эти вкушения представить.

Демократией в их суждениях и не пахнет, до тех пор, покуда они не высказались о самом главном демократическом вопросе - о вопросе империи и будущего свободного устройства наших национальных народов. Они этого не только не понимают, но, кажется, об этом и не думают.

Пока они, подобно Солженицыну, "ищут" Россию. И не в Москве, а почему то в "русской" Сибири, на "русском" Севере, даже в Смоленщине, строя планы и давая рецепты, как перейти из изгаженной ими земли, на территории еще чистые

и на земли тоже чужие. Какая истинно российская мерзость! Нагадить и убегать. Так мыслить может только русский.

Мы должны обратиться к нашим землям и нашим национальным народам. Мы должны обратиться к нашим национальным и духовным ценностям. Мы должны бороться и защищать от российских посягательств свои национальные интересы и интересы всех наших национальных соседей и порабощенных народов-друзей. Мы должны уметь прощать друг другу ошибки во имя единения против общего врага и нашей свободы, ибо мы все равны как перед российским угнетением, так и перед будущей национальной свободой. Мы не должны поддаваться на негласную российскую травлю евреев. Это совершенно противоречит нашим общим национальным и политическим интересам и выгодно только империи и россиянам. Мы все должны быть солидарны друг с другом. Мы должны уважать и возрождать наши отдельные и общие религиозные, исторические, национальные и культурные ценности. Мы должны воспринимать мир, человеческую историю и национальное развитие как единое целое и избавляться от авантюризма марксистских материалистических и прочих бездуховных односторонних лживых доктрин. Наши отношения с самого начала должны быть основаны на доверии, честности, уважении, бескорыстности, благородстве, религиозности, терпимости, верности и правдивости в противовес российско-советской этике нахальства, разболтанности, хамства, демагогии, обмана и лжи.

Мы должны похоронить навсегда эту лоскутно-колониальную империю, эту имперскую идеологию (и империалистическую идею) во всех ее проявлениях, будь то СССР, РСФСР, "интернационалистский" коммунизм, самодержавие или "демократическая Россия".

Это наша общая самая главная объективная необходимость. Это единственный залог нашей свободы, нашей демократии, нашего независимого национального существования и человеческой жизни.

Март-апрель 1974 г. Могилев. Г. Ракутович.

В Е Р А

Беларускі каталіцкі часопіс
Менск-Смаленск №1

АБ БЕЛАРУСКІМ САМВЫДАЦЕ

2). Каталіцкі часопіс "ВЕРА"

Пра выданьне самвыдатаўскага рэлігійнага часопіса я задумаўся яшчэ ў 1972 годзе, адразу пасьля сканчэньня асьпірантуры і напісаньня дысэртацыі. Тады я шмат чытаў самвыдату на расейскай мове. Асабліва мяне ўразілі маскоўцы, якія нелегальна надрукавалі на машынцы (4 экзэмпляры) самвыдатаўскі зборнік "Спутник христианина" ў 14-ці тамах. Усе тыя тамы я прачытаў. Каласальная праца. Артадаксальнае хрысьціянства – гэта сапраўды веліч і духоўная моц. Але (у чым недахоп) яно спынілася, закасьнела, не разьвіваецца разам з сацыяльным жыцьцём і з новымі пакаленьнямі. І што істотна, яно лічыць гэта правільным, і на тым стаіць.

Каталіцызм больш мабільны і сацыяльна ўлучаны ў разьвіцьцё грамадзтва, больш даходлівы і дробязна не дагматычны. Але ён аказаўся менш адпорным на бязбожніцтва і геданізм сьвецкіх (а ў большасьці, проста сатанінскіх) традыцыяў. Канвергенцыя яго дачыненьняў з выклікамі хворага часу, часам, проста трасе.

У дачыненьні да каталіцызму артадаксальная царква займае агрэсіўную пазыцыю. Карысьці ў гэтым ніякай няма, але існуе факт.

Каталіцызм лягчэй упісваецца ў дэмакратыю. Артадаксізм лягчэй улучаецца ў аўтарытарызм, дыктатуру і таталітарызм.

У гэтым сэнсе становішча праваслаўя ў Расеі выглядае, фактычна, сістэмнай катастрофай. РПЦ стала агрэсіўным, нават не прыдаткам, але аддзелам КГБ-ФСБ. Аснова палітычнай агрэсіўнасьці імпэрскага праваслаўя была закладзена яшчэ пры царызме і агулам сфармавалася пры саветах. (Напрыклад, епіскапам РПЦ пры саветах мог стаць толькі такі кандыдат, які падпісваў супрацоўніцтва з КГБ і атрымліваў дазвол ад аддзелу ЦК КПСС.) Цяпер мы назіраем рускамірскі кантынгент РПЦ – цемрашальства вайны і нянавісьці да непадобных (да "ня рускіх").

Пры саветах у 1970-х становішча было такое ж самае, як і цяпер, але ў згладжанай форме, паколькі царква, вобразна кажучы, існавала пад "камуністычным венікам", і актыўнасьць яе была абмежаваная.

Для мяне тады не ўзьнікала сумненьня, што нацыянальная рэлігійная будучыня беларускай нацыі будзе зьвязана найперш з каталіцтвам, пратэстанцтвам і беларускім аўтакефальным праваслаўем, якое цяпер існуе за мяжой. Аўтакефалію (пасьля чысткі ад маскоўскай бязбожнай агентуры) павінен будзе прыняць і Беларускі экзархат РПЦ.

Аднак, самвыдавецтва каталіцкага часопіса ў падпольлі аказалася ў тых умовах такім ня простым чынам, што толькі ў 1987 годзе, у разгар гарбачоўскай "перабудовы", стала магчымым яго пачынаць.

Частку тэксту часопіса я напісаў сам пад крыптанімамі і псэўданімамі (напрыклад, "Тадэвуш Рэйтан", "Мар'ян В.", "Н-ц", "агляд", "погляд", "з газэт" і т. п. У канцы гэтай кнігі пададзены сьпіс псэўданімаў). Частка тэкстаў узята з нашага самвыдату 1970-х гг., частка – з часопіса "Божым шляхам", які выдаваўся за мяжой, а таксама зь іншых беларускіх і небеларускіх выданьняў даўнейшага часу і з архіваў. Месцам выданьня часопіса я напісаў "Смаленск". Гэта і дзеля дызарыентацыі каго трэба, і дзеля напамінку, што Смаленск – старажытны беларускі горад.

Асяроддзе магчымых варожых асобаў, якім патрапіла б "Вера", было такім культурна адсталым (я тое ведаў), што спакойна і са зьдзекам можна было падпісвацца "Тадэвуш Рэйтан" ці "Мацей Бурачок". Для беларусажэрцаў гэта нічога не азначала.

І сапраўды, у 1970-х гг. быў казус з нашай адозвай да пісьменьнікаў, падпісанай "Мацей Бурачок". Адозву напісалі мастакі з "Паддашку". Пазьней, студэнты Беларускага

Дзяржаўнага Тэатральна-Мастацкага Інстытута вывешалі яе на дошцы аб’яваў у вестыбюлі інстытута. Некалькі дзён адозва вісела, усе чыталі. Нарэшце, лісток заўважыў нехта, каму было трэба. Тут жа адбылося паседжаньне партбюро і рэктарата інстытута. “Товарищи, – сказаў рэктар інстытута, вядомы беларускі савецкі мастак Віктар Грамыка, – у нас в институте обнаружена националистическая листовка антисоветского содержания. Это, товарищи, скажем прямо, ЧП. Товарищи из партбюро уже ознакомлены с текстом. Какие будут мнения?” Голас: “А известно, кто этот Матей Бурачёк?” “Пока неизвестно, – сказаў заслужаны дзеяч мастацтваў Грамыка, – но видно, что это негодяй, похуже Солженицына.”

Вось такія інтэлектуалы кіравалі адукацыяй у савецкім беларускім мастацтве.

Часопіс “Вера” быў аддрукаваны на той жа машынцы “Москва”, што і “Положение...” сябрам “С. З.” Потым тэкст быў выклеены ў дзьве калонкі, перазьняты на тэхнічную фотастужку і аддрукаваны на фота-паперы. У пачатку 1988 года я перадаў негатывы і выдрук старонак дзяўчыне Натальлі Кленіцкай, якая мела магчымасьць паехаць у Польшчу, і папрасіў яе перадаць гэты матар‟ял у падпольны асяродак польскай Салідарнасьці ў Беластоку з просьбай зрабіць друк часопіса. Матар‟ял Кленіцкая ўзяла неахвотна, але заданьне выканала. Часопіс аддрукавалі (праўда, вельмі ня якасна) ў невялікай колькасьці асобнікаў, якія яшчэ ў меншай колькасьці трапілі ў Беларусь.

Пра “Веру” я зьмясьціў невялікі ўпамінак у сваёй кнізе “Развагі” (2007 г.), і больш да гэтай тэмы не вяртаўся. Экзэмпляр “Веры”, гэтак жа сама, як і “Положение...”, трапіў у “Архіў найноўшай гісторыі” і выстаўлены ў Сеціве (“Vytoki”).

У апісаньні “Вытокі”, якое я прачытаў па лінку ў Сеціве, зьмешчаны недакладныя і з большага прыдуманыя зьвесткі. Ні Кленіцкая, ні, тым больш, А. Бяляцкі і ніхто іншы, акрамя майго напарніка “С. З.”, ня мелі дачыненьня да выданьня часопіса. У апісаньні тут памылка. Успамінаецца там яшчэ Паліна Сьцепаненка, якая быццам бы (як напісана ў апісаньні) перавозіла макет у Варшаву. Магчыма, яна дапамагала Кленіцкай, бо яны былі знаёмыя па Талацэ і абедзьве працавалі ў 1985-86 гг. у мяне на археалагічных раскопках Менска. Паліна, памятаю, была вельмі прыстойная дзяўчына, надзейная ў працы і нешматслоўная ў гаворцы.

Пра Натальлю Кленіцкую можна б было распавесьці цэлы сюжэт, цікавы для сацыяльнага псіхолага з педагагічным ухілам. Нагадаю коратка, бо зьява і асаблівая, і тыповая.

Аднойчы пара мастакоў, муж і жонка, беларусы, якія прыехалі з Ташкента, прывялі да мяне на археалагічныя раскопкі сваю дачку, выпускніцу сярэдняй школы і папрасілі, каб я ўзяў яе на працу ў археалагічны атрад у якасьці мастака-лабаранта, навучыў бы яе ўсяму і быў бы ёй, як бацька, бо яны вельмі занятыя. Дзіўныя, канешне, людзі (я іх бачыў першы раз) і дзіўная просьба, але дзяўчыну я ўзяў на працу і сапраўды апекаваўся ёю. Яе бацькоў я больш ніколі ня бачыў. Яны не зьяўляліся і дачкой не цікавіліся.

Натальля аказалася харошай, сумленнай, сьціплай дзяўчынай. Яна тут жа навучылася па-беларуску, выконвала ўсе заданьні, паверыла ў Бога і захацела ахрысьціцца. Я езьдзіў да ксяндза Чарняўскага ў Вішнева і прасіў яго, каб яе ахрысьціў. Натальля паехала сама і прыняла хрост. Затым уступіла ў Талаку. Потым я дапамог ёй паступіць у Беларускі Дзяржаўны Тэатральна-Мастацкі Інстытут, а пазьней, калі яна захацела паехаць па студэнцкіх сувязях навучацца ў Польшчу, я прасіў рэктара А. Сабалеўскага, каб яе накіравалі. Неўзабаве Натальля паехала ў Польшчу.

Калі недзе праз год яна на коратка прыехала ў Менск і я даручыў ёй адвезьці макет часопіса “Вера″ ў Польшчу, перада мной ужо быў іншы чалавек, які глядзеў на мяне непрыхільна і насуплена. Але (хоць і без ахвоты) яна заданьне выканала. Больш я Натальлю ня бачыў. Праз год-паўтара я прачытаў у нейкім польскім макулатурным зборнічку невялікі допіс Натальлі па-польску з выяўленьнем непрыхільнасьці да Беларускага Народнага Фронту і да майго імя.

Прыкра, але такая гісторыя ёсьць даволі тыповая для маладых, калі яны (гэта недзе ў 22-23 гг.) выходзяць з ідэалаў маладосьці і трапляюць у соцыюм. Тады часта бывае, што адбываецца зьмена каштоўнасьцяў і сэнсавай арыентацыі асобы. Такое я бачыў ня раз.

Падзея мела працяг. Недзе ў 1991-м ці 92-м годзе мне ў Вярхоўны Савет пазваніў мужчынскі голас, прадставіўся дзядулям Натальлі Кленіцкай і стаў прасіць, каб я ўратаваў яго ўнучку. Бо, па ягоных словах, яна трапіла ў нейкую маргінальную секту, і яе (зь яе згоды) хочуць вывезьці нямаведама куды – ці то ў Італію, ці то ў Гішпанію. Дзядуля просіць яе, каб ня ехала, бо загіне. Але яна яго ня слухае і кажа яму, што толькі калі спадар Зянон ёй тое скажа, то яна яго паслухае, але званіць яму ня можа, бо баіцца, што я ёй не дарую.

Я тут жа зь Вярхоўнага Савета пазваніў у Польшчу на нумар, які назваў дзядуля. Раздражнёны жаночы голас у слухаўцы адмовіўся паклікаць Натальлю і сказаў мне, што Натальлі няма і ня будзе, “і нех пан не дзвоні, я не мушэ ей волаць до тэлефону”.

Больш дзядуля мне не тэлефанаваў. Што сталася з той Натальляй – невядома.

У 1996 годзе, трапіўшы на эміграцыю, у мяне была думка аднавіць выданьне “Веры”. Але сітуацыя патрабавала іншага. У 1996 г. летам мы падрыхтавалі з Сяргеям Навумчыкам першы нумар часопіса “Беларускія Ведамасьці” (усяго 4 старонкі) на польскай мове. Далей астатнія 70 нумароў (па 20-28 старонак) да 2013 года мы выдавалі разам з Галінай Палачанінай па-беларуску пры падтрымцы сяброў БНФ і пазьней – КХП-БНФ. Гэта быў, па ацэнцы Вітаўта Кіпеля, адзіны сапраўдны адраджэнцкі беларускі часопіс за гады лукашысцкага ліхалецьця.

2 красавік 2024 г. Зянон ПАЗЬНЯК

Заўвага:
Як і ў папярэднім прыкладзе, спачатку (дзеля лёгкасьці чытаньня) падаецца кампутарны выдрук усяго тэксту часопіса з фоттакопіі, а потым – адбітак арыгіналу.

LAUDETUR JESUS CHRISTUS
СЛАВА ЕЗУСУ ХРЫСТУСУ

В Е Р А

Беларускі каталіцкі часопіс
Менск-Смаленск №1

Маці Божая Вострабрамская – Заступніца і сімвал Беларусі.(Гэты абраз – Маці Божая "Зьвеставаньне" – паходзіць з XVI стагоддзя. Напачатку ён быў праваслаўны, пасьля – уніяцкі, затым – каталіцкі. Сьвятая рэліквія ўсяго беларускага хрысьціянства.)

П А Ц Е Р Ы К А Т А Л І Ц КІ Я

(Imprimetur. + Romualdus Archiepiskopus Vilnensis, Vilnae, 11. VII.1927, Nr. 1784)

Знак Крыжа Сьвятога

У Імя Айца і Сына і Духа Сьвятога. Аман.

Малітва Хрыстусовая

Ойча наш, каторы ёсьць на небе.
Сьвяціся Імя Тваё. Прыйдзі валадарства Тваё.
Будзь воля Твая, як на небе, так і на зямлі.

Хлеба нашага штодзённага дай нам сяньня.

І адпусьці нам грахі нашыя, як і мы адпускаем вінаватым нашым.

І не ўвадзі нас у спакусу, але збаў нас ад злога. Аман.

Анельскае прывітаньне

Прывітана будзь Марыя, поўная ласкі. Пан з Табою, багаслаўлена Ты між жанчын і багаслаўлены плод улоньня Твайго Езус. Сьвятая Марыя, Маці Божая, маліся за нас, грэшных, цяпер і ў часіну сьмерці нашай. Аман.

Аб’ява рэдакцыіі

Беларусы! Мы перажываем цяжкі для Веры і Бацькаўшчыны час. Каталіцызм на Беларусі памірае разам з ксяндзамі, што выракліся нашай мовы і зямлі, што напаверку не любілі наш хрысьціянскі народ. Ня ўсе такімі ёсьць і былі, але большасьць.

Вымірае і праваслаўе, а верхавіна яго, сьвятары, – закасьнелі ў вялікадзяржаўным рускім шавінізме, не прызнаюць ні мовы нашай, ні гісторыі, ні будучыні.

Вялікадзяржаўныя бюракраты і функцыянеры глумяць нашу Веру, мову і культуру, зьнішчаюць беларускія школы, разбураюць нашую гістарычную спадчыну, прыроду, лясы, рэкі, касьцёлы і цэрквы, рыхтуюць новыя злачынствы.

Маўчаць у такіх абставінах ганебна. Трэба ратаваць духоўныя нацыянальныя каштоўнасьці, разьвіваць і прадаўжаць іх у нашым народзе. Народ – моцны духам і культурай. Задача нашага часопіса даваць інфармацыю пра рэлігійнае жыцьцё, рэлігійную гісторыю і рэлігійную культуру Беларусі.

ЗЬВЕСТКІ ПРА ВЕРНІКАЎ

На прэс-канферэнцыі ў Маскве 24.04.1979 г. дырэктар Інстытуту навуковага атэізму Акадэміі грамадзкіх навук пры ЦК КПСС прафесар П. Курачкін сказаў: “Сацыялагічныя абсьледаваньні, праведзеныя ў шэрагу вобласьцяў, раёнаў і гарадоў РСФСР, Украіны, Беларусі, Сярэдняй Азіі, Малдавіі, Прыбалтыкі паказалі, што актыўна веруючых, якія больш-менш рэгулярна посьцяць, ходзяць да споведзі, наведваюць бажніцы, каля 8-10% дарослага жыхарства”.

Большы лік вернікаў у СССР падаў у 1975 годзе кандыдат філасофскіх навук Э. Лісаўцаў, інструктар аддзелу прапаганды ЦК КПСС, сябра рэдкалегіі часопісу “Навука і рэлігія”, у сваёй брашуры “Рэлігія ў змаганьні ідэяў”. Паводле зьвестак, – сказана ў брашуры Э. Лісаўцава, – атрыманых на аснове вывучэньня ўзроўню рэлігійнасьці ў цэлым шэрагу рэгіёнаў Савецкага Саюзу, можна зрабіць выснову, што пад уплывам рэлігіі ў той ці іншай ступені ў паасобных рэгіёнах знаходзіцца яшчэ 25-30% дарослага жыхарства”.

Колькасьць вернікаў у сьвеце: Венгрыя – 40%, ГДР – 50%, Югаславія – 35%, Польшча – 85%, Францыя – 30-35%, Англія – 55%, ЗША – 65-70%.

На Беларусі колькасьць вернікаў (1979 г.) у вёсцы – 39,6%, у горадзе 20%. Найбольш вернікаў у заходніх вобласьцях рэспублікі (больш за 60%), менш у цэнтральных і ўсходніх вобласьцях (каля 26%).

Цяпер на Беларусі 370 праваслаўных прыходаў з 383 сьвятарамі. Існуе таксама манастырская грамада ў Жыровіцкім манастыры, што каля Слоніма, – 33 манахіні і 15 манахаў.

Апрача праваслаўных на Беларусі ёсьць яшчэ 65 каталіцкіх парафій; наймаладзейшая зь іх нядаўна заснавана ў Менску. У рэспубліцы сёньня налічваецца больш за 1 мільён каталікоў (зь 10-ці мільёнаў агульнай колькасьці насельніцтва).

На Беларусі ёсьць таксама больш за 100 баптысцкіх брацтваў, брацтвы пяцідзесятнікаў, адвантыстых і пэўная колькасьць мусульманаў (у Іўі – мячэць).

Ёсьць на Беларусі і стараверы, але іх ня шмат, і жывуць яны раскідана, даволі далёка ад вялікае свае грамады ў Гомелі.

На 1983 год статыстыка налічвала ў нас 68 каталіцкіх і 383 праваслаўных сьвятароў.

(А-х)

РАЗМОВА З СЯБРАМ

Пытаньне: – Ці задавальняе цябе сучасны рэлігійны стан на Беларусі?

Адказ: – Ён такі ж катастрафічны, як і наогул становішча з нацыянальнай сьвядомасьцю. На Беларусі няма свайго каталіцкага біскупа. Ватыкан меўся пасьвяціць на біскупа кс. Уладыслава Чарняўскага, але таму знайшліся перашкоды з боку ўладаў.

Другой найвялікшай справай, якая мусіць быць упарадкаваная перш-наперш, – гэта справа беларускай мовы ў касьцёлах на Беларусі. Я лічу, што нам, беларускім каталікам, трэба дамагацца здзяйсьненьня на практыцы пастановы Другога Ватыканскага Сабору (1962-65 гг.) аб увядзеньні ў касьцёлах нацыянальных моў замест лацінскай.

І трэцьцяй балючай справай як для каталіцкага касьцёлу, так і для праваслаўнай царквы, у нас зьяўляецца падзеньне колькасьці вернікаў. Бо старое пакаленьне паступова адыходзіць ад жыцьця, а сярод моладзі яўна назіраецца абыякавасьць да рэлігіі.

– Тут дазволь з табою не зусім пагадзіцца, працэс гэты больш складаны, і зараз шмат моладзі зноў вяртаецца да рэлігіі, але ўсё ж, у чым прычыны такога цяжкага становішча каталіцкага касьцёлу на Беларусі?

– Вытокі гэтае праблемы сыходзяць да часоў сталінізму, калі была рэпрэсаваная большасьць беларускіх сьвятароў, зьнішчана вялікая колькасьць храмаў (пераважна каталіцкіх). Тады актыўна праводзілася праграма ваяўнічага атэізму. Гэта ў пэўнай меры і прывяло да такога стану рэлігійнага, які сёньня пануе на Беларусі. Але існуюць і іншыя прычыны:

1) адсутнасьць каталіцкага і праваслаўнага беларускіх выдавецтваў, у выніку чаго народ (асабліва моладзь) застаецца рэлігійна недасьведчаным;

2) featured рознага роду абмежаваньні, зь якімі сутыкаецца ў нас вернік; напрыклад, паводле заканадаўства СССР, веруючы чалавек ня мае права займаць кіраўнічыя пасады ў дзяржаўных установах, працаваць настаўнікам і г. д.;

3) недахоп сьвятароў на Беларусі – гэта мае свае вытокі ў вышэй сказаным.

– Ці бачыш ты выйсьце з гэтага становішча?

– Выйсьце можа быць толькі тады, калі адбудуцца нейкія кардынальныя зьмены ў нашым грамадзтве. А пры сучасным стане рэчаў я такога выйсьця ня бачу. Ужо іншая справа – чым рэлігійны нацыянальны рух (нават на сучасным этапе) можа садзейнічаць набліжэньню гэтых зьменаў? Але тое ўжо выходзіць за межы нашай гаворкі.

– Вялікі дзякуй, зычу посьпехаў у тваёй працы.

(С-а)

МОВА – НАШ СКАРБ

“Шкада мне гэтага народу, бо ня мае чаго есьці”, – сказаў Хрыстус. Прачнулася прага да праўдзівага слова Госпада. І становіцца ясным, што чалавек мае ня толькі цела, але і душу, душу разумную, несьмяротную, створаную і для Бога, і для вечнага свайго шчасьця. Пацягнулася ў бажніцы моладзь і людзі сярэдняга веку. Хрысьцяцца і прычашчаюцца, бяруць шлюб і моляцца шчыра. Не пад прымусам і не з-пад палкі, ці таму, што “так прынята” або – “ўсе ходзяць”. А таму, што сыходзіць прасьветленнасьць Боская, шукае душа супакою

і чысьціні. І ня могуць веру ў Пана Езуса замяніць ні строгая навука, ні абсурдны атэізм, ні танцы ці кіно. Усе спробы такога падмену атэістамі прыводзяць да распусты і алкагалізму, наркаманіі і дэградацыі асобы. Нянавісьць і чэрствасьць пасяляюцца ў затлумленых душах, няма там гармоніі і сьветласьці, і не Чалавек ужо ходзіць па зямлі...

Дазвол на выкарыстаньне беларускай мовы ў сьвятынях беларусы-каталікі атрымалі яшчэ ў пачатку XX стагоддзя ад папы Пія X. У Рыме прыхільна ставяцца да нашае мовы, бо на роднае мове мы лепей зразумеем патаемныя словы і вальней данясем свае думкі да Бога. Апостал Паўла пацьвярджае, што калі Дух Сьвяты сышоў на хрысьціянаў, дык першым дарам Духа Сьвятога было тое, што пачалі гаварыць да кожнага народу ў ягонай роднай мове. Папа Ян Паўла II ведае беларускую мову і зьвяртаецца да каталікоў-беларусаў на ёй. Родная мова дадзена нам Панам Богам, таму мы гаворым на ёй і на ёй славім Езуса Хрыстуса.

Мікола Кіневіч

Замятаюць сьляды

У канцы лютага 1988 года стала вядома, што ў Заходне-берлінскім цэнтры архіўнай дакументацыі зьнікла 80.000 дакумантаў пэрыяду фашысцкай Нямеччыны. Як яны зьніклі, невядома. Папярэдняе рассьледваньне нічога не дало.

На другі дзень у Ленінградзе ў бібліятэцы Акадэміі навук СССР, адной з самых багатых у краіне, згарэў газэтны фонд. Спалены ўсе газэты пэрыяду сталінізму – з 20-х, 30-х, 40-х гадоў і іншыя. Раней такі ж пажар (спаленьне газэтнага фонду) адбыўся ў Кіеве.

У так званы застойны пэрыяд у 70-х гадах была выдадзена інструкцыя бібліятэкам па ўпарадкаваньні фондаў і зьнішчэньні газэт. Ва ўсіх бібліятэках – ад ведамасных, раённых да рэспубліканскіх – адбывалася "чыстка" фондаў. Асабліва пацярпелі газэтны і часопісны фонды, тое, што зьяўляецца летапісам часу. Малапісьменныя чыноўнікі, якімі звычайна напоўнены савецкія бібліятэкі, пускалі на макулатуру пад нож нават рэдкія выданьні па гісторыі краін, дваранства, літаратуру на замежных мовах (у тым ліку і беларускую, бо яна для іх замежная, асабліва калі на лацінцы). Страты велізарныя.

Трэба ўлічыць таксама, што ўсялякія спецсховы, дзе ляжыць пад замкамі "арыштаваная" літаратура, у тым ліку і рэлігійная, увогуле не падпарадкоўваюцца бібліятэкам, а непасрэдна КГБ. У іх свае інструкцыі, паводле якіх яны могуць зьнішчыць, практычна, любое выданьне, пакінуўшы ад яго (да пары) толькі адзін экзэмпляр. Аўтадафе ў бюракратыі мае ня толькі таямнічы, але і дзяржаўна арганізаваны характар. Таму не сьпяшайцеся выкідаць газэты! Зьбірайце і захоўвайце іх. Гэтым будзе зроблена паслуга для гісторыі.

(Агляд)

Сімпозіўм нацыянальнасьцяў у Лодзі

23-25 сьнежня 1987 г. на працягу трох дзён у горадзе Лодзі ў Польшчы адбываўся сімпозіум па праблемах нацыянальных меншасьцяў у ПНР. Сімпозіўм пад назвай "Прадпасылкі яднаньня" арганізавала Душпастырства Творчых асяродкаў пры касьцёле езуітаў. Гэта быў першы сход такога роду, арганізаваны палякамі за ўсю гісторыю ПНР. Сабралася некалькі сотняў прадстаўнікоў ад Беларусаў, Палякаў, Украінцаў, Летувісаў.

Адразу выявілася прыкрая акалічнасьць: для большасьці жыхароў ПНР да сёньняшняга дня невядома, што ў Польшчы, акрамя палякаў, жывуць яшчэ беларусы, украінцы, летувісы, займаюць адпаведныя этнічныя тэрыторыі, маюць свае грамадзка-культурныя таварыствы і друкаваныя выданьні. Зрэшты, гэта нікога не павінна надта цікавіць, калі прыгадаць, што бюракратычны рэжым у ПНР і ў БССР аднолькавы. Насельніцтва БССР

таксама, практычна, не інфармаванае пра жыцьцё беларусаў у Польшчы на Беласточчыне. Да 1987 г., фактычна, нельга было выпісаць беларускую “Ніву”, і да сёньняшняга дня яна не прадаецца ў кіёсках БССР, хоць “Трыбуну люду” і іншыя газэты ПНР можна набыць – калі ласка, у Менску ляжаць.

Падлікаў колькасьці няпольскага насельніцтва ў ПНР таксама, аказваецца, ніхто не рабіў. З горам папалам палічылі самы сябе, і, паводле прыблізных зьвестак, выходзіць, што беларусаў на Беласточчыне 300 тысяч, столькі сама ўкраінцаў у паўднёва-усходняй Польшчы і 10 тысяч летувісаў ля паўночна-усходняй мяжы. Беларускае і ўкраінскае насельніцтва ў Польшчы належыць пераважна да праваслаўнага веравызнаньня, летувісы – каталікі.

На пачатку 80-х гадоў, калі пачаліся трагічныя падзеі ў Польшчы, востра выявілася, што і беларусы, і ўкраінцы маюць свае грамака-нацыянальныя патрэбы і дамаганьні, якія нельга ігнараваць бяз шкоды грамадзтву. Але прайшло амаль сем гадоў, пакуль па ініцыятыве польскіх ксяндзоў адбыліся першыя слуханьні і сустрэча прадстаўнікоў нацыянальнасьцяў Польшчы.

Найбольш актыўнымі на сімпозіўме былі ўкраінцы. Большасьць дакладаў прачытана па польска-ўкраінскай тэматыцы. Беларусы выступілі з трыма дакладамі. Зь іх прэса адзначыла вострае, аргументаванае выступленьне Сакрата Яновіча, які паведаміў, што беластоцкія беларусы падвяргаюцца асіміляцыйнаму націску з боку ўлад, гіне іх нацыянальная культура, асабовасьць, мова, самабытнасьць. С. Яновіч прывёў шматлікія факты мэтанакіраванага перайменаваньня назваў беларускіх вёсак на польскі лад, сьвядомага зьнішчэньня мясцовых тапаграфічных найменьняў.

Аналагічную чорную справу твораць улады ў БССР, дзе ў 1960-1970-х гадах былі перайменаваныя сотні вёсак, мястэчак і гарадоў на расійскі манер (назвы, тыпу “Ромашки”, “Радужная”, “Сирень”, “Сиреневка”, “Октябрь” і да т. п.). Тое самае на сваю карысьць цішком робяць зь беларускімі вёскамі і летувісы на Віленшчыне.

Сімпозіўм, практычна, не прышоў да нейкага акрэсьленага выніку. Задача яго – пазнаёміць з праблемамі народаў-суседзяў, – відаць, была ўсё ж вырашана станоўча. Першым крок насустрач адзін аднаму зроблены. Прытым зроблены ён не па ініцыятыве і не пад кантролем польскіх улад і партыйных бюракратаў.

(З газэт)

Стэрэатыпы

Польская газэта “Тыгоднік повшэхны” (3.01.1988) зьмясьціла інфармацыю з сімпозіўма нацыянальнасьцяў у Лодзі. У некаторых дакладах былі акрэсьленыя стэрэатыпы ўспрыйманьня іншых народаў “сярэднім палякам”. Аказваецца, што вобраз “украінца-гайдамака з нажом у зубах” яшчэ жыве ў сьвядомасьці насельніцтва Польшчы. Такой жа архаічнасьцю вее і ад стэрэатыпа “беларуса”: “спакойны, флегматычны, ціхі, занадта добры, не прыстасаваны да цяжкага сьвету барацьбы”. А мо’яно так і ёсьць? Мо’ той і гіне “ціха”, хто не змагаецца за дабро?

Паўстаньне і рэлігія

Памяць пра паўстанцаў 1863 г. болем адгукаецца ў душы кожнага, каму дадзена спасьцігнуць усю трагічнасьць іх лёсу. Трагізм іх жыцьця ня толькі ў тым, што яны, усьведамляючы наканаванасьць паражэньня, ішлі на сьмерць, ня толькі ў жорсткай расправе, якую ўчынілі над імі вялікадзяржаўныя ўлады. Трагізм у тым, што потым урады розных колераў намагаліся выкрэсьліць з памяці беларусаў калі не само паўстаньне, дык праўду пра яго.

Але да ўзьлёту духоўнасьці, самаахвярнасьці, веры ў Бога і Беларусь, што дасягнулі паўстанцы, ва ўсе часы імкнуліся людзі, не абыякавыя да лёсу Бацькаўшчыны. І таму дзяды перадавалі памяць пра 1863 год сваім унукам, і кожнае новае пакаленьне па-новаму асэнсоўвала шлях паўстанцаў да вышыняў Веры і Адданасьці.

Крокам да асэнсаваньня мінулага сталася выстава ў Менску, прысьвечаная 150-й гадавіне нараджэньня Кастуся Каліноўскага і 125-м угодкам паўстаньня, якая адбылася ў студзені-лютым гэтага году. Шмат было цікавых твораў, вартых асобнай гаворкі. Але тут хочацца закрануць адзін факт – неадлюстраваньне ў мастацкіх творах удзелу ў паўстаньні беларускага сьвятарства. Як можна пазбыцца імёнаў сьвятароў, якія склалі свае галовы на ахвярнік Бацькаўшчыны ў 1863 г.:

Кс. Станіслаў Іжора, вікары з Жалудка, расстраляны ў Вільні 3 чэрвеня 1863 г.

Кс. Адам Фалькоўскі, пробашч парафіі Яшун, расстраляны ў Лідзе 22 чэрвеня 1863 г.

Кс. Ісідор Парэйка, вікары з Мусятаў, расстраляны ў Тэльшах 10 ліпеня 1863 г.

Кс. Ігнат Рузго, расстраляны ў Дынабургу 28 чэрвеня 1863 г.

Кс. Фэлікс Юшкевіч, пробашч парафіі Зэльняны, павешаны ў Тэльшах 10 ліпеня 1863 г.

Кс. Тафіль Качкоўскі, вікары Новамейскі, расстраляны ў Коўне 24 жніўня 1863 г.

Кс. Антон Мацкевіч з Тэльшаўскага біскупства, павешаны ў Коўне 28 сьнежня 1863 г.

І шмат іншых, што загінулі або былі высланыя ў Сібір.

Яны хавалі зброю, даглядалі параненых, дапамагалі грашовымі сродкамі, але самае галоўнае – яны натхнялі паўстанцаў на змаганьне з царскім уціскам, былі правадырамі барацьбы за духоўнае аднаўленьне Беларусі. Але трэба ведаць, што да 1839 г. абсалютную большасьць хрысьціянскага насельніцтва Беларусі (звыш 80%) складалі ўніяты. Праваслаўных тады было ня болей за 5%, астатнія – каталікі і людзі іншых веравызнаньняў. Уніяцтва сталася да таго часу, фактычна, агульнабеларускай рэлігіяй. Уніяцкая царква падпарадкоўвалася Рыму, паслугоўвалася беларускай мовай і скарыстоўвала грэцкія абрады. З 1839 г., калі царызм пачаў рашуча зьнішчаць Унію і гвалтам пераводзіць народ у праваслаўе, вельмі шмат людзей, ня хочучы падпарадкоўвацца цару, перайшлі ў каталіцызм. Варожыя сілы падзялілі Беларусь на дзьве паловы. Але памяць пра Унію ў 1863 г. яшчэ жыла ў народзе.

Якраз пра гэта, пра вяртаньне ўніяцкай веры і храмаў піша Кастусь Каліноўскі ў “Мужыцкай праўдзе”: “Нарабіў нам гэтага ліха, дзяцюкі, цар маскоўскі, ... адабраў ад нас нашу справядлівую ўніяцкую царкву і пагубіў нас перад Богам навекі; а зрабіў гэта дзеля таго, каб мог нас без канца драці, а Бог справядлівы ня меў зьлітаваньня над намі.” (“Мужыцкая праўда”, №6). Уцякаючы ў каталіцтва, беларускі селянін супраціўляўся такім чынам царызму.

І таму, забіваючы паўстаньне, Мураўёў са сваімі паслугачамі перш за ўсё нішчыў самую яго душу – лучнасьць паўстанцаў з імем Божым. І пачалося пасьля 1863 г. гвалтоўнае зачыненьне або нават руйнаваньне касьцёлаў. У канцы XIX ст. былі зачыненыя дзясяткі храмаў, і сярод іх у 1864 годзе Дамініканскі кляштар і касьцёл у Троках, Францішканскі кляштар і касьцёл у Вільні, Бернардынскі кляштар у Слоніме, Кармеліцкі касьцёл у Глыбокім і інш. У 1865 г. зачынілі касьцёл у Шчучыне, касьцёл у Пружанах, Дамініканскі касьцёл у Гародні і інш.

Гэткая ж палітыка працягвалася і ў XX ст. – падчас разгулу ваяўнічага атэізму ў 30-я гады і ў часы бюракратычнае барацьбы са спадчынай беларускага народа ў 50-80-я гады.

І таму зараз дзеля ўратаваньня нашых сьвятыняў так неабходна зьвярнуцца да сваіх каранёў, да гісторыі нашых бажніц, сьвятарства і рэлігіі. Перад мастакамі, кампазітарамі, гісторыкамі стаяць вялікія задачы. Нельга забываць, што наша культура, як і ўся эўрапейская культура, стаіць на глыбокім падмурку народа і Хрысьціянства.

Н. Н-ц

“Усе памром”

Некаторыя старыя беларускія савецкія паэты, якія ў часы Брэжнева ўслаўлялі ў юбілейных прамовах “вялікія зьдзяйсьненьні” партыі і “разьвітога сацыялізму”, цяпер, калі дазволілі азірнуцца, кідаюцца ў роспач і песімізм, назіраючы трагедыю разбурэньня народа, мовы, Бацькаўшчыны і культуры. Пімен Панчанка, напрыклад, надрукаваў у “ЛІМе” (26.02.88) верш “Разьвітаньне”, дзе плача над тым, што “наш цягнік адышоў. Зьнікла мова ў народзе” і заканчвае такім сьлёзным усхліпам над труною: “Родны Янка Купала, Вы пісалі: “Я веру, настане...” Дарагі мой Іван Дамінікавіч, не, не настане! Гэта ўжо не сьвітаньне, гэта наша настала зьмяркаьне, гэта з мовай маёй, гэта зь песьняй маёй разьвітаньне”. Засталося толькі легчы, скласьці ручкі і памерці. Такія вершыкі ў цяперашнім нашым крытычным стане, напісаныя старым чалавекам, гавораць пра яго глыбокія пачуцьці і перажываньні, але ня сьведчаць аб мудрасьці. А гэта дрэнна, бо да Пімена Панчанкі шмат хто з маладых ставіцца з належнай пашанай, чакае разумных думак, вытрымкі і цьвёрдасьці.

Што ж, калі так, то можна параіць старому паэту перачытаць свае творы і выступленьні з 70-х гадоў, дзе ён гэтак шчыра і аддана ўслаўляў тыя “вялікія заваёвы”, у выніку якіх цяпер плача. Вось над чым трэба паплакаць нашым паэтам і, дарэчы, пакаяцца, а не разводзіць сырасьць пад жалобную музыку.

Жыве Беларусь і будзе жыць! За Бацькаўшчыну трэба змагацца, а не размазваць сьлёзы. Змагацца і верыць, якой бы суровай ні была рэчаіснасьць, якім бы паганым ні быў вораг. Відаць, жыцьцё нічаму не навучае бязбожнікаў. Некаторых нават сталінскія душагубкі не паправілі.

КУПАЛА І КАТАЛІЦЫЗМ

Геніяльны беларускі паэт Янка Купала нарадзіўся ў каталіцкай сям’і і выхоўваўся ў каталіцкай хаце. Бацькі ягоныя: Дамінік Анупрыевіч Луцэвіч і Бянігна Янаўна Луцэвіч з роду Валасевічаў, паходзілі зь беларускай шляхты і цьвёрда трымаліся бацькоўскай каталіцкай веры. Маленькага Яся хрысьцілі ў Радашковіцкім касьцёле (на жаль, там няма ніякай пазнакі аб гэтым). Уражлівая душа хлопчыка ня раз, мусіць, замірала ад радасьці пры гуках касьцельнага аргану і сьпеваў. Яны абуджалі ягоную фантазію, любоў да прыгожага, спрыялі гарманічнаму, паэтычнаму ўспрыняцьцю сьвету. Жывучы ў Пецярбурзе ў 10-х гадах нашага стагоддзя, Купала сябраваў зь беларусамі – навучэнцамі Пецярбургскай каталіцкай акадэміі, якія выношвалі думкі несьці слова народу ў яго роднай мове. Купала чытаў і вельмі цікавіўся першай беларускай каталіцкай газэтай “Беларус”. Ён быў глыбока перакананы ў карыцьці каталіцкага друку ў беларускай мове. Перапісваючыся з Эпімах-Шыпілам, выкладчыкам Пецярбургскай каталіцкай духоўнай акадэміі, Купала прасіў:

“Будзьце ласкавы, купляйце для мяне і перасылайце “Беларуса”.

Адным зь лепшых сяброў Купалы быў ксёндз Астрамовіч, які пісаў вершы пад псеўданімам Андрэй Зязюля. Зноў у лісьце да Б. Эпімах-Шыпілы з Акопаў, што на Лагойшчыне, у чэрвені 1912 г. Купала паведамляў: “На днях маюся зьезьдзіць да кс. Астрамовіча, а стуль, пагасьціўшы трохі дома, усё-такі пастараюся быць у Вільні”.

У 1920 г. беларускі ксёндз Абрантовіч, адзін з лідэраў Беларускай Хрысьціянскай Дэмакратыі, даглядаў Купалу, дзяжурыў начамі каля яго ложку ў часе цяжкай хваробы паэта. Пра гэта піша сам Купала: “На дабітку ўсяго, у 1920 г., у студзені, я захварэў страшнай хваробай: гнойнае запаленьне сьляпой кішкі. Праляжаў у бальніцы, змагаючыся з сьмерцю тры месяцы, і выйшаў з пакрыўленай губой і з надломленым зусім здароўем. Па праўдзе, пабываў на тым сьвеце. Толькі дзякуючы добрай апецы, асабліва ксяндзу – рэктару Менскай духоўнай семінарыі Абрантовічу, я не пайшоў да Абрагама на піва”.

Яшчэ перад гэтым, 23 студзеня 1916 г., далёка ад Беларусі ў Маскоўскім Петрапаўлаўскім касьцёле Янка Купала ўзяў шлюб з Уладзіслвай Станкевіч. Варункі жыцьця ў 20-30-х гадох не давалі магчымасьці Купалу праўдзіва адбіць свае адносіны з рэлігіяй.

У передрэвалюцыйнай ягонай творчасьці рэлігійныя матывы, стасункі простага чалавека і веры займалі вялікае мейсца. Купала ня раз падкрэсьліваў, што талент, які ён мае, гэта Божы дар: "Буду пець, бо мне дар гэты Богам пасланы". ("Адповедзь")

Дар гэты дадзены Богам, каб служыць людзям, беларускаму народу:

Я нясу вам дар
Братніх скіб і сяліб,
Шумных сосен і ліп
Божы дар, сэрца жар.

Паэт верыць у стварэньне нашага сьвету ад ласкі Божай:

Божа! Гэткі сьвет тут
Моц стварыла твая!
("Над сваёй Айчызнай")

Усяк ёй жылося
На сьвеце на Божым
("Бабулька, прадаўшчыца зёлак")

Купала адкрыта зьвяртаецца да Бога, калі размова заходзіць не пра асабістыя крыўды і згрызоты, а пра лёс, будучыню беларускага народу. Верш яго тады пераходзіць у шчырую малітву:

О, Божа праведны, Ты сілу
Сваю вялікую скажы:
Ня згінуць з Бацькаўшчыны мілай
Свайму слузе дапамажы.
Сашлі мне сьветлую падмогу
Астаткі сіл сваіх аддаць
І – не зрабіўшы брату злога –
Пад крыжам бацькавым сканаць.
("Прыстаў я жыць...")

Купала гатовы ўсяго сябе аддаць Богу, прысьвяціць сваё жыцьцё Ўсявышняй справядлівасьці, каб відзець свой край вольным і незалежным:

Я буду маліцца і сэрцам, і думамі,
Расьпятаю буду маліцца душой,
Каб чорныя долі зь мяцеліцаў шумамі
Ужо больш не шалелі над роднай зямлёй.
("Мая малітва")

Купала ўпэўнены ў духоўнай сіле адраджэньня беларускага народа. І само адраджэньне ён уяўляе як касьцельны гімн-малітву цэлай нацыі, якая пакуль што мае сіроцкую долю:

Мы роўную песьню б запелі.
Запелі б так шчыра, балесьне,
А гулка сіроцкая песьня

Па сьвеце нясецца з трывогай.
Мы пелі б, маліліся сьмела,
Каб наша малітва ўзьляцела
Аж там, аж пад неба, да Бога!
(“З сіроцкай долі”)

Надзвычай важнае значэньне для беларусаў мела першае друкаванае перыядычнае слова, бо гэта быў вялікі пачатак вялікай справы адраджэньня народа. Купала, прысьвяціўшы верш “Нашай долі”, надае гэтаму факту момант сьвятасьці, Боскасьці:

Прывітайма “Долю”.
Як анёла Бога зь неба,
Як сьвятую волю!
(“Нашай Долі”)

Зямлю, на якой працавалі сяляне, Купала разумеў у народнай традыцыі, як Божы дар:

“Поле маё, поле!
Ты мне дарам Божым...”
(“Поле”)

Згодна зь эвангельскімі прынцыпамі сацыяльнай справядлівасьці, Купала не стамляецца нагадаць пра тое, што зямлю сялянам даў не чыноўнік альбо пан, але Бог, і сяляне маюць на яе вышэйшыя за любыя людзкія – Боскія правы:

Што ты сьпіш, што ты сьпіш,
Беларускі мужык?
Глянь! Усталі ўсе,
Як сьвет Божы вялік!
...Няхай зьнімуць зь цябе
Чынш, падаткі, налог,
Бо бясплатна для нас
Даў зямлю гэту Бог!
(“Што ты сьпіш?..”)

Хоць нам гэту зямлю-матку
Бог бясплатна даруваў
І плаціць чыншоў, падаткаў
За яе нам не казаў...
(“Ах, ці доўга...”)

Купала, апісваючы працу сялян у полі, паказвае зьнітаванасьць такога адказнага моманту ў сялянскім жыцьці, як сяўба, з Боскай апекай, бо ўсё жывое на гэтым сьвеце ад Бога:

Тут кожны, сяўца хто пабача,
Стары ці малады, ці кабета,
– Радзі, памажы, Божа! – кажа,
А лёгка ж на сэрцы чуць гэта!
– Радзі, памажы, Божа! – скажам
І мы сяўцам усякага роду.
А з зерня, што добрага севу,
Зьбяруць яны й добру ўроду.
(“Сявец”)

Высыпе гэты на поле народ
І сеяць будзе сьвянцонае збожжа...
Добры ураджай, спорны ўмалот
Працавітым людзям пашлі, Божа!
(“Перад вясной”)

Як і ўсе рамантыкі па натуры, Купала надзвычай тонка адчуў сувязь душы з Усявышнім. Ён любіў Бога, і любоў гэта была няпростай і балючай. Яна адмятала недахопы касьцёла зямнога і, бывала, абвальвалася з выкрыцьцём, ды гэта быў гнеў, народжаны любоўю, бо ніколі ў Купалы не было чысьцейшага і вышэйшага, чым любоў да Бога. Вуснамі нашага генія з намі размаўляе Ўсявышні. Ён заклікае нас любіць адзін аднаго, свой край, народ, мову, Беларусь. Ён заклікае ні на хвіліну не забывацца пра чалавечую, адрозную ад жывёльнага сьвету, сутнасьць. Дык будзем любіць і ўхваляць Бога, якога не цураліся, якому служылі лепшыя сыны нашага народу!

Кіневіч

ХРЫСТОС ВАСКРОС!

Як Беларусь, ушыр, далёка,
Плыве зь зямлі аж да нябёс,
Бы хваля горнага патоку
Вясёлы сьпеў: “Хрыстос Васкрос!”

“Хрыстос васкрос!” – іграюць звоны
Па нашых тысячных царквох,
І сэрцаў нашых міліёны
Уторыць ім па ўсіх мястох.

Хрыстос Васкрос, як пах кадзіла,
Як той нябесны фіміям,
Людзкое сэрца напаўняе
І радасьць усім нясе людзям.

“Хрыстос Васкрос!” – зьвініць паветра,
Плыве па горах і палях,
Чуваці сьпеў у шуме ветру,
Пяе пра тое ў небе птах.

Бацькі дзяцей віншуюць гэтак,
А дзеці зноў бацькоў сваіх –
“Хрыстос Васкрос!” – у словах гэтых
Жыве любоў, надзея іх.

“Хрыстос Васкрос!” – У раю дзьверы
Для ўсіх народаў адчыніў.
Злучыся, мой народзе, у веры,
Каб нас Хрыстос благаславіў.

У. Б-ч

Уваскрашэне нацыі!

Цярпеньне, сьмерць і Уваскрашэньне Хрыстова ёсьць ня толькі гістарычным фактам, але і сімвалам сутнасьці і сэнсу для сусьветнае гісторыі. Яны сімвалізуюць змаганьне дабра са злом. Зь якімі маленькімі сіламі даводзіцца часам дабру выступаць супраць зла, а ўсё ж урэшце, насуперак наяўнасьці фізічных магчымасьцяў, насуперак усялякім матэрыялістычным разьлікам, дабро заўсёды перамагае! Ці даўно апошнім разам у 60-х гадах хавалі нашу мову, даючы ёй на дажываньне ня болей, як 20 гадоў. І што ж? Тэрмін прайшоў, а мова жыве. І будзе жыць!

Хараство і веліч, ідэі дабра ўзмацняюць шэрагі нешматлікіх на пачатку ягоных носьбітаў, якія запаляюць і цягнуць нарэшце за сабою народныя масы.

Для нас, беларусаў, Зьмёртвыхустаньне (Уваскрасеньне) Езуса Хрыстуса сімвалізуе сабою змаганьне нашага народу за сваё шчасьце і нацыянальную справядлівасьць. За сваю волю, нацыянальную культуру, звычаі ён вядзе ўпартую барацьбу ўжо з даўніх часоў. Было, што часова перамагалі варожыя сілы, і гінулі лепшыя змагары, але ідэя нацыянальнай вечнасьці заставалася заўсёды жывой. І таму Вялікдзень ёсьць для нас штогадовым напамінам адвечнага жыцьцёвага закону, што дабро заўсёды перамагае, а зло, раней ці пазьней, гіне. Праўда на зямлі пераможа, і ніхто ня мае моцы ёй у гэтым перашкодзіць!

Сьвятар і паэт

Казімір Сваяк (Кастусь Стэповіч) беларускі паэт і ксёндз нарадзіўся ў вёсцы Барані Сьвянцянскага павету 10 лістапада 1890 года ў сям'і сялянаў. Да гадоў дзесяці, г. зн. да сканчэньня пачатковай школы, прайшоў малады лірнік усе беды і журбы сялянскага дзіцяці. Вялікі ўплыў на яго разьвіцьцё зрабілі бабуліны казкі, якія прышлі і супакойвалі душу будучага беларускага песьняра. Бацькі аддаюць малога Кастуся ў навуку, і ў 1905 годзе ён скончыў школу ў Сьвянцянах.

З маленства Кастусь чуў у сабе покліч да духоўнага стану. Духоўнае жыцьцё выдавалася яму найбольш адпаведным, і ён апынуўся ў духоўнай семінарыі ў Вільні. Там ён, чытаючы “Нашу Ніву”, захапіўся беларускім адраджэнскім рухам. У гэтым часе даслаў Сваяк у рэдакцыю віленскай газэты “Беларус” першыя свае вершы і распачаў працу па разьвіцьці беларускае нацыянальнае сьвядомасьці. Увесну 1915 года ён быў пасьвечаны на ксяндза ў Петраградзе. Першыя крокі пастырскай працы Сваяка былі ў Камаях Сьвянцянскага павету. Неўзабаве за нямецкай акупацыяй ён пераехаў у сваю родную парафію ў Клюшчаны , дзе прабыў год і дзе ня мала палажыў працы сярод моладзі, арганізуючы і ўзгадоўваючы яе як з боку рэлігійна-маральнага, так і беларускага нацыянальнага. У хуткім часе духоўныя ўлады прызначаюць Сваяка вікарым у Карыцін (Горадзеншчына), дзе ён прабыў да вясны 1918 года. Увосень1920 года Сваяк прызначаны на пробашча ў Засьвір. Ужо тады ён моцна хварэў на сухоты. У гэтым самым часе давялося яму перанесьці нямала прыкрасьці і трывогі ад адміністрацыйных уладаў. Канец 1925 і пачатак 1926 гадоў Сваяк прабыў у Закапаным. Але здароўе ягонае было зруйнаванае дарэшты. У астатніх сваіх лістах да ксяндза Адама Станкевіча ён казаў, каб “сярод сваіх мог дажыць кароткі свой дзянёк” і каб на ім “не было дзярмо чужое”.

6 траўня 1926 года, як сьвечка на аўтары мук і цярпеньня, згас ксёндз Кастусь Стэповіч, пясьняр беларускі, у творах сваіх вядомы пад прозьвішчам Казімір Сваяк. Пахаваны ён у Вільні на могілках Росы. К. Сваяк быў вельмі таленавіты, адметны і цікавы паэт і філосаф, але з прычыны свайго сьвятарства ня мае прызнаньня ў сёньняшняй афіцыйнай крытыцы і літаратуразнаўстве. Ягоныя вершы нідзе не друкуюцца, бо тады як жа з міфам пра ксяндзоў-невукаў. Не стае сумленьня і сьмеласьці сказаць, што сярод іх былі самыя

лепшыя і адукаваныя сыны Беларусі, якія за свой народ, за Бацькаўшчыну былі гатовыя аддаць жыцьцё.

Казімір Сваяк пакінуў па сабе некалькі кніжак. Лірычная споведзь-гісторыя свайго жыцьця – “Дзея маёй мысьлі, сэрца і волі” – выйшла ўжо пасьля яго сьмерці ў 1932 годзе ў Вільні ў выдаведзтве “Хрысьціянская думка”. Ксёндз Кастусь Стэповіч перакладаў таксама рэлігійныя творы і пацеры на беларускую мову з лацінкі. Такім чынам двойчы выйшла (апошні раз у 1934 годзе ў Беларускім каталіцкім выдаведзтве ў Вільні) кніжка для набажэнства беларусаў-каталікоў “Голас Душы”.

Друкуем два вершыкі Казіміра Сваяка:

БРАТУ НАСТАЎНІКУ

Ці ў долі, ці ў няволі,
Не гаруй, брат, аніколі:
Даў Бог хлеба, дасьць і неба,
Дасьць усеньня, чаго трэба.
Не сумуй, хоць льюцца сьлёзы,
Будзь і сьмелы, і цьвярозы;
Вер, што Беларусь устане,
Зьгіне хітрых панаваньне.
Духам глянь кругом – наўкола:
Закрасуе наша школа;
Роднай мовай, родным чынам
Ажывець наш бедачына.

ГІМН РОДНАЙ ЗЯМЛІ

Зямліца прошласьці ціхой,
Крывавай сьпісана рукой,
Айчына-Маці-Беларусь,
Цяжкі лёс твой.

Паклон з трудом Тваёй дружбе,
Паклон за волю барацьбе,
Айчына-Маці-Беларусь,
Паклон Табе.

Жалобна плача песьнь Твая
І Бога моліць сьлёзная,
Айчына-Маці-Беларусь,
Ты родная.

Ідзе вось ясная пара,
Праўду сьвеціць нам зара,
Айчына-Маці-Беларусь,
Гарой, Жыва!

У 1990 годзе споўніцца 100 гадоў з дня нараджэньня Кастуся Стэповіча, нашага слаўнага паэта і сьвятара.

Мікола К-ч

ФАРА ВІТАЎТА

З найстаражытнейшых бажніц у Гародні лічыцца касьцёл Найсьвяцейшай Марыі Панны – Маткі Боскай, або Фара Вітаўта. Уфундаваны ён быў у канцы XIV стагоддзя (1392 г.) вялікім князем Вітаўтам і знаходзіўся на зьбегу вуліцы Замкавай і пляцу Баторага. Каралева Бона ў 1551 годзе касьцёл той грунтоўна аднавіла і перабудавала ў стылі позьняй готыкі. Пазьней бажніца была моцна пашкоджана пажарам пры Станіславе Аўгусьце (1792 г.) і ў выніку перабудовы набыла некаторыя рысы неакласіцызму (эпохі Станіслава Аўгуста). Пасьля апошняга пажару (1892 г.) фара была цалкам перабудавана ў стылі расейскага праваслаўя, што вельмі зьніжала яе архітэктурныя вартасьці. У руках праваслаўнага духавенства яна знаходзілася да 1910 года. У 1922 годзе, калі Гародня ўваходзіла ў склад Польшчы, распачалася рэстаўрацыйная праца па ўзнаўленьні касьцёла. І трэба зазначыць, што па заканчэньні рэстаўрацыі ён зноў набыў свой пачатковы выгляд. З 1925 па 1939 гады быў дзейны.

Падчас Другой Сусьветнай вайны касьцёл ня быў пашкоджаны. Але ў 1966 годзе яго ўзарвалі. Зараз на тым месцы – пустэча. А гэта ж быў найстаражытнейшы касьцёл па ўсёй Беларусі. З фарай Вітаўта зьвязана шмат цікавых паданьняў і легендаў. Сюды сьв. Казімір, падчас свайго знаходжаньня ў Гародні, позьняй ноччу выходзіў босы на малітву. А калі дзьверы касьцёла былі замкнёныя, тады ён кленчыў і цалаваў прыступкі, парог і касьцельныя дзьверы.

У змаганьні з рэлігіяй бязбожнікамі была зьнішчана адна з нацыянальных сьвятыняў беларусаў. Ды ўсё бачыць вока Госпадняе, і зло не застанецца непакаранае.

(Погляд)

Фарны касьцёл Вітаўта. Передваеннае фота

СЬВЯТЫ КАЗІМІР-КАРАЛЕВІЧ ВЫЗНАЎЦА

Людзі, каторыя самі ня вераць у Бога і стараюцца шырыць сваё недаверства сярод іншых, насамперад кажуць, што Бога людзі духоўныя выдумалі, што калі чалавек хоча быць вучоным, разумным, сучасным, то павінны перш-наперш адрачыся і Бога, і ўсяго, што зь верай у яго злучана.

Такі погляд у іх зусім фальшывы. Сярод каталіцкіх сьвятых ёсьць шмат вучоных і разумных, як ні адзін з самазваных мудрацоў-недаверкаў.

За прыкладам сьвятых павінны ісьці і мы ўсе, бо ў сьвятых усе роўныя, і побач з папамі, біскупамі, каралямі, вучонымі – бачым у каталіцкім касьцёле і людзей простых, як сьвятая Зіта або сьвяты Ісідор.

Дык хаця ўсе сьвятыя заахвочваюць нас да насьледаваньня іх цнотаў, усё ж бліжэйшымі да нас павінны быць тыя, хто жыў некалі між нас, на нашай зямлі. Такім сьвятым нашым ёсьць сьвяты каралевіч Казімір; кажу “нашым”, бо жыў з нашымі прадзедамі, успамінаў, любіў наш беларускі народ, маліўся за яго ды лічыцца патронам нашага краю.

Нарадзіўся сьвяты Казімір на Вавелю ў каралеўскім замку, сын караля польскага і вялікага князя беларуска-літоўскага Казіміра IV, у 1498 годзе. Большую частку жыцьця свайго правёў у Вільні – даўняй сталіцы Беларусі, – ды ў Гародні. Гадаваны сваёй набожнай маткай у сьвятой каталіцкай веры, сьвяты Каралевіч змалку залюбаваў усё паважнае, усё, што гаварыла пра Бога, пра жыцьцё вечнае.

Падросшы, пазнаўшы навуку людзкую ды навуку Божую, пераканаўся ў марнасьці славы, каралеўскіх гонараў. Маладым і нявінным сваім сэрцам і душой – зьвярнуўся суцэльна да Бога, да Маці Божай, бо толькі ў злучнасьці зь імі бачыў мэту свайго земскага жыцьця. Адкінуў каралеўскае дагаджаньне сабе, спаў на цьвёрдай зямлі, насіў грубую кашулю з конскіх валасоў ды заўсёды пасьціў, аддаючы сваю яду бедным, а да ўсяго гэтага яшчэ вельмі маліўся; маліўся ня толькі ўдзень, маючы вольныя ад працы часіны, але і ўначы, лежачы крыжам перад замкнёнымі дзьвярыма бажніцы.

Малітва была першай і найвялікшай яго цнотай. Другой вялікай зоркай у яго духоўнай сьвятой кароне была ахвярнасьць. Не было чалавека, якому б сьвяты Казімір не ўспамог; было, што раздаўшы ўсё, аддаваў беднаму і свой каралеўскі плашч, мяняючы яго на жабрацкую сярмягу.

Трэцьцяю вялікаю цнотаю сьвятога Казіміра была чысьціня душы. Хочучы быць мілым Найсьвяцейшай Марыі-Дзеве, шлюбаваў ён, што ніколі не падумае, не скажа, ня зробіць нічога брыдкага і – чыстым і нявінным пражыў аж да самай сьмерці. “Лепей сьмерць, чым грэх!” – адказваў тым, што намаўлялі яго да злога.

Ясьнеючы гэтымі ды іншымі цнотамі, сьвяты Казімір памёр 4.III. 1484 г., пахаваны ў Вільні ў Катэдральным касьцёле сьв. Станіслава. Да ліку сьвятых залічаны быў папам Ляонам X-м у 1521 г.

Так скончылася жыцьцё яго зямное і пачалося вечнае.

Вялікага патрона ды апекуна Беларусі маем у небе, дык памятайма пра гэта заўсёды.

(З надрукаванага)

Сьвяты мучанік
Мэркуры Смаленскі

Асоба сьвятога мучаніка Мэркурыя Смаленскага ёсьць найбольш загадкавую з усіх беларускіх і агулам усіх славянскіх сьвятых. Справа ў тым, што не захавалася ягонага жыцьцяпісу, але ў Смаленску бытавалі аб ім вусныя пераказы, якія зь цягам часу дапаўняліся фантастычнымі ўпрыгожваньнямі. І на аснове тых ужо далёкіх гістарычнае праўды пераказаў дзесь на пачатку XVI-га і ў XVII-м стагоддзях напісана дзьве легенды,

якія ў далейшым атрымалі розныя пераапрацоўкі і дайшлі да нашых часоў у пяці даволі розных рэдакцыях і ў 37 сьпісках. Гэта знак, што асоба сьвятога была папулярнаю.

Сваею арыгінальнасьцю легэнды зацікавілі ў палавіне мінулага стагоддзя некаторых гісторыкаў, і яны стараліся шляхам прыраўнаньняў зь іншымі дакумантамі і рознымі дагадкамі ўстанавіць гістарычную аснову легенды. Пачын у гэтым кірунку даў Буслаеў (Буслаевъ О. И. Смоленская легенда о св. Меркуріи. Москва, 1859), выклікаючы гэтаю працаю шырокі розгалас у кругох дасьледнікаў старадаўнае гісторыі.

А на пачатку гэтага стагоддзя гісторыкі зноў загаварылі аб св. Мэркурыю. Яму шмат увагі прысьвяціў у сваіх досьледах Каллубоўскі (А. Каллубовскій. Очеркі поісторіі древне-русской литературы житій святыхъ. Варшава, 1902). На жаль, ён дайшоў да высноўку, што ”Мэркуры Смаленскі хутчэй зьяўляецца героем літаратурнае легенды, чым гістарычнаю асобаю”. (с. 74).

Такі высновак адносна асобы, якое сьвятыя астанкі захоўваліся ў Смаленску за 1611 г. і якая была ўпісана ў сьпіскі сьвятых Праваслаўнае Царквы – быў паважным выклікам для царкоўных гісторыкаў. Аднак адказ на той выклік выявіўся няскора і меў шмат слабых мейсцаў. Гэта была спроба ачысьціць гістарычную праўду адносна сьв. Мэркурыя ад легендарных дадаткаў. (П. Минделеевъ. Повесть о Меркуріи Смоленскомъ и былевой эпосъ. ”Сборникъ статей Д. А. Корсакова”. Казань, 1913). На жаль, гэтая спроба зроблена вельмі адвольна і часам зусім неабгрунтавана. Магчыма, што якраз гэтая неабгрунтаванасьць выклікала Беляева напісаць вялікую рэцэнзію, у якой падаў дакладную гісторыю ўсіх ведамых рэдакцыяў і сьпіскаў мэркурыявых легендаў (Бъленкій Л. Т. Къ литературной исторіи повести о Меркуріи Смоленскомъ. ”Журн. Мин. Нар. Просв.”, 1914. Нр.12). Пры гэтай нагодзе варта заўважыць, што ў савецкіх часох, у 1922 г., Бялецкі вярнуўся зноў да гэтае ж тэмы.

Ня будзем пералічаць далейшых дасьледных і дыскусійных артыкулаў на гэтую тэму, бо, на жаль, яны ня ўнесьлі амаль нічога новага адносна асобы Сьвятога, а займаліся перадусім літаратурнымі крыніцамі легенды.

Вось-жа, маючы перад сабой такія цяжкасьці, якія да гэтага часу дарэмна стараліся развязаць дасьледнікі старадаўняга мінулага Царквы, цяжка напісаць больш-менш ясны жыцьцяпіс сьв. Мэркурыя. Аднак, паколькі ягоная асоба ёсьць такою вынятковаю, варта зь ёю зазнаёміцца бліжэй хоць бы з тых лягендаў, якія аб ёй створаны. У асноўным будзем трымацца легенды, запісанае ў Чэты-Мінэях (”Великія Минеи Четьи, собранные всерос. митр. Макаріем”. Москва, 1910, Ноябрь. С. 3297-3306).

* * *

Радзіўся Мэркуры ў Італіі прыблізна на пачатку XIII ст., праўдападобна, у самым Рыме ў сям’і, блізкай да правячых кругоў, зразумела, – каталіцкай. У некаторых сьпісках выразна кажэцца, што “родам быў рымлянін”. Аб ягонай асобе гаворыцца ўсяго, што ён быў адважны і высокага росту. Зь невядомых прычынаў ён у юнацкім веку прыйшоў у Смаленск і прыстаў да князя на жаўнерскую службу. Зусім магчыма, што ён ужо ў Рыме быў жаўнерам, бо-ж тады быў час крыжовых паходаў. На службе азначаўся акуратным выкананьнем усіх сваіх абавязкаў і шчыраю пабожнасьцю. Ня раз ён маліўся да позьняе ночы. Захоўваў цялесную чыстасьць. У ягонай пабожнасьці паважнае мейсца займала Прэсьвятая Дзева Марыя, якое цудатворная ікона Смаленскае Годзігітрыі (вельмі падобная на славутае рымскае іконы “Салюс Пополі Романі”), прыцягвала шматлікіх малельнікаў у катэдральны сабор.

Калі татарскі хан Батый, заняўшы і моцна спляжыўшы Кіеў і Маскву, накіраваўся на Смаленск – так кажацца ва ўсіх легендах – плянуючы напасьці на яго тайна, дык смаленцы зьвярнуліся з малітвамі да свае нябеснае заступніцы. Мэркуры ня менш за смаленцаў перажываў долю краю і шчыра маліўся да Господняга Крыжа за мір.

Бог паслухаў шчырыя малітвы і паслаў збаўленьне для гораду праз заступніцтва Багародзіцы. Яна прамовіла ў саборы ад свае цудатворнае іконы да панамара, ці, інакш кажучы, да царкоўнага старасты: “Ідзі хутка на Падольле да майго раба Мэркурыя – і двор, сказала яму – ды перакажы яму, што яго кліча Гаспажа ў ва ўсім ваенным азбраеньні”. Хоць гэта была позьняя ноч, царкоўны стараста зара-жа пайшоў у азначаную Багародзіцаю часьць гораду, знайшоў Мэркурыя: ён, укленчыўшы на двары, маліўся з узьнятымі да неба рукамі, і пераказаў яму загад Багародзіцы. У гэтым мейсцы легенды маюць паважныя разьбежнасьці, бо ў адных гаворыцца так, як пераказана тут, а ў іншых дадаецца, што Мэркурыю быў аб’яўлены загад Багародзіцы ўжо перад тым, як прыйшоў да яго царкоўны стараста, таму стараста засьпеў яго ўва ўсім ваенным узбраеньні. Але ў такім выпадку невядома, нашто было патрэбнае тое пасольства царкоўнага старасты.

Далей гаворыцца ўва ўсіх легендах, што яны абодва прыйшлі ў царкву і там убачылі перад іконаю запаленую сьвечку. Мэркуры кінуўся на калені і маліўся перад іконаю шчыра, да сьлёз. Праз колькі хвілін пачуўся голас Багародзіцы ад сьвятое іконы. Яна пасылала Мэркурыя супраць татараў, дакладна азначала мейсца, куды ён павінен ісьці – Доўгі Мост (сёньня вёска Даўгамосьце), абяцала яму сваю дапамогу і ў канцы мучаніцкую карону. Наогул, у гэтым мейсцы легенды робяць з Багародзіцы вельмі-ж гаваркую кабету і адносна татараў даволі сварлівую.

Мэркуры выконвае загад Багародзіцы. Ён адразу выбіраецца ў дарогу. Паводле адных легендаў, ён ідзе, паводле другіх – едзе да Доўгамосьця (гэта якіх 20 км ад Смаленску), там яшчэ раз зьвярнуўся да Багародзіцы з кароткаю малітваю і накіраваўся ў татарскі лягер. Незаўважна прайшоў вайсковыя старожы, забіў велікана, што наводзіў на ўсіх страх сваею сілаю і жэрстокасьцю, забіў так-жа шмат татарскіх начальнікаў і вярнуўся назад да Доўгамосьця, каб вымаліць сабе мучаніцкі вянок.

Калі на золку зары прачнуліся татары і ўбачылі забітага велікана і шматлікіх сваіх начальнікаў, кінуліся ў пагоню за невядомым ваякам. Мэркуры стрэнуў іх адважна ды так пасек, што яны ў перапалоху кінуліся наўцёкі. Толькі якісьці адзін люты татарын, а ў некаторых легендах – сын забітага велікана, у іншых дык гэта сам анёл – адсек галаву Мэркурыю.

Батый, убачыўшы вялікія страты ў сваім войску, ня меў адвагі наступаць на Смаленск і падаўся назад.

Тут зноў легенды на розны лад гавораць аб ролі царкоўнага старасты ў абвешчаньні перамогі.

* * *

Мэркурыя ўрачыста пахавалі ў саборнай царкве. Некаторыя арыгіналы дадаюць, што ён яшчэ цудоўным спосабам пераказаў праз царкоўнага старасту, каб над ягоным гробам павесілі ягонае аружжа, бо яно будзе на прышласьць служыць Смаленску цудоўнаю агарозаю ад ворагаў.

Ува ўсіх мэркурыевых легендах ёсьць шмат паэтычных дадаткаў і разьвіта вельмі моцна нацыянальнае самапачуцьцё.

Год сьмерці сьв. Мэркурыя прымаецца 1238, відаць, узяты зь летапісу як час нападу Батыя на Кіеў. А дзень сьмерці прымаецца той самы, у якім сьвяткуецца памяць вялікамучаніка Мэркурыя Касарэйскага (з III-га ст.) – 24 лістапада.

Акрамя тых супярэчнасьцяў у легендах, аб якіх ужо ўспаміналася прынагодна, яшчэ неабходна заўважыць, што ў іх ёсьць паважная супярэчнасьць гістарычным фактам. Гісторыя ня ведае паходу Батыя на Смаленск. Летапісы вельмі дакладна апісваюць паход Батыя, але зусім не ўспамінаюць аб тым, каб ён падыходзіў да Смаленску.

Мэркурыявы легенды створаны аж 300 гадоў пасьля сьмерці сьвятога, дык ня дзіва, што яны маюць шмат фантастычных дадаткаў. Асноваю да ўтварэньня легендаў, безумоўна,

мусіў служыць мяйсцовы вусны пераказ аб Мэркурыю, які меў зерне гістарычнай праўды, бо-ж доўгія стагоддзі былі ў вялікай пашане ягоныя мошчы ў Смаленску і яшчэ ў XVI-м ст. смаленцы ведалі “мейсца крыві”, дзе быў забіты Мэркуры.

Фармаваліся ягоныя легенды на аснове заходніх уплываў аб сьвятых, якія несьлі сваю адсечаную галаву (сьв. Дзяніс Пармскі і інш.), запазычаючы некаторыя падзеі з “жыцьця Аляксея чалавека Божага”, легенды аб Дыянісію Арэапагіце, а так-жа, бяручы шмат з усходніх легендаў: аб жыцьці і сьмерці вялікамучаніка Мэркурыя Кесарыйскага, які меў забіць Юліяна Адступніка із легенды аб забойстве Батыя – паколькі ўсе гэтыя легенды былі ведамыя ў Самаленску.

Ад калі пачалі лічыць Мяркурыя сьвятым, няма ніякіх вестак, бо не захавалася ніякага акту ў гэтай справе, ані нават ніякага ўспаміну, калі гэта адбылося. Саборы Праваслаўнае Царквы, якія займаліся справамі кананізацыі “рускіх сьвятых”, аб сьвятым Мэркурыю не ўспамінаюць. У сьвятцах ягонае імя зьяўляецца ў канцы XV ст.

Служба сьв. Мэркурыю мае аж сем вядомых сьпіскаў. Найстарэйшая служба напісана ў часе, калі смаленскім япіскапам быў Варсафоній (1508-1514) і вельмі праўдападобна, што гэта сам Варсафоній напісаў тую службу на аснове першых легендаў аб сьвятым.

Сьвятыя астанкі Мэркурыя мелі перахоўвацца ў смаленскім Аўраамавым манастыры, дзе ў ягонае імя была асьвечана царква. Праўда, часам ягоныя сьвятыя астанкі блыталі з астанкамі прэпадобнага Мэркурыя, так жа смаленскага сьвятога і з таго ж XIII ст., якія перахоўваліся ў Кіеве. Жалезны шалом і абутак сьв. Мэркурыя ад Першае Сусьветнай вайны перахоўваліся ў саборнай рызьніцы.

Вялікая колькасьць легендаў аб сьв. Мучаніку Мэркурыю вымоўна сьведчаць аб ягонай вялікай папулярнасьці ў народзе. Толькі патрэбна яшчэ уважлівых студыяў, каб асоба гэтага мучаніка зазьзяла ў поўным сьвятле, Богу на славу і людзтву на карысьць.

а. Л. Гарошка

(Перадрук з часопіса “Божым шляхам” з захаваньнем правапісу арыгінала.)

Рэльефны абразок “Сьвятая Эўфрасіньня”, Зроблены за мяжой

Мар’ян В.

УСПАМІНЫ ЗЬ НЯДАЎНЯЙ МІНУЎШЧЫНЫ

У 70-х гадах, калі паўсюдна бурылі стары Менск і зьнішчалі нашую спадчыну, пераехаў Саюз пісьменьнікаў БССР у новы будынак – Дом літаратара. Стары гістарычны будынак ля тэатра Янкі Купалы, у якім месьціўся Саюз перад гэтым і ў якім некалі, падчас нямецкай акупацыі горада партызаны ўзарвалі на міне гаўляйтара Вільгельмі Кубэ, стары гэты будынак зьнесьлі, каб не займаў прасторы перад гмахам ЦК КПБ. Здаецца, ніхто тады за гэты помнік не ўступіўся. У Доме літаратара якраз разьмяркоўвалі кабінеты сакратарам саюза. Не да гэтага было.

Тады, у 70-х гадах, Саюз пісьменьнікаў БССР інтэнсіўна разбэшчваўся бюракратызмам. Чыноўніцтва адкрыта падкуплівала і перакуплівала пасрэдных і нават таленавітых майстроў пяра, спакушала іх матэрыяльным дабрабытам, пасадамі, узнагародамі, перспэктывай публікацый алілуйскай хлусьні і пустазвонства. У гэты пэрыяд набрала моц у пісьменьніцкім асяроддзі агрэсіўная шэрасьць, а сам Дом літаратара ператварыўся ў чыноўніцкі асяродак.

У сярэдзіне мінулага дзесяцігоддзя мне зрэдку даводзілася быць у тым доме. Трапіць “іншаму” ў Саюз пісьменьнікаў было тады ня так проста. Калі ўваходзіў, справа была невялікая службовая вопратня, тэлефоны, сігнальны пульт, сядзеў міліцыянер і абавязкова адна-дзьве кабеты гадоў пад 50 з хамскім выглядам і манерамі, па якіх адразу пазнаеш расеек, супрацоўніц КДБ. Яны аглядалі наведніка з падазрэньнем і пыталіся: “Вы к каму?”

На другім паверсе ў файе таўкліся часам пісьменьнікі ці выходзіў пакурыць са свайго кабінету які-небудзь сакратар, пагаманіць ад суму на беларуска-расійскай трасянцы. Мова беларуская паступова забывалася ў гэтым доме. Поўна тут было нейкіх дамачак, баб, сакратарак, бібліятэкарак, машыністак, шмат розных адміністратараў з палкоўніцкімі каркамі і чырвонымі тварамі. Усе яны стваралі тут дружны расейскі галас і шум у гэтых сьценах: трымаліся, як у сябе дома, на беларускую гаворку рэагавалі з маўклівай нянавісьцю. “Здрасте”, – кажуць на “добры дзень”.

Поўна было казённага “жаночага персаналу ў прыёмных “танкаў” і “шамякіных”, якія (кабеты, значыць) слоўца беларускага ня скажуць, хоць ты зь імі паўдня гавары. Сакратары і ўвогуле саноўныя пісьменьнікі адчувалі сябе ў гэтай задушлівай атмасфэры, як мне падалося, зусім добра, паводзілі сябе, як вялікія начальнікі.

Тады, наколькі мне вядома, ніводны сын і ніводная дачка пісьменьніцкіх саноўнікаў не размаўлялі па-беларуску, не ўжывалі роднай мовы ў сям’і. Мяркую, што і цяпер гэтак. Быў я тады неяк на афіцыйным літаратурным вечары, пасьвечаным памяці Аркадзя Куляшова. Ягоная дачка, жонка, сваякі выступалі і гаварылі толькі па-расейску. У тыя часы ў Доме літаратара нават у паветры адчувалася атрута духоўнага маразму і нацыянальнай дэградацыі.

У такіх умовах у 1976 годзе адбываўся VII зьезд пісьменьнікаў. Тады на зьезьдзе распаўсюдзіўся нейкі аддрукаваны на машынцы ліст аб ратаваньні мовы, падпісаны Мацеем Бурачком і напісаны ў ягоным стылі. Пазьней у рукі мне трапілася адозва да зьезда, падпісаная асобай ня менш гераічнай у нашым пакутным і слаўным пантэоне – Тадэвушам Рэйтанам. Прапаную тэкст гэтай адозвы.

Адозва да зьезда пісьменьнікаў Беларусі
(Менск. 1976 г.)

“Не пакідайце ж мовы нашай
Беларускай, каб ня ўмерлі.”
Францішак Багушэвіч

Б е л а р у с к і я п і с ь м е н ь і к і ! Наша дарагая Бацькаўшчына, наша старажытная і несьмяротная, наша родная мова, наш народ, мы ўсе, беларусы, перажываем страшны час нашай гісторыі. Ні 1794, ні 1830, ні 1863, ні ліхалецьце XIX стагоддзя, ні 1930, ні 1937 не параўнальныя. Як пад кулямётамі, як у вагні масавых экзекуцый, як у брацкіх магілах 1941-44-га гінуў кожны чацьвёрты беларус, гінуў цялесна, каб у памяці народнай уваскрэснуць навекі ў славе, так цяпер, у 1970-х, пад акапаліптычнымі гусеніцамі чыноўніцкага “прагрэсу”, які Вам загадана ўслаўляць, гіне духоўна кожны першы.

Некаторыя патрабуюць дакладнай статыстыкі русіфікацыі, лічбаў шавінізму, працэнтаў дэнацыянальзацыі і гвалту. Тады б, здаецца, гаварылі доказна, з бухгалтарскай дзелавітасьцю, лакейскай сьмеласьцю, хітра і разумна.

“Лысагорцы!” – скажам такім, – на неба гляньце, яно блакітнае! Зірніце ў вокны сваіх кабінетаў, расплюшчыце вочы, паслухайце! Дзе наша мова?! У інстытутах?! У школах?! Ні ў водным беларускім горадзе няма болей беларускай школы. Іх зачынілі. Беларускіх школ з кожным годам меншае на вёсцы. Іх зачыняюць асьцярожна, спакваля...

Радуйцеся, Мікалай першы і Мікалай апошні, пан Мураўёў і пані “единая, неделимая и протчая”, сьпявайце пад сурдзінку белагвардзейскія трубы і шараманшчыкі, тапёры і словаблуды, слаўце тых, што “спасли Россию”. – На ўсіх скрыжаваньнях нашай Беларусі распусна і нахабна, патаемна і адкрыта рыпіць гэтая іхняя тапёрская музыка.

Што мы можам, чым кіруем і што маем? Нацыянальную эканоміку? Сельскую гаспадарку? Лясы, нафту, рабочую сілу? Аўтаномію культуры? Нацыянальную свабоду творчасьці, навукі, мастацтва? Нацыянальную асьвету, адукацыю, выхаваньне? Наша эканоміка – каланіяльная, прадуктамі нашай разьвітай сельскай гаспадаркі мы не распараджаемся, а працавіты наш селянін (“дурны мужык”), сёньняшні запрыгонены калгасьнік і сёньняшні рабочы нават не здагадваюцца, колькі легіёнаў ад гультайства і нуды там, “в России-матушке” прапівае працу яго рук і колькі збанкрутаваных палітычных авантур у Азіі, Афрыцы, Паўднёвай Амэрыцы, Еўропе аплаціў ён потам сваім і мазалём.

А ці задумваемся мы, чаму па колькасьці насельніцтва эксперыментальная рэспубліка наша не дасягнула даваеннага ўзроўню. Што, у нас не родзяцца дзеці?! Дзе зьнікае і куды плыве наша <u>галоўная вытворчая сіла нацыянальнай эканомікі – рабочыя рукі?</u> Туды ж, у “матушку”. На месца нашых мігрантаў, беларусаў прысылаюцца “со всей необъятной России”, сотнямі тысяч валяць сюды паміраць, сачыць і бэсьціць натоўп адстаўнікоў і розных спецыялістаў, шукальнікаў зямлі, дзе каўбасы паболей.

У нацыянальным мастацтве – зялёная вуліца толькі нацыянальнай прафанацыі. Наша гуманітарная навука дэбільная, а казённыя адэпты яе, стаўленьнікі і здраднікі, законьнікі і згоднікі, сокі, майстры дэмагогіі і даносаў, ашалелі ад страху перад прывідам “нацыяналізму”, перад сьвятлом гістарычнай праўды.

Нацыянальнай асьветы ў нас ужо няма. Нацыянальнай адукацыі не існуе. Нацыянальная культура ў загоне. Замест яе – прафанацыя і эрзац. Беларуская мова рознымі спосабамі і хітрыкамі выганяецца адусюль. А там, дзе яна хоць крыху трымаецца (радыё, прэса), – там сьвядома замяняецца казённа-чыноўніцкім жаргонам, замешаным на расійскім сінтаксісе і кальках. Гэта палітыка. Тут існуюць табу і вета, якія маюць больш катэгарычную сілу, чым забаронены для ўжытку спіс беларускіх дзеячоў, складзены ў

Галоўліце. На гэтую садысцкую ідэю дэнацыяналізацыі беларускае мовы працуюць навукова-дасьледчыя інстытуты і ўніверсітэцкія кафедры.

Як жа дайшлі мы да такога жыцьця?! Як мы ваду п’ем і хлеб ядзім? Як у вочы глядзім? Азірнемся, дзе нашы мудрацы, дзе нашы пракрокі, правадыры і героі !? Хто мы цяпер і куды ідзем?! Як жа мы дажылі да такога стану, што вымушаны яшчэ даказваць, што мы – людзі !? Дакажы, што тваёй нацыі патрэбна яе нацыянальная мова. Дакажы, што гэта пытаньне нацыянальнай кампетэнцыі і нішто іншае. Дакажы, што ты гаспадар на сваёй зямлі. Дакажы, што гаспадар у сваёй хаце не пытаецца ў гасьцей, дзе яму сядзець. Дакажы і пацьвердзі. І знаходзяцца, што даказваюць, што “я” гэта “я”, а ня “ты”.

Якія патрэбны тут лічбы і працэнты, калі з нас зьдзіраюць скуру пад гром звышдэмагогіі, калі наш народ укрыжоўваюць пад салодкую атрутную музыку звышхлусьні. І наш народ разам з намі прымушаюць піць гэтую атруту з гэтай атрутнай студні.

Цяпер не XIX стагоддзе. Цяпер нас атручваюць пад выглядам прагрэсу. Да паслуг тэлебачаньне і асьвета, адукацыя і прэса, ідэалогія і прапаганда, эканоміка і горадабудаўніцтва, чыгункі і шасейныя дарогі, радыё і тэлеграф, авіяцыя і аўтобусы, агітацыя і эстрада, войска і спорт і да т. п. Усё гэта павінна быць прыладаю, сродкам нашага нацыянальнага жыцьця, а сталася – зброяй нястрымнай русіфікацыі, дэнацыяналізацыі і разлажэньня народа.

Калі косіць каса, то трава расьце зноў. Сьціналі галовы інсургентам – вырасталі сыны. Але бяда, калі не каса, а чэрві корань точаць, калі не касец, а агонь з-пад споду сухі тарфянік паліць, калі ня косяць, а паліваюць корань атрутнай вадкасьцю, і дрэва чэзьне, трава сохне. Вось дзе адрозьненьне русіфікацыі цяперашняй ад учарашняй. Яно ў выніках і ў абставінах. Вось дзе знак часу сёньняшняга. Калі ўсе ранейшыя русіфікацыі разьбіваліся аб стыхійную сілу нашага народнага духу, традыцый, жыцьцёвага ўкладу, то цяпер зброяй прагрэсу ў чыноўніцкіх, чужых руках метадычна разбураецца ня толькі мова, традыцыі і нацыянальная культура, але зьнішчаецца сам этнас.

Тут мала абвінавачваць наш так званы “урад” і галоўных ідэалагічных правіцеляў нашых, што навучаюць матэрыялізму і хлусьні, мала іх абвінавачваць у нацыянальнай здрадзе. Мы – інтэлігенцыя. І на нас місія адказнасьці за свае справы перад Бацькаўшчынай. Мы інтэлігенцыя – і на нас абавязак народнага прадстаўніцтва, на нас роля яго заступніцтва і яго асьветы. Мы гістарычна абавязаны перад народам і ўсёй нашай зямлёю. За занядбаньне абавязкаў гісторыя не даруе нам, як не даравала шляхце.

Саюз пісьменьнікаў цяпер адзіная ў Беларусі грамадзкая арганізацыя, дзе магчыма размова пра нацыянальныя праблемы і пра беларускую мову. Гэта і заканамерна, бо літаратура – перш за ўсё, слова. І паглядзіце, як заігрываюць з Вамі, цацкаюцца, купляюць і перапрадаюць, як засоньваюць ваша сумленьне дэмагогіяй і хлусьнёю, а самі адкрыта і бесцырымонна, падступнасьцю і гвалтам звужаюць моўную сферу вакол нашай літаратуры.

Рука здрайцы і прыблуды цягнецца да Вашага горла і з гідлівай ухмылкай вось-вось гатовы сарвацца з вуснаў падрыхтаваныя гугнявыя словы” “Для кого вы пишите, вас никто не читает, не панимает, зачем вы едите даром наш народный хлеб?” І Вам, як і цяпер, пакажуць на дурнога Саўку, што набраўся “истинно-русского” духу, і, натуральна, “против белорусского языка”. Вам прывядуць натоўпы блудных сыноў нашай Бацькаўшчыны, абалваненых імі і разбэшчаных, пакажуць на легіёны янычараў і мамалюкаў, выхаваных і атручаных у іхніх школах-душагубках, у войску і інстытутах, на нашай зямлі, за нашыя сродкі, пры нашай маўклівай згодзе, і скажуць: “Вось ваш народ, ён з намі, супраць вас”. І загадаюць, паказваючы на Вас: “Укрыжуйце іх!” Што і будзе зроблена пад сьмех прыблудаў. Будзьце пэўныя. Адурманены беларус умее нішчыць сваіх.

То якія ж патрэбны вам лічбы і працэнты, якія такія аргументы, калі размова павінна весьціся па сутнасьці, а не ў прыватнасьці, па справядлівасьці і па праве.

Таму не да розуму Вашага гэты зварот, не да логікі і нават не да сумленьня. Гэта ўсё ў Вас ёсьць! І ўсё Вы ведаеце – і лічбы, і працэнты. Гэтая адозва да Вашага ДУХУ.

Хай б'юцца нашы сэрцы ўсе разам для Бацькаўшчыны, а не для мамоны, для нашага народа, а не для ўласнай пыхі, для нашай сьветлай нацыянальнай духоўнай будучыні, а не для матэрыяльнага дабрабыту!

Пытаньне пра нашу беларускую мову, пра беларускую школу, пра беларускія вышэйшыя навучальныя ўстановы, пра нацыянальную асьвету і адукацыю, пра наша духоўнае нацыянальнае жыцьцё, пра нашу нацыянальную культуру павінна стаяць на зьезьдзе.

Народ наш яшчэ духоўна жывы і моцны, нягледзячы на адступнікаў і здрайцаў. Яны, здрайцы, – не прадукт нашага нацыянальнага жыцьця, а вынік трагедыі і хваробы, кароста, балячкі на здаровым целе. Прыйдзе час, і гэтыя блудныя дзеці вернуцца да ўлоньня шматпакутнай, сьвятой нашай, дарагой зямлі, і многія пакаюцца.

Памятайма, хай не ўпадзе на нас першародны грэх. Не пакрыйце сябе няславай. Мы – беларуская інтэлігенцыя. То хай кожны з нас зможа у канцы сказаць так, як Купала:

Я адплаціў народу,
Чым моц мая магла:
Зваў з путаў на свабоду,
Зваў зь цемры да сьвятла.

Тадэвуш Рэйтан
11 траўня 1976 г., Менск

Праз пэўныя прычыны адозва Т. Рэйтана, відаць, не была распаўсюджана на зьезьдзе. Прынамсі, чутак пра гэта не было. Сярод дэлегатаў разышоўся ліст ад Мацея Бурачка пра шанаваньне беларускай мовы. Аднак ён не атрымаў ніякага розгаласу сярод пісьменьнікаў. Той зьезд, у 1976 годзе, быў, бадай, самы "лакейскі" за ўсю гісторыю пасьля 1956 года.

Тым часам "Ліст Бурачка" нейкім чынам трапіў да студэнтаў, яго нават вывесілі ў Беларускім дзяржаўным тэатральна-мастацкім інстытуце на стэндзе інфармацыі і аб'яў. Ліст неўзабаве садралі, тут жа сабралася экстранае паседжаньне рэктарата і партбюро. Абмяркоўвалі гэтае "надзвычайнае здарэньне". Найбольш усіх цікавіла, хто гэта мог напісаць такую "антисоветчину" і хто такі Мацей Бурачок. Выказвалі розныя меркаваньні. Нарэшце, калі ўсе здагадкі зайшлі ў тупік, выступіў, як распавядалі, сам рэктар Віктар Грамыка і сказаў: "В конце концов, кто бы ни был этот Бурачёк, ясно, что это негодяй похуже Солженицына".

Ніжэй падаю тэкст ліста ад Мацея Бурачка, распаўсюджанага сярод дэлегатаў.

ШАНОЎНЫМ ЯГАМОСЬЦЯМ ПАНАМ ПІСЬМЕНЬНІКАМ БЕЛАРУСІ (Жупраны. Лета 1976-га, Траўня 11-га дня)

Браткі-пісьменьнікі мілыя, дзеці Зямлі-маткі Беларусі нашай! Мушу пагаварыць з Вамі трохі аб нашай бацькавай спрадвечнай мове.

Чытаў я ці мала старых папер і ксёнжак, па трыста, пяцьсот гадоў таму пісаных у зямлі нашай і мовай нашай чысьцюсенькай – і летапісы, і метрыкі, і Біблію Скарыны, і адзіны на ўсю Эўропу Статут наш слаўны сапежынскі...

... І думаў: Божа ж мой, Божа, што ж мы такія бяздольныя, што мову для нас сьвятую, Богам нам дадзеную, як і другім добрым людзям, так ужо самі пусьцілі на зьдзек. А

найперш, панэ нашы вялікія, што ўладу маючы, бараніць яе па закону павінны. Ды яны, паны гэтыя, людзі высокія, падобна той старасьвецкай шляхце нашай, якая пасьля Вуніі бацькоўскую веру мяняла на срэбнікі, першымі выракліся роднай мовы.

Дык цяпер ужо, браткі, нават ня тое. Бо і людцы нашы простыя, сьледам за панствам высокім, словам сваім грэбаваць пачалі, язык у роце выкручваць, каб не сказаць па-свойму. А чаму?

А таму, браткі, што ў гаворцы нашай спрадвечнай быццам больш і патрэбы няма. І адмаўляюць ёй, гаротнай, у жыцьцёвым праве на зямельцы нашай, і павыганялі ўжо яе зайздросьнікі і непрыяцелі з устаноў дзяржаўных і канцылярый судовых, і з нарад палітычных, і адусюль, адкуль толькі можна. І туляецца яна, бедная, сіроцінаю па чужых халодных кутох: сям-там у газэтах-часопісах, трошкі на радыё, ды ў трох тэатрыках беларускіх, што ледзьве ліпяць...

Ды й перакруцілі ж яе, перарабілі пад свой капыл розныя дабрадзеі нашы. Ужо й словы беларускія спрадвечныя заменены на расейскія, і так яна ўжо зьнявечана дзеля казённага яе ўжытку, што і не разважыш, па якому гавораць.

Школкі ж нашы беларускія паўсюдна на зямлі нашай перарабляюцца на расейскія, ды шпарка так, што ў местах ды мястэчках ніводнай ужо не засталося. А дзеткі нашы ня чуюць роднага слова а ні ў хаце ад бацькоў выкшталцоных, а ні ў садзе дзіцячым ад мамак і выхавацелек іхніх, ні ў школах тых перарobленых ад настаўнікаў, ні ў універсітэтах ад прахвостаў, дзе мову нашу родную, як не раўнуючы, мёртвую лаціну, гадзіну-дзьве на тыдзень ня хочучы выкладаюць.

А й памрэ беларус, то і надпіс на камені надмагільным па-расейску атрымае.

Браткі мілыя, пісьменьнікі! Хачу спытаць Вас цяпер, хто ж чытаць будзе тое, што Вы пішаце, ды праз дзясяткі гадоў, ці мо праз дваццаць? Ці ж патрэбны будуць каму зь беларусаў ксёнжачкі Вашы пекныя, у перакладах з расейскае мовы сьвет зваяваўшыя? Ды й Вы самі ўраз зь імі. Га?

Бо шмат было такіх народаў, што страцілі найпеш мову сваю, так як той чалавек перад скананьнем, катораму мову займе, а потым і зусім замерлі.

Дык ратуйма ж мову нашу беларускую, каб ня ўмёрлі!

Мацей Бурачок

Вяртаньне з маўчаньня

У лютым 1988 года выйшла з друку факсімільнае выданьне зборніка вершаў Алеся Гаруна “Матчын дар”, выдадзенага яшчэ ў 1918 годзе коштам Народнага Сакратарыяту Беларускай Народнай Рэспублікі. Гэта вялікая падзея. Вернуты з маўчаньня таленавіты, трагічнага лёсу паэт Бацькаўшчыны. У выхадных зьвестках пазначана, што тыраж кніжкі 10.000 экзэмпляраў. Але прайшло ўжо багата часу пасьля выхаду зборніка ў сьвет, а ў кнігарнях яго не відаць.

Зьмяшчаем верш Алеся Гаруна, які не ўвайшоў у кніжку, напісаны ім 12 кастрычніка 1918 года.

Шлюб

Год за годам, дзень за днём, –
Усьцяж – гадзіну за гадзінай,
Паміж песьняй салаўінай
І агідных жабаў крэктам,
Выцьцём буры, ветру шэптам
І касы сьмяртэльным сьвістам,

У бляску полымя агністым
Мы да шлюбу свайго йдзем...
Мусіць, скора... Пэўна, блізка, –
Чую я ўжо гэты час,
Поўны шчасьця і пакрас –
Дзён парвецца нашых нізка,
Дзён, затрутых сольлю згуб –
І няпомныя былога,
Ўчуўшы голас горніх труб,
Пойдзем люба мы да Бога
Браць апошні, вечны шлюб.

ЮДАВА ПОЛЕ

Над Ерусалімам спусьцілася страшная ноч – павесіўся Юда. У горах стагнаў вецер, усюды разьлілася непраглядная цем, цяжка стала ў паветры.

Людзі пахаваліся ў камяніцы, вярблюды хавалі галовы ў пясок, як бы чуючы, што скора падымецца гарачая бура – самум.

Юда павесіўся ў полі, купленым за 30 срэбнікаў, каторыя ўзяў за здраду. Калі абычны самаўбійца накладзе на сябе рукі, то цела яго хаваюць міласэрдныя людзі. Ня так было з Юдай – цела яго надарвалася пасярэдзіне, і ўсе вантробы зьвесіліся.

А бурлівая ноч яшчэ болей згусьцілася над брыдкім трупам здрадніка. Цёмна і душна было кругом яго, як у магіле, і страшны неўзмаготны сморад рассьцілаўся далёка ва ўсе бакі.

Калі ж разьвіднела і бура сьціхла, то вецер усё яшчэ калыхаў вісельніка, а людзі здалёку і са страхам пазіралі на яго і ўцякалі.

Пакінуты ўсімі, доўга вісеў труп. Чорная кроў капала зь яго на выпаўшыя вантробы. Кругом не засталося ніводнага жывога тварэньня, нават чэрві гадзіліся страшнага корму, нават мухі ня лёталі над сьпёкшайся крывёй яго цела.

Тады стада варон, ляцеўшае з Захаду, спусьцілася на галаву і голыя плечы Юды. Яны клявалі чорнымі дзюбамі, і вісельнік пад ударамі іхніх дзюбаў калыхаўся, як жывы. Яны клюлі яго жывот і пілі чорную кроў і брыдкі гной. І зваліўся на іх страшны праклён! Яны падняліся ў паветра і, мучаныя сударгамі, паляцелі над зямлёй. А як ляцелі яны, з горла іх капала на зямлю кроў і гной, бо не дапусьціў Бог, каб цела здрадніка стала іх кормам. Страшна крычучы, лятталі вароны, і куды падалі кроплі Юдавага гною, там нараджаўся здраднік свайго народу.

О, няшчасьце! На бедны край наш падалі кроплі Юдавай крыві густым дажджом. Няўжо ж ты, дарагая Айчына, вечна будзеш Юдавым полем!

Сьветазар Гурбан Ваянскі (З славацкай пераклаў Максім Багдановіч)

Пра што пісалі даўней

У “аланецкіх епархіяльных ведамасьцях” (паўночная Расея) быў зьмешчаны ліст нейкага Публіўса Лентулуса, які ў часы Актавія Цэзара служыў праконсулам у іўдзейскіх краях. Ліст быў адрасаваны рымскім сенатарам. Пазьней яго знайшлі ў рымскіх летапісах. Аўтар паведамляе, што ў Йенскай бібліятэцы знаходзілася рукапісная Эванэлія на пергаменце XV ст. У пачатку гэтай Эванэліі быў напісаны тэкст лентулуса залатымі літарамі, а загаловак выглядаў так: TEMPORIRUS OCTAVIANI CAESARIS PUBLIUS LENTULUS PROCOS, IN PARTIBUS IUDEAE ET HERODIS REGIS, SENATORIBUS ROMANIS

HANE EPISTOLAM SCRIPSISSE FERTUR QUAE POSTEA AH EUTROPIO REPERTA EST IN ANNALIBUS ROMANORUM.

Прыводзім пераклад ліста Лентулуса: “Цяперашнім часам зьявіўся чалавек, – ён і зараз яшчэ жыве, – з высокімі якасьцямі, называе сябе Ісусам Хрыстом. Народ кажа, што ён магутны, па сваіх справах Прарок; вучні называюць Яго Сынам Божым. Ён ажыўляе мёртвых і вылечвае ад усялякай хваробы і немачы. Гэты чалавек высокага росту і стройны. Ягонае аблічча строгае, але вельмі выразнае, так што тыя, хто глядзіць на Яго, ня могуць не любіць Яго і адначасна не баяцца. Ягоныя русыя валасы апускаюцца гладкімі да нізу вушэй, і адтуль спадаюць хвалістымі локанамі прыемна на самыя плечы; яны разьдзелены на версе галавы як у назарэяў. Лоб гладкі і спакойны: аблічча зусім чыстае. Шчокі Яго пакрытыя нейкім чырвоным колерам зь невялікай цемнаватасьцю. Погляд мае прыемны і адкрыты. Нос і губы даволі правільныя. Барада даволі густая, аднолькавага колеру з валасамі на галаве, разьдзяляецца на дзьве часткі. Вочы блакітныя і надзвычай жывыя. У Ім прыкметна нешта грознае, калі ён робіць вымовы або папрокі, між тым як пакора і ласкавасьць спадарожнічаюць заўсёды Яго настаўленьням і навучаньнем. Ягонае аблічча мае дзівосную прыемнасьць, спалучаную з важнасьцю. Ніколі ня бачылі, каб Ён сьмяяўся, але бачылі, як плача. Стан Яго стройны, рукі доўгія, плечы прыгожыя. Гаворка важная і плаўная, але гаворыць мала. Нарэшце, бачыўшы Яго, нельга не прызнацца, што гэта адзін з найпрыгажэйшых мужчын.”

Аўтар публікацыі ў “Аланецкіх епархіяльных ведамасьцях” ставіцца з пэўным недаверам да гэтага тэксту, паведамляючы, што “ва ўсіх еўрапейскіх бібліятэках знаходзіцца сумніцельны ліст праконсула Публіуса Лентулуса, напісаны нібыта ім з Ерусаліма, калі Хрыстус меў 25 гадоў”; але ён (ліст) адзначаны ў ліку апакрыфічных шматлікімі вучонымі і дасьледчыкамі.

Тым часам аўтар публікацыі сьцьвярджае, што аналагічнае апісаньне вобліка Ісуса Хрыста падае каля 1350 года, царкоўны гісторык грэк Нікіфор Калліст, які меў у сябе “усе” дакументы, “захаваныя паданьнем ад тых часоў”.

Ларыса Геніюш:

ДАЎНІНА
(урыўкі з паэмы)

Гісторыю спраў вялікіх твораць людзі,
Якіх у нетрах ўзгадаваў народ.
Былі мы ад вякоў, Мы ёсьць, Мы будзем –
На спадчыне дзядоў сваіх – крывіцкі род!

....

Ў гадоў тумане велічнасьць ня гіне,
Мы зь ёю й сёньня, як шляхотны сплаў,
І сьніцца мне сьвятая Ефрасіньня
І слаўны Крыж, што Богша змайстраваў.
Ў зараньні дзеяў першыя сьвятыні,
І благачэсьце мудрае наўзьдзіў,
З князёў айчынных першыя Сьвятыя,
Якімі Полацак народы задзівіў.
У часе бітваў жорсткіх і крывавых,
У часе гутарак стралою і кап’ём,

Дзіця славянаў, юная Прадслава
Зышла на землю цёмную – сьвятлом!

....

... Жыць, гэта значыць як сьлед працаваць,
Зжынаць, малаціць і веяць,
Дочак галубіць, сыноў гадаваць –
Нашчадкаў сваіх надзейных.
Вецер даўно разагнаў туманы,
Ўскружылі над дрэвамі галкі,
Схаваліся ў тоні глыбокай Дзьвіны
З прываблівым сьпевам русалкі.
Схаваўся, ня ходзе ўжо пушчай лясун:
Зло сьвету праменьня баіцца,
І вецер на дрэвах, на гусьлях бяз струн,
Ужо не пяе небыліцаў.
Сонца, малітву сваю табе шлюць
У пушчы ўсе твары жывыя,
Табе гэта песьні дзяўчаты пяюць,
Сплятаючы косы тугія.
Толькі і ты ўжо, Сонца, ня Бог,
І хоць для народу Ты тайна,
Ня ставяць стодзіваў больш у палёх
Табе, сьвет зямлі жыцьцядайны.
Вялікаю праўдаю стала любоў
І вера ў Хрыстовае слова,
Інакшая, чымсьці у нашых дзядоў,
Паганаў у пушчах суровых.
Ня слава, ня гонар – людзей забіваць,
Моц павялічваць з цярпеньняў,
Ворагаў нават належыць кахаць
Для Божага багаслаўленьня.

З цялесную сьмерцю жыцьця не канец,
Яно прадаўжаецца ў вечнасьць,
Бо так загадаў найсьвяцейшы Айцец
Зямлі і душы чалавечай.
Ня зло і насільле, а сеяць дабро;
Інакшая вартасьць багацьця.
Ня сіла, а попел нікчэмны яно
Перад ахвярай Распяцьця!
Ўсё тленна, дачасна. Гасьціна – жыцьцё,
А вечнасьць – дабра перамога.
Любоў – несьмяротнасьць. Яна адкрыцьцё
Нябеснае райскай дарогі.
Жывёле парывы свае заглушаць
Належыць жаданьнем зямнога,
А ў чалавеку ёсьць розум, душа,
Тварэц ён і частачка Бога!

Ня кланяцца моцным, а ціхіх любіць,
Да хворых ісьці з уцяшэньнем,
І хлебам надзённым усіх надзяліць,
Злагодзіць людзкое цярпеньне.
За добрае плоціць Бог людзям дабром,
Інакшай няма ў Яго знаці,
Як чыстыя сэрцы ў змаганьні са злом,
І людзі, як роўныя брацьця.
І людзі, як дзеці ў Бога Айца,
Пакорныя праўдзе Ягонай.
І роўныя ў строгім абліччы Тварца
Ад рызмана да кароны!

………………………………………………………

Полацак горда стаіць над Дзьвіной.
І землямі зноў авалодаў.
Вярнуўшыся ў град пераможны і свой,
Княжацкі род Рагвалодаў.
Ўжо сьпіць вечным сном Усяслаў Чарадзей,
Зямлі сваёй слава і стража,
Дзяржава ў руках яго верных дзяцей:
Барыс цяпер у Полацку княжыць.
Поруч пры ім на пасадзе браты
Ўсяславічы дружныя правяць,
І Сьвятаслаў, самы зь іх малады, –
Бацька князёўны Прадславы.

…………………………………………………………

Поўнач, далёка яшчэ не відна,
Сон вачанят не кранае.
Плешчыцца рыбай аб бераг Дзьвіна,
Ў полі вятры запяваюць.
Ня сьпіцца князёўне, хоць гоман замоўк,
Заціхлі і песьні, і гусьлі.
Адным толькі стражы кап'ём незнарок
Зазвоняць, ачнуцца прымусяць.
Ўжо князь спачывае на ложы са скур,
Княгіня бялявая побач,
Сьвет месячны шчодра кладзецца на мур,
І цені намечвае поўнач.
Князёўна ў белі, і косы, як лён,
За пояс сплываюць, бы хвалі.
Цьвярдзейшае сэрца ўзялі ў палон
Такія, калі б пакахалі.
Ня марыць дзяўчына пра солад сустрэч,
Пра шчасьце ля мужава боку,
Ня вабяць ёй сэрца ні рыцар, ні меч,
Князёўна ў малітве глыбокай.

То дух хрысьціянства на княжым двары
У цэрца пранік пераможна,
Бо змалку вучылі яе сьвятары
Пісьму і прамудрасьці Божай.
Сплывае кашуля на тонкім плячы,
Подых ветрыку косы цярэбіць,
А малітва, дзявочая просьба ў начы,
Ляціць ў неспакойнае неба.
І просіць Прадслава ласкава, каб Бог
Ад войнаў, ад мору, нягодаў
Сьвятыні, крывіцкія землі сьцярог,
Народ наш і род Рагвалодаў.

....

Патрэбна нямногае княжнай дачцы:
Пасьвечаны крыжык на грудзі.
Маленькая кельля ў ціхім Сяльцы,
Посах і тры аржаныя хлябцы, –
Служыць вечна Богу і людзям.

....

Зьлітуйся, маці, мой бацька, даруй,
Долі насустрач, дзяўчаты.
Вякі адыходзяць ад матчыных рук,
Мяне лёс таксама сасватаў.
Мой суджанец слаўны – дарэмны ваш сум,
Ці ж большага маці зрадзіла?
Яму сваё сэрца ў далонях нясу
І буду служыць да магілы.
Доля мая ў Яго Божых руках,
Мілей за харому, карону
Пакутны, цярнёвы жыцьця Яго шлях,
І храм, дзе прыбытак Ягоны.
Розна на сьвеце людзі жывуць:
Той зброяй, той міласьцю Божай,
Шчасьце ня тое, што шчасьцем завуць,
А тое, што душу трывожыць.
Велічы ў сьвеце няма без ахвяр,
Жыцьця я свайго не шкадую.
Богу прынёсшы яго на алтар,
Я ў памяць упішуся людзкую.
У попел рассыплецца мораны дуб,
Скарбы сатлеюць па скрынях,
А я праз вякі, Палачанка, прайду,
Каб жыць для людзей між сьвятымі!
Бы дуб, наш хрышчоны разросься народ,
Быць слаўным яму і вялікім,
Камель для прыняцьця, стрываньня нягод,

А я – толькі дрэва галінка.
Мудрасьць і веліч праславіць нам час,
Зыскаць для зямлі нагароду.
Кожнай галінцы належыць у нас
Быць апорай крывіцкага роду!

....

Сьветлая зорка на небе ўзышла.
Быў вечар, калі ў сьвятыню
Лёгкай хадой назаўсёды ўвайшла
Прадслава, цяпер Ефрасіньня.
Пакінула ўдома ўборы і бель,
Уцехі, вачэй насалоду.
Малітвы і мудрасьць – адзіны ўдзел
Чарніцы цяпер назаўсёды.
І звоняць у Полацку доўга званы,
Сьвяточна, ўрачыста за поўнач,
Гэта вітаюць і славяць яны
Ў мурах манастырскіх князёўну.
А вокал квітнее, бурліць веснаход,
Травы ўбіраюцца ў росы.
Схіляе з павагай галовы народ
Прад чынам Прадславы узьнёслым.

....

З Прадславай той, хто думы ўзвысіў
І мудрасьці няземскай пералік.
Чарніца моліцца, Чарніца піша,
Каб праўды сьвет у край Яе пранік.
У полымя разыскрыла цяпельца,
І верай асьвяціла край бацькоў,
Нязгоды прыпыніла ціхім сэрцам,
Спыніла бой, каб не лілася кроў.
Прадаўні час і мір лунаў над краем.
На бразгат зброі – перакліч званоў.
Дык знача, там жыла ужо Сьвятая,
Што ненавісьць зьмяніла на любоў!

Ефрасіньня (сьвецкае імя Прадслава; нар. Каля 1120 г., пам. 23. 05. 1173), полацкая князёўна, ігуменьня манастыра Сьвятога Спаса ў Полацку, асьветніца, першая беларуская Сьвятая.

ТРОХІ СЬМЕХУ
У краіне бюракратаў

– Безабразія! – кажа расфуфыраная кабета дырэктару школы з ангельскай мовай навучаньня. – Мой Гогачка перэшол ужэ ф пяты клас і ні слова не знаіт па-англійскі. Вы забылі, наверна, што прынялі ево па званку таварышча Барахоўскава!

– Справа ў тым, – адказвае дырэктар, – што настаўнік, які вучыць Гогачку, сам ня ведае ні слова па-ангелійску.

– Дык звольніце яго! – абурылася кабета.

– Гэта немагчыма, – уздыхнуў дырэктар. – Ён таксама ўладкованы па званку таварыша Барахоўскага.

Боты ціснуць

Неяк пасьля вайны стаіць дзядзька з пугай на рыначнай плошчы ў мястэчку, чытае аб'яву пра падаткі і мармыча сабе пад нос:

– Ціснуць, халера, ціснуць...

Ажно тут падскоквае нейкі ў фрэнчы:

– Чэво ціснут?

– Боты ціснуць, – кажа дзядзька.

– Какіе боты, ты жэ босы!

– Таму і босы, што ціснуць, – адказаў селянін.

У лыжцы сьпяць

Прыехаў расеец у Варшаву. Пашвэндаўся па крамах, купіў гальштук і паехаў назад. А ў яго пытаюцца:

– Ну, как там полячишки?

– Глупый народ, – кажа расеец, – в ложке спят, а кровать на шее носят.

Прыцярпеўся

Беларуса павешалі. Назаўтра прыйшлі здымаць. Абрэзалі вяроўку. Ажно шыбенік падняўся, пацёр шыю і пайшоў сабе. Тады каты, апамятаўшыся ад зьдзіўленьня, крычаць яму:

– Эй, ты, падаждзі! Как эта ты жывой?

– Ат, – кажа беларус, – спачатку балела, а потым нічога, прыцярпеўся.

Б е л а р у с ы ! Гаварыце праўду адзін аднаму. Будзьце праўдзівыя. Цаніце праўду, любіце яе, шануйце, беражыце. Кажыце праўду на працы і ў сям'і. Памятайце, што праўдзівая моцная сям'я – грунт моцнага народа і здаровай нацыі. Хто хлусіць, той ня ведае справядлівасьці. Будзьце шчырыя ў думках і простыя ў жыцьці, беражыце дух свой і сумленьне сваё, шануйце сваю мову, веру і Бацькаўшчыну. Клапаціцеся пра дзяцей сваіх, каб будучыня наша стала прыўкрасная.

7-га Траўня:
СЬВЯТА ЦУДАТВОРНАГА
ВОБРАЗУ МАЦІ
БОЖАЕ ЖЫРОВІЦКАЕ

LAUDETUR JESUS CHRISTUS
СЛАВА ЕЗУСУ ХРЫСТУСУ

ВЕРА

МЕНСК–СМАЛЕНСК № 1

Беларускі Каталіцкі часопіс

1988

Маці Божая Вострабрамская –
Заступніца і сімвал Беларусі.
/Гэты абраз – Маці Божая "Зьвеставаньне" – паходзіць з XVI стагодзьдзя. Напачатку ён быў праваслаўны, пасьля уніяцкі, затым каталіцкі. Сьвятая рэлiквія ўсяго беларускага Хрысьціянства/

Аб'ява рэдакцыі!

Беларусы! Мы перажываем цяжкі для Веры і Бацькаўшчыны час. Каталіцызм на Беларусі памірае разам з касьцёламі, што выракліся нашай мовы і зямлі, што напаверку не любілі наш хрысьціянскі народ. Не ўсе такімі ёсьць і былі, але большасьць.

Вымірае і праваслаўе, а верхавіна яго, сьвятары – закасьнелі ў вялікадзяржаўным рускім шавінізме, не прызнаюць ні мовы нашай, ні гісторыі, ні будучыні.

Вялікадзяржаўныя бюракраты і функцыянеры глумяць нашую Веру, мову і культуру, зьнішчаюць беларускія школы, разбураюць нашую гістарычную спадчыну, прыроду, лясы, рэкі, касьцёлы і цэрквы, рыхтуюць новыя злачынствы.

Маўчаць у такіх абставінах ганебна. Трэба ратаваць духоўныя нацыянальныя каштоўнасьці, разьвіваць і прадаўжаць іх у нашым народзе. Народ – моцны духам і культурай. Задача нашага часопіса даваць інфармацыю пра рэлігійнае жыцьцё, рэлігійную гісторыю і рэлігійную культуру Беларусі.

ЗЬВЕСТКІ ПРА ВЕРНІКАЎ

На прэс-канферэнцыі ў Маскве 24.04.1979 г. дырэктар Інстытуту навуковага атэізму Акадэміі грамадскіх навук пры ЦК КПСС прафесар П.Курачкін сказаў: "Сацыялагічныя абсьледаваньні, праведзеныя ў шэрагу вобласьцяў, раёнаў і гарадоў РСФСР, Украіны, Беларусі, Сярэдняй Азіі, Малдавіі, Прыбалтыкі паказваюць, што актыўных вернікаў, якія больш-менш рэгулярна посьцяць, ходзяць да споведзі, наведваюць бажніцы, каля 8-10% дарослага жыхарства".

Больш лік вернікаў у СССР падаў у 1975 годзе кандыдат філасофскіх навук Э.Лісаўцаў, інструктар аддзелу прапаганды ЦК КПСС, сябра рэдкалегіі часопісу "Навука і рэлігія", у сваёй брашуры "Рэлігія ў змаганьні ідэй". "Паводле зьвестак, – сказана ў брашуры Э.Лісаўцава, – атрыманых на аснове вывучэньня ўзроўню рэлігійнасьці ў цэлым шэрагу рэгіёнаў Савецкага Саюзу, можна зрабіць выснову, што пад уплывам рэлігіі ў той ці іншай ступені ў шмасобных рэгіёнах знаходзіцца амаль 25-30% дарослага жыхарства".

Колькасьць вернікаў у сьвеце: Венгрыя – 40%, ГДР – 60%, Югаславія – 35%, Польшча – 85%, Францыя – 30-35%, Англія – 55%, ЗША – 65-70%.

На Беларусі колькасьць вернікаў /1979 г./ у вёсцы – 39,6%, у горадзе 20%. Найбольш вернікаў у заходніх вобласьцях рэспублікі /больш за 60%/, менш у цэнтральных і усходніх вобласьцях /каля 26%/.

Цяпер на Беларусі 370 праваслаўных прыходаў з 383 сьвятарамі. Існуе таксама манастырская грамада ў Жыровіцкім манастыры, што каля Слоніма – 33 манашкі і 15 манахаў.

Апрача праваслаўных на Беларусі ёсьць амаль 65 каталіцкіх парафій; найвялікшая з іх [illegible] ў Менску. У рэспубліцы сёньня налічваецца больш за 1 мільён каталікоў /з 10 мільё-

▶2

ПАЦЕРЫ КАТАЛІЦКІЯ

(Imprimatur. † Romualdus Archiepiskopus Vilnensis, Vilnae, 11.VII.1927, Nr. 1784)

Знак крыжа сьвятога

† У імя Айца і Сына і Духа Сьвятога. Амін.

Малітва Хрыстусовая

Ойча наш, каторы ёсьць на небе.
Сьвяціся імя Тваё. Прыйдзі валадарства Тваё. Будзь воля Твая, як на небе, так і на зямлі.
Хлеба нашага штодзённага дай нам сёньня. І адпусьці нам грахі нашыя, як і мы адпускаем вінаватым нашым.
І не ўвядзі нас у спакусу, але збаў нас ад злога. Амін.

Анельскае прывітаньне

Прывітана будзь, Марыя, поўная ласкі, Пан з Табою, багаслаўлёна Ты між жанчынамі і багаслаўлёны плод улоньня Твайго, Езус. Сьвятая Марыя, Маці Божая, маліся за нас, грэшных, цяпер і ў часіну сьмерці нашай. Амін.

маў агульнай колькасьці насельніцтва/.

На Беларусі ёсьць таксама больш за 100 баптысцкіх брацтваў, брацтваў пяцідзесятнікаў, адвентыстых і пэўная колькасьць мусульманаў /у Іўі - мячэць/.

Ёсьць на Беларусі і стараверы, але іх няшмат, і жывуць яны расьсеяна, даволі далёка ад вялікае свае грамады ў Гомелі.

На 1963 год статыстыка налічвала ў нас 68 каталіцкіх і 383 праваслаўных сьвятароў.

/А - к/

РАЗМОВА З СЯБРАМ

Пытаньне: Ці задавальняе цябе сучасны рэлігійны стан на Беларусі?

Адказ: Ён такі ж катастрафічны, як і наогул становішча з нацыянальнай сьвядомасьцю. На Беларусі няма свайго каталіцкага біскупа. Ватыкан меўся насьвяціць на біскупа кс. Уладыслава Чарняўскага, але таму знайшліся перашкоды з боку ўладаў.

Другой найважнейшай справай, якая мусіць быць упарадкаваная зараз-цяпер - гэта справа беларускай мовы ў касьцёлах на Беларусі. Я лічу, што нам, беларускім каталікам, трэба дамагацца ажыцьцяўленьня на практыцы пастановы Другога Ватыканскага Сабору /1962-65 гг./ аб ужываньні ў касьцёлах нацыянальных моў замест лацінскай.

І трэцяй балючай справай як для каталіцкага касьцёлу, так і для праваслаўнай царквы ў нас зьяўляецца падзеньне колькасьці вернікаў. Бо старое пакаленьне паступова адыходзіць ад жыцьця, а сярод моладзі яўна назіраецца абыякавасьць да рэлігіі.

- Тут дазволь з табою не зусім пагадзіцца, працэс гэты больш складаны, і зараз шмат моладзі зноў вяртаецца да рэлігіі, але ўсё ж, у чым прычыны такога цяжкага становішча каталіцкага касьцёлу на Беларусі?

- Вытокі гэтае праблемы сыходзяць да часоў сталінізму, калі была рэпрэсаваная большасьць беларускіх сьвятароў, зьнішчана вялікая колькасьць храмаў /пераважна каталіцкіх/. Тады актыўна праводзілася праграма ваяўнічага атэізму. Гэта ў пэўнай меры і прывяло да такога стану рэлігійнага, які сёньня пануе на Беларусі. Але ёсьць і іншыя прычыны:

1/ адсутнасьць каталіцкага і праваслаўнага беларускіх выдавецтваў, у выніку чаго народ /асабліва моладзь/ застаецца рэлігійна недасьведчаным;

2/ рознага роду абмежаваньні, з якімі сутыкаюцца ў нас вернікі; напрыклад, паводле заканадаўства СССР веруючы чалавек не мае права займаць кіраўнічыя пасады ў дзяржаўных установах, працаваць настаўнікам і г.д.;

3/ недахоп сьвятароў на Беларусі - гэта мае свае вытокі ў вышэй сказаным.

- Ці бачыш ты выйсьце з гэтага становішча?

- Выйсьце можа быць толькі тады, калі адбудуцца нейкія кардынальныя зьмены ў нашым грамадстве. А пры сучасным стане рэчаў я такога выйсьця не бачу. Ужо іншая справа, - чым рэлігійны нацыянальны рух /нават на сучасным этапе/ можа садзейнічаць набліжэньню гэтых зьменаў? Але тое ўжо выходзіць за межы нашай гаворкі.

- Вялікі дзякуй, зычу посьпехаў у тваёй працы.

/С - а/

2

МОВА - НАШ СКАРБ

"Шкада мне гэтага народу, бо не мае чаго есьці" - сказаў Хрыстус. Прачнулася прага да праўдзівага слова Госпада. І становіцца зразумелым, што чалавек мае не толькі цела, але і душу, душу разумную, несьмяротную, створаную і для Бога і для вечнага свайго шчасьця. Пацягнулася ў бажніцы моладзь і людзі сярэдняга веку. Хрысьцяцца і прычашчаюцца, бяруць шлюб і моляцца шчыра. Не пад прымусам і не з-пад палкі, ці таму што "так прынята" або "ўсе ходзяць". А таму, што сыходзіць праасьветленасьць Боская, шукае душа супакою і чысьціні, і не могуць веру ў Пана Езуса замяніць ні строгая навука, ні абсурдны атэізм, ні тэлі ці кіно. Усе спробы такога падмену атэістамі прыводзяць да распусты і алкагалізму, наркаманіі і дэградацыі асобы. Нянавісьць і чэрствасьць пасяляецца ў затуманеных душах, няма там гармоніі і сьветласьці і не Чалавек ужо ходзіць па зямлі...

Дазвол на выкарыстаньне беларускай мовы ў сьвятынях беларусы-каталікі атрымалі яшчэ ў пачатку XX стагодзьдзя ад папы Пія X. У Рыме прыхільна ставяцца да нашае мовы, бо на роднай мове мы лепей зразумеем патаемныя словы і вальней данясем свае думкі да Бога. Апостал Паўла пацьвярджае, што калі Дух Сьвяты сышоў на хрысьціянаў, дык першым дарам Духа Сьвятога было тое, што пачалі гаварыць да кожнага народу ў ягонай роднай мове. Папа Ян Паўла II ведае беларускую мову і зьвяртаецца да каталікоў-беларусаў на ёй. Родная мова дадзена нам Панам Богам, таму мы гаворым на ёй і на ёй славім Езуса Хрыстуса.

Мікола Кікевіч

Замятаюць сьляды

У канцы лютага 1988 года стала вядома, што ў Заходнеберлінскім цэнтры архіўнай дакументацыі зьнікла 80 000 дакументаў пэрыяду фашысцкай Нямеччыны. Як яны зьніклі, невядома. Папярэдняе расьследаваньне нічога не дало.

На другі дзень у Ленінградзе ў бібліятэцы Акадэміі навук СССР адной з самых багатых у краіне, згарэў газетны фонд. Спалены ўсе газеты пэрыяду сталінізму - з 20-х, 30-х, 40-х гадоў і іншых. Раней такі ж пажар /спаленьне газетнага фонду/ адбыўся ў Кіеве.

У так званы застойны пэрыяд у 70-х гадах была выдадзена інструкцыя бібліятэкам па ўпарадкаваньні фондаў і зьнішчэньні газет. Ва ўсіх бібліятэках - ад валасных, раённых да рэспубліканскіх - адбывалася "чыстка" фондаў. Асабліва пацярпелі газетныя і часопісныя фонды, тое, што зьяўляецца летапісам часу. Малапісьменныя чыноўнікі, якімі звычайна напоўнены савецкія бібліятэкі, пускалі на макулатуру пад нож нават рэдкія выданьні па гісторыі краіны, дзяржаўства, літаратуру на замежных мовах /у тым ліку і беларускую, бо яна для іх замежная, асабліва калі на лацінцы/. Страты велізарныя.

Трэба ўлічыць таксама, што ўсялякія спецсховы, дзе ляжыць пад замкамі "арыштаваная" літаратура, у тым ліку і рэлігійная, увогуле не падпарадкоўваюцца бібліятэкам, а непасрэдна КДБ. У іх свае інструкцыі, паводле якіх яны могуць зьнішчаць практычна любое выданьне, пакідаючы ад яго /да пары/ толькі адзін экземпляр. Аўтадафэ ў бюракратыі мае не толькі таемны, але і дзяржаўна арганізаваны характар. Таму не сьпяшайцеся выкідаць газеты! Зьбірайце і захоўвайце іх. Гэтым будзе зроблена паслуга для гісторыі.

/ ЯГАД /

Сімпозіум нацыянальнасьцяў у Лодзі

23-25 сьнежня 1987 г. на працягу трох дзён у горадзе Лодзі ў Польшчы адбываўся сімпозіум па праблемах нацыянальных меншасьцяў у ПНР. Сімпозіум пад назвай "Прадпасылкі адзінства" арганізавала Душпастырства Творчых асяродкаў пры касьцёле езуітаў. Гэта быў першы сход такога роду, арганізаваны палякамі за ўсю гісторыю ПНР. Сабралася некалькі сотняў прадстаўнікоў ад беларусаў, палякаў, украінцаў, летувісаў.

Адразу выявілася прыкрая акалічнасьць: для большасьці жыхароў ПНР да сёньняшняга дня невядома, што ў Польшчы, акрамя палякаў, жывуць яшчэ беларусы, украінцы, летувісы, займаюць адпаведныя этнічныя тэрыторыі, маюць свае грамадска-культурныя таварыствы і друкаваныя выданьні. Зрэшты гэта нікога не павінна надта дзівіць, калі прыгадаць, што бюракратычныя рэжымы у ПНР і ў БССР аднолькавыя. Насельніцтва БССР таксама практычна неінфармаванае пра жыцьцё беларусаў у Польшчы на Беласточчыне. Да 1987 г. фактычна нельга было выпісаць беластоцкую "Ніву", і да сёньняшняга дня яна не прадаецца ў кіёсках БССР, хоць "Трыбуну люду" і іншыя газеты ПНР можна набыць - калі ласка, у Менску [illegible].

Дакладнай колькасьці непольскага насельніцтва ў ПНР таксама, аказваецца, ніхто не рабіў. З гэтым напалам падлічвалі самі сябе, і паводле прыблізных звестак выходзіць, што беларусаў на Беласточчыне 300 тысяч, столькі сама ўкраінцаў у паўднёва-усходняй Польшчы і 10 тысяч летувісаў на паўночна-усходняй мяжы. Беларускае і украінскае насельніцтва ў Польшчы належыць пераважна да праваслаўнага веравызнаньня, летувісы - каталікі.

На пачатку 80-х гадоў, калі пачаліся трагічныя падзеі ў Польшчы, востра выявілася, што і беларусы і украінцы маюць свае грамадска-нацыянальныя патрэбы і дамаганьні, якія нельга ігнараваць без шкоды грамадству. Але прайшло амаль сем гадоў, пакуль па ініцыятыве польскіх ксяндзоў адбыліся першыя слуханьні і сустрэча прадстаўнікоў нацыянальнасьцяў Польшчы.

Найбольш актыўнымі на сімпозіуме былі ўкраінцы. Большасьць дакладаў прачытана па польска-ўкраінскай тэматыцы. Беларусы выступілі з трыма дакладамі. З іх праса адзначае вострае, аргументаванае выступленьне Сакрата Яновіча, які паведаміў, што беластоцкія беларусы падвяргаюцца асіміляцыйнаму націску з боку ўлад, гіне іх нацыянальная культура, асаблівасьць, мова, самабытнасьць. С.Яновіч прывёў шматлікія факты мэтанакіраванага перайменаваньня назваў беларускіх вёсак на польскі лад, сьвядомага зьнішчэньня мясцовых тапаграфічных найменьняў.

Аналагічную чорную справу твораць улады ў БССР, дзе ў 1960-1970-х гадах былі перайменаваныя сотні вёсак, мястэчак і гарадоў на расійскі манер /назвы тыпу "Ромашки", "Радужная", "Сирень", "Сиреневка", "Октябрь" і да т.п./ . Тое самае на сваю карысьць ціхам робяць з беларускімі вёскамі і летувісы на Віленшчыне.

Сімпозіум практычна не прывёў да нейкага акрэсленага выніку. Задача яго — пазнаёміцца з праблемамі народаў-суседзяў — відаць, была ўсё ж вырашана станоўча. Першы крок насустрач адзін аднаму зроблены. Прытым зроблены ён не па ініцыятыве і не пад кантролем польскіх улад і партыйных бюракратаў.

/З газет/

Стэрэатыпы

Польская газета "Тыгоднік повшэхны" /3.01.1988/ зьмясьціла інфармацыю з сімпозіуму нацыянальнасьцяў у Лодзі. У некаторых дакладах былі акрэсьленыя стэрэатыпы ўспрыйманьня іншых народаў "сярэднім палякам". Аказваецца, што вобраз "украінца-гайдамака з нажом у зубах" яшчэ жыве ў сьвядомасьці насельніцтва Польшчы. Такой жа архаічнасьцю вее і ад стэрэатыпа "беларуса": "спакойны, флегматычны, ціхі, занадта добры, не прыстасаваны да цяжкага сьвету барацьбы". А можна так і ёсьць? Мо' той і гіне "ціха", хто не змагаецца за дабро?

Паўстаньне і рэлігія

Памяць пра паўстанцаў 1863 г. болей актуалізуецца ў душы кожнага, каму дадзена спасьцігнуць усю трагічнасьць іх лёсу. Трагізм іх жыцьця не толькі ў тым, што яны, усьведамляючы непазьбежнасьць паражэньня, ішлі на сьмерць, не толькі ў жорсткай расправе, якую ўчынілі над імі вялікадзяржаўныя ўлады. Трагізм у тым, што новыя ўрады розных колераў намагаліся выкрасьліць з памяці беларусаў калі не само паўстаньне, дык праўду пра яго.

Але да ўзьлёту духоўнасьці, самаахвярнасьці, веры ў Бога і Беларусь, што дасягнулі паўстанцы, ва ўсе часы імкнуліся людзі, не абыякавыя да лёсу Бацькаўшчыны. І таму людзі перадавалі памяць пра 1863 год сваім унукам, і кожнае новае пакаленьне па-новаму асэнсоўвала шлях паўстанцаў да вышыняў Веры і Адданасьці.

Крокам да асэнсаваньня мінулага сталася выстава ў Менску, прысьвечаная 150-й гадавіне нараджэньня Кастуся Каліноўскага і 125-м угодкам паўстаньня, якая адбылася ў студзені - лютым гэтага году. Шмат было цікавых твораў, вартых асобнай гаворкі. Але тут хочацца закрануць адзін факт - неадлюстраваньне ў мастацкіх творах удзелу ў паўстаньні беларускага сьвятарства. Як можна забыцца імёнаў сьвятароў, якія склалі свае галовы на ахвярнік Бацькаўшчыны ў 1863 г.:

Кс.Станіслаў Ішора, вікары з Жалудка, расстраляны ў Вільні 3 чэрвеня 1863 г.

Кс.Адам Фалькоўскі, пробашч парафіі Якум, расстраляны ў Лідзе 22 чэрвеня 1863 г.

Кс.Ісідор Парэйка, вікары з Мусктаў, расстраляны ў Тэльшах 10 ліпеня 1863 г.

Кс.Ігнат Руго, расстраляны ў Дынабургу 28 чэрвеня 1863 г.

Кс.Фалікс Дзікевіч, пробашч парафіі Зэльмы, павешаны ў Тальшах 10 ліпеня 1863 г.

Кс.Тафіль Кечкоўскі, вікары Новамейскі, расстраляны ў Коўне 24 жніўня 1863 г.

Кс.Антон Мацкевіч, з Тэльшаўскага біскупства, павешаны ў Коўне 28 сьнежня 1863 г.

І шмат іншых, што загінулі або былі высланыя ў Сібір.

Яны хавалі зброю, дагледзілі параненых, дапамагалі грашовымі сродкамі, але самае галоўнае - яны натхнялі паўстанцаў на змаганьне з царскім уціскам, былі праваднікамі барацьбы за духоўнае адраджэньне Беларусі. Але трэба ведаць, што да 1839 г. абсалютную большасьць хрысьціянскага насельніцтва Беларусі /звыш 80%/ складалі ўніяты. Праваслаўных тады было не болей за 5-6%, астатнія каталікі і людзі іншых веравызнаньняў. Уніяцтва сталася да таго часу фактычна агульнабеларускай рэлігіяй. Уніяцкая царква падпарадкоўвалася Рыму, паслугоўвалася беларускай мовай і захоўвала грэцкія абрады. З 1839 г., калі царызм пачаў рашуча зьнішчаць

▶ 4

Уніі і гвалтам пераводзіць чарод у праваслаўе, вельмі шмат людзей, не хочучы падпарадкоўвацца цару, перайшлі ў каталіцтва. Варожыя сілы падзялілі Беларусь на дзьве палавы. Але памяць пра Унію ў 1863 г. яшчэ жыла ў народзе.

Якраз пра гэта, пра вяртаньне Уніяцкай веры і храмаў піша Кастусь Каліноўскі ў "Мужыцкай праўдзе": "Нарабіў нам гэтага ліха, дзяцюкі, цар маскоўскі, ... адабраў ад нас нашу справядлівую Уніяцкую веру і пагубіў нас перад Богам навекі; а зрабіў гэта дзеля таго, каб мог нас без канца драці, а Бог справядлівы як меў зьлітаваньня над намі" /"Мужыцкая праўда", № 6/. Уцякаючы ў каталіцтва, беларускі сяляне супраціўляліся такім чынам царызму.

І таму, зьнішчыўшы паўстаньне, Мураўёў са сваімі паслугачамі веры за ўсё нішчыў саму яго душу – духоўнасьць паўстанцаў з імем Божым. І пачалося пасьля 1863 г. гвалтоўнае зачыненьне або нават руйнаваньне касьцёлаў. У канцы XIX ст. былі зачыненыя дзесяткі храмаў і сярод іх у 1864 годзе Дамініканскі кляштар і касьцёл у Троках, Францішканскі кляштар і касьцёл у Вільні, Бернардынскі кляштар у Слоніме, Кармэліцкі касьцёл у Глыбокім і інш. У 1866 г. зачынілі касьцёл і кляштар у Ічуне, касьцёл у Пружанах, Дамініканскі касьцёл у Гародні і інш.

Гэтая ж палітыка працягвалася і ў XX ст.: падчас разгулу ваяўнічага атэізму ў 30-я гады і ў часы бюракратычнае барацьбы са спадчынай беларускага народа ў 50 - 80-я гады.

І таму зараз дзеля ўратаваньня нашых сьвятыняў так неабходна зьвярнуцца да сваіх карэняў, да гісторыі нашых бацькоў, сьвятарства і рэлігіі. Перад мастакамі, кампазітарамі, гісторыкамі стаяць вялікія задачы. Нельга забываць, што наша культура, як і ўся эўрапейская культура, стаіць на глыбокім падмурку народа і Хрысьціянства.

Н.Н-ц

"Усе плачам"

Некаторыя старыя беларускія савецкія паэты, якія ў часы Брэжнева ўслаўлялі ў юбілейных прамовах "вялікія зьдзяйсьненьні" партыі і "разьвітога сацыялізму", цяпер, калі дазволілі загаварыць, кідаюцца ў роспач і песімізм, назіраючы трагедыю разбурэньня народа, мовы, Бацькаўшчыны і культуры. Пімен Панчанка, напрыклад, надрукаваў у "ЛіМе" /26.02.88/ верш "Разьвітаньне", дзе плача над тым, што "наш пагінуў адмоў. Зьнікла мова ў народзе" і заканчвае такім сьлёзным усклікам над трунай: "Родны Янка Купала, Вы пісалі: "Я веру, настане..." Дарагі мой Іван Дамінікавіч, не, не настане! Гэта ўжо не сьвітаньне, гэта наша настала зьмярканьне, гэта з мовай маёй, гэта з песьняй маёй разьвітаньне". Засталося толькі заламаць рукі і памерці. Такія вершыкі ў цяперашнім нашым крытычным стане, напісаныя старым чалавекам, гавораць пра яго глыбокія пачуцьці і перажываньні, але не сьведчаць аб мудрасьці. А гэта драма, бо да Пімена Панчанкі шмат хто з маладых ставіцца з вялікай павагай, чакае разумных думак, вытрымкі і цьвёрдасьці.

Што ж, калі так, то можна параіць старому паэту перачытаць сваё творы і выступленьні з 70-х гадоў, дзе ён гэтак шчыра і аддана ўслаўляў тыя "вялікія заваёвы", у выніку якіх цяпер плача. Вось над чым трэба паплакаць нашым паэтам і, дарэчы, пакаяцца, а не разводзіць сырасьць над жалобную музыку.

Жыве Беларусь і будзе жыць! За Бацькаўшчыну трэба змагацца, а не развазваць сьлёзаў. Змагацца і верыць, якой бы суровай ні была рэчаіснасьць, якім бы пагрозным ні быў вораг. Відаць, жыцьцё нічаму не навучае бязбожнікаў. Некаторых нават срэдзіскія хупагубкі не направілі.

КУПАЛА І КАТАЛІЦЫЗМ.

Геніяльны беларускі паэта Янка Купала нарадзіўся ў каталіцкай сям'і і выхоўваўся ў каталіцкай хаце. Бацькі ягоныя: Дамінік Ануфрыевіч Луцэвіч і Бенігна Язэпаўна Луцэвіч з роду Валасевічаў, паходзілі з беларускай шляхты і цьвёрда трымаліся бацькоўскай каталіцкай веры. Маленькага Яся хрысьцілі ў Радашковіцкім касьцёле / кажуць, там няма ніякай памяткі аб гэтым/. Уражлівая душа хлопчыка нерва, мусіць, замірала ад радасьці пры гуках касьцельнага аргану і сьпеваў. Яны абуджалі ягоную фантазію, любоў да прыгожага, спрыялі гарманічнаму, паэтычнаму ўспрыняцьцю сьвету. Жывучы ў Пецярбурзе ў 10-х гадах нашага стагодзьдзя, Купала сябраваў з беларусамі-навучэнцамі Пецярбургскай каталіцкай акадэміі, якія выносілі думкі несьці слова народу ў яго роднай мове. Купала чытаў і вельмі цікавіўся першай беларускай каталіцкай газэтай "Беларус".

Ён быў глыбока перакананы ў карысьці каталіцкага друку ў беларускай мове. Перапісваючыся з Б.Эпімах-Шыпілам, выкладчыкам Пецярбургскай каталіцкай духоўнай акадэміі, Купала прасіў: "Будзьце ласкавы, купляйце для мяне і перасылайце "Беларуса". Адным з лепшых сяброў Купалы быў ксёндз Астрамовіч, які пісаў вершы пад псеўданімам Андрэй Зязюля. Зноў у лісьце да Б. Эпімах-Шыпілы з Акопаў, што на Лагойшчыне, у чэрвені 1912г. Купала паведамляў: "На днях мяне зьбіраюся зьезьдзіць да кс. Астрамовіча, а стуль, нагасьціўшы трохі дома, усё-такі пастараюся быць у Вільні". У 1920г. беларускі ксёндз Абрантовіч, адзін з лідэраў Беларускай Хрысьціянскай Дэмакратыі, дагледзіў Купалу, дзяжурыў начамі каля яго ложку, у часе цяжкай хваробы паэта. Пра гэта піша сам Купала: "На пачатку ўсяго, у 1920г., у студзені, я захварэў страшнай хваробай: гнойнае запаленьне сьлепой кішкі. Праляжаў у бальніцы, змагаючыся з сьмерцю, тры месяцы і выйшаў з пакрыўленай губой і з надломленым усім здароўем. Папраўдзе пабываў на тым сьвеце. Толькі дзякуючы добрай апецы, асабліва ксяндзу-рэктару Менскай духоўнай сэмінарыі Абрантовічу, я не пайшоў да Абрагама на піва". Яшчэ перад гэтым, 23 студзеня 1916г., далёка ад Беларусі ў Маскоўскім Петрапаўлаўскім касьцёле Янка Купала ўзяў шлюб з Уладзіславай Станкевіч. Варункі жыцьця ў 20-30-х гадох не давалі магчымасьці Купалу праўдзіва адбіць свае адносіны з рэлігіяй.

У перадрэвалюцыйнай ягонай творчасьці рэлігійныя матывы, стасункі простага чалавека і веры займалі вялікае месца. Купала не раз падкрэсьліваў, што талент, які ён мае, гэта Божы дар: "Буду пець, бо мне дар гэты Богам пасланы" /Адповедзь/
Дар гэты дадзены Богам, каб служыць людзям, беларускаму народу:

Я нясу вам дар
Братніх скіб і сяўб
Цудных сосен і ліп
Божы дар, сэрца жар.

Паэт верыць у стварэньне нашага сьвету ад ласкі Божай:

Божа! Гэткі сьвет тут
Моц стварыла твая!
/Над сваёй Айчынай/.
Усяк ёй жылося
На сьвеце на Божым
/Бабулька прадаўчыня зёлак/.

Купала адкрыта зьвяртаецца да Бога калі размова заходзіць не пра асабістыя крыўды і згрызоты, а пра лёс, будучыню беларускага народу. Вершы тады яго пераходзяць у шчырую малітву:

О Божа Праведны, Ты сілу
Сваю вялікую акажы:
Нягі ідуць з Бацькаўшчыны мілай
Свайму слузе дапамажы.
Сашлі мне сьветлую падмогу
Астаткі сіл сваіх аддаць
І —не зрабіўшы брату злога—
Пад крыжам бацькавым сканаць.
/Прыстаў я жыць.../

Купала гатовы ўсяго сябе аддаць Богу, прысьвяціць свае жыцьцё ўсявышняй справядлівасьці, каб відзець свой край вольным і незалежным:

Я буду маліцца і сэрцам і думамі,
Расьпетаю буду маліцца душой,
Каб чорныя долі з мяцеліцай думамі
Ужо больш не палялі над роднай зямлёй.
/Мая малітва/

▶ 5

Купала ўпэўнены ў духоўнай сіле адраджэньня беларускага народа. І само адраджэньне ён уяўляе як касьмічны гімн-малітву нашай долі, якая пачуе што мае сіроцкую долю:

Мы роўнуў б песьню вясёлу..
Заззялі б тэй зоры, бялюсьне,
А тужна сіроцкая песьня
Па сьвеце лунала з трывогаў.

Мы пялі б, маліліся сьмела,
Каб наша малітва ўзьляцела
Аж там, як над небам, да Бога!
/З сіроцкай долі/

Надзвычай важнае значэньне для беларусаў мела першае друкаванае перыядычнае слова, бо гэта быў вялікі пачатак вялікай справы адраджэньня народа. Купала, прысьвяціўшы верш "Нашай Долі", надае гэтаму факту момант сьвятасьці, Боскасьці:

Прывітайма "Долю",
Як анёла Бога з неба,
Як сьвятую волю!
/Нашай Долі/

Зямлю, на якой працавалі сяляне, Купала разумеў у народнай традыцыі, як Божы дар: Поле маё, поле!
Ты мне дарам Божым...

Згодна з евангельскімі прынцыпамі сацыяльнай справядлівасьці Купала не стамляецца нагадаць пра тое, што зямлю сялянам даў не чыноўнік альбо пан, але Бог і сяляне маюць на яе вышэйшыя за любыя людзкія — Боскія правы:

Што ты сьпіш, што ты сьпіш,
Беларускі мужык?
Глянь! Усталі ўсе,
Як сьвет Божы вялікі!...
Няхай адымуць з цябе
Чынш, падаткі, налог,
Бо бясплатна для нас,
Даў зямлю гэту Бог!
/Што ты сьпіш/

Хоць нам гэту зямлю-матку
Бог бясплатна дараваў
І плаціць чыншоў, падаткаў
За яе нам не казаў...
/Ах, ці доўга/

Купала, апісваючы працу сялян у полі, паказвае выключнасьць такога адказнага моманту ў сялянскім жыцьці як сяўба з Божай апекай, бо ўсё жывое на гэтым сьвеце ад Бога:

Тут кожны, сяўца хто пабача,
Стары, ці малады, ці кабета,
— Радзі, памажы, Божа! — кажа,
А лёгка ж на сэрцы чуць гэта!
— Радзі, памажы, Божа! — скажам
І мы сяўцам усякага роду,
А з верай, што добрага севу,
Зьбіруць яны й добру ўроду.
/Сявец/

Высыпле гэты на поле народ
І сеяць будзе сьвяшчоннае збожжа..
Добры ўраджай, спорны ўмалот
Працавітым людзям пашлі, Божа!
/Перад вясной/

Як і ўсе рамантыкі па натуры, Купала надзвычай тонка адчуў сувязь сваёй душы з Усявышнім. Ён любіў Бога і любоў гэта была найпрасьцейшай і балючай. Яна [illegible] зямнога і, бывала, абвальвалася з выкрыцьцём, як гэта быў гнеў, народжаны любоўю, бо ніколі ў Купалы не было нічога чысьцейшага і вышэйшага чым любоў да Бога. Вуснамі нашага генія з намі размаўляе Усявышні. Ён заклікае нас любіць адзін аднаго, свой край, народ, мову, Беларусь. Ён заклікае ні на хвіліну не забываць пра чалавечую, акрасную ад жудлівага сьвету, сутнасьць. Дык будзем любіць і ўхваляць Бога, якога не цураліся, якому служылі лепшыя сыны нашага народу!

Кіневіч

ХРЫСТОС ВАСКРОС!

Як Беларусь, ушыр, далёка,
Плыве з зямлі аж да нябёс,
Ва хвалях горнага патоку
Вясёлы сьпеў: "Хрыстос Васкрос!"

"Хрыстос Васкрос!" — іграюць звоны
Па нашых тысячных царквох,
І сэрцаў нашых мільёны
Утораць ім па ўсіх мясцох.

Хрыстос Васкрос, як нас навучыла,
Як той нябесны фіміям,
Людзкое сэрца напаўняе
І радасьць усім нясе людзям.

"Хрыстос Васкрос!" — зьвініць паветра,
Плыве па горах і палях,
Чуваці сьпеў у шуме ветру,
Пяе пра тое ў небе птах.

Бацькі дзяцей вітаюць гэтак,
А дзеці зноў бацькоў сваіх —
"Хрыстос Васкрос!" — у словах гэтых
Жыве любоў, надзея іх.

"Хрыстос Васкрос!" — У рай дзьверы
Для ўсіх народаў адчыніў.
Злучыся, мой народзе, ў веры,
Каб нас Хрыстос багаславіў.

У.Б-ч

Уваскрашэньне наша!

Цярпеньне, сьмерць і Уваскрашэньне Хрыстова ёсьць не толькі гістарычным фактам, але і сімвалам сутнасьці і сэнсу для сусьветнае гісторыі. Яны сімвалізуюць змаганьне дабра са злом. З якімі маленькімі сіламі даводзіцца часам дабру выступаць супроць зла, а ўсё ж урэшце, насуперак недасканаласьці фізічных магчымасьцяў, насуперак усялякім матэрыялістычным разьлікам, дабро заўсёды перамагае! Ці даўно, апошні раз у 60-х гадах хавалі нашу мову, даючы ёй на дажываньне не болей як 20 гадоў. І што ж? Тэрмін прайшоў, а мова жыве. І будзе жыць!

Хараство і веліч ідэі дабра ўмацоўваюць шэрагі нешматлікіх да пачатку ягоных носьбітаў, якія запаляюць і цягнуць наперад за сабою народныя масы.

Для нас, беларусаў, Зьмёртвыхустаньне /Уваскрасеньне/ І.Х. сімвалізуе сабою адвечнае змаганьне нашага народу за свае шчасьце і нацыянальную справядлівасьць. За сваю волю, нацыянальную культуру, звычаі ён вядзе ўпартую барацьбу ўжо з даўніх часоў. Было, што часова перамагалі варожыя сілы, і гінулі лепшыя змагары, але ідэя нацыянальнай вечнасьці заставалася заўсёды жывой. І таму Вялікдзень ёсьць для нас штогадовым напамінам адвечнага жыцьцёвага закону, што дабро заўсёды перамагае, а зло, раней ці пазьней, гіне. Праўда на зямлі пераможа, і ніхто не мае моцы ёй у гэтым перашкодзіць!

Сьвятар і паэт

Казімір Сваяк /Кастусь Стэповіч/ беларускі паэт і ксёндз нарадзіўся ў вёсцы Барані Сьвянцянскага павету 10 лістапада 1890 году ў сям'і сялян. Да гадоў дзесяці, г.зн. да сканчэньня пачатковай школы, крайняя малады лірык усе беды і журбы сялянскага дзяцінства. Вялікі ўплыў на яго развіцьцё зрабілі бабуліны казкі, якія цешылі і суцяшалі душу будучага беларускага песьняра. Бацькі аддаюць малога Кастуся ў навуку, і ў 1905 годзе ён сканчае школу ў Сьвянцянах.

З маленства Кастусь чуў у сабе покліч да духоўнага стану. Духоўнае жыцьцё выдавалася яму найбольш адпаведным і ён апынуўся ў духоўнай семінарыі ў Вільні. Там ён, чытаючы "Нашу Ніву", захапіўся беларускім адраджэнскім рухам. У гэтым часе друкуе Сваяк у выданьні віленскай газеты "Беларус" першыя свае вершы і распачаў працу па развіцьці беларускае нацыянальнае сьвядомасьці. Увесну 1915 года ён быў высьвечаны на ксяндза ў Петраградзе. Першыя крокі пастырскай працы Сваяка былі ў Камаях Сьвянцянскага павету. Неўзабаве за нямецкай акупацыяй ён пераехаў у сваю родную парафію ў Кліпчаны, дзе прабыў год і дзе вымала палажыў працы сярод моладзі, арганізуючы і ўзгадоўваючы яе як з боку рэлігійна-маральнага, так і беларускага нацыянальнага. У хуткім часе духоўныя ўлады прызначаюць Сваяка вікарым у Карыціх /Горадзеншчына/, дзе ён прабыў да вясны 1918 года. Увосень 1920 года Сваяк прызначаны на пробашча ў Засьвір. Ужо тады ён моцна хварэў на сухоты. У гэтым самым часе давялося яму перанесьці немала прыкрасьці і трывогі ад адміністрацыйных уладаў. Канец 1925 і пачатак 1926 года Сваяк прабыў у Закапаным. Але здароўе ягонае было зруйнаванае канчаткова. У апошніх сваіх лістах да ксяндза Адама Станкевіча ён жадаў, каб "сярод сваіх мог дажыць кароткі свой дзянёк" і каб на ім "не было дакорна чужое". 6 траўня 1926 года як сьвечка на аўтары мук і цярпеньня згас ксёндз Кастусь Стэповіч, пясьняр беларускі, у творах сваіх вядомы пад псеўданімам Казімір Сваяк. Пахаваны ён у Вільні на могілках Росы. К.Сваяк быў вельмі таленавіты, чуйным і цікавым паэт і філосаф, але з прычыны свайго сьвятарства не мае прызнаньня ў савецкай афіцыйнай крытыцы і літаратуразнаўстве. Ягоныя вершы нідзе не друкуюцца, бо тады як жа з міфам пра ксяндзоў-ваўкалакаў? Не стае сумленьня і сьмеласьці сказаць, што сярод іх былі самыя лепшыя і адукаваныя сыны Беларусі, якія за свой народ, за Бацькаўшчыну былі гатовыя аддаць жыцьцё.

Казімір Сваяк пакінуў па сабе некалькі кніжак. [illegible] Лірычная споведзь-гісторыя свайго жыцьця - "Дзея маёй мысьлі сэрца і волі" - выйшла ўжо пасьля яго сьмерці ў 1932 годзе ў Вільні ў выдавецтве "Хрысьціянскай думкі". Ксёндз Кастусь Стэповіч пераклаў таксама рэлігійных твораў і папераў на беларускую мову з лацінкі. Такім чынам двойчы выйшла /апошні раз у 1934 годзе ў Беларускім каталіцкім выдавецтве ў Вільні/ кніжка для набажэнства беларусаў-каталікоў "Голас Душы".

Друкуем два вершыкі Казіміра Сваяка:

БРАТУ НАСТАЎНІКУ

Ці у долі, ці ў нядолі,
Не гаруй, брат, аніколі:
Даў Бог хлеба, дасьць і неба,
Дасьць усяго, чаго трэба.
Не сумуй, хоць льлюцца сьлёзы,
Будзь і сьмелы і цьвярозы;
Вер, што Беларусь устане,
Згіне хітрых панаваньне.
Духам глянь кругом - наўкола:
Вакрэсуе наша школа;
Роднай мовай, родным чынам
Акшчэць нам бадачына.

ГІМН РОДНАЙ ЗЯМЛІ

Зямліца пралесьці ціхой,
Крывавай сьпісана рукой,
Айчына-Маці-Беларусь,
Цяжкі лёс Твой.

Паклон з трудом Тваім дружбе,
Паклон за волю барацьбе,
Айчына-Маці-Беларусь,
Паклон Табе.

Жалосна плача песьня Твая
І Бога моліць сьлёзная,
Айчына-Маці-Беларусь,
Ты родная.

Ідзе вось ясная пара,
Праўду сьвеціць нам зара,
Айчына-Маці-Беларусь
Гарой, Жыва!

У 1990 годзе споўнілася 100 гадоў з дня нараджэньня Кастуся Стэповіча, вялікага слаўнага паэта і сьвятара.

Мікола К-ч.

ФАРА ВІТАЎТА

З найстаражытнейшых бажніц у Гародні лічыцца касьцёл Найсьвяцейшай Марыі Панны - Маткі Боскай, або фара Вітаўта. Уфундаваны ён быў у канцы XIV стагодзьдзя /1392 г./ вялікім князем Вітаўтам і знаходзіўся на зьбегу вуліцы Замкавай і пляцу Баторага. Каралева Бона ў 1551 годзе касьцёл той грунтоўна аднавіла і перабудавала ў стылі позьняй готыкі. Пазьней бажніца была моцна пашкоджана пажарам пры Станіславе Аўгусьце /1792 г./ і ў выніку перабудовы набыла некаторыя рысы неакласіцызму /эпохі Станіслава Аўгуста/. Пасьля апошняга пажару /1892 г./ фара была цалкам перабудаваная ў стылі расійскага праваслаўя, што вельмі зьнізіла яе архітэктурныя вартасьці. У руках праваслаўнага духавенства яна знаходзілася да 1910 года. У 1922 годзе, калі Гародня ўваходзіла ў склад Польшчы, распачалася рэстаўрацыйная праца па ўзнаўленьні касьцёла. І трэба зазначыць, што па заканчэньні рэстаўрацыі ён зноў набыў свой пачатковы выгляд. З 1925 па 1939 год быў дзейны.

Падчас другой сусьветнай вайны касьцёл не быў пашкоджаны. Але ў 1966 годзе яго ўзарвалі. Зараз на тым месцы - пустэча. А гэта ж быў найстаражытнейшы касьцёл па ўсёй Беларусі. З фарай Вітаўта зьвязана шмат цікавых паданьняў і легендаў. Сьвяты сьв.Казімір падчас свайго знаходжаньня ў Гародні, позьняй ноччу выходзіў босы на малітву. А калі дзьверы касьцёла былі замкнёныя, тады ён кленчыў і цалаваў прыступкі, парог і касьцельныя дзьверы.

У змаганьні з рэлігіяй бязбожнікамі была зьнішчана адна з нацыянальных сьвятыняў беларусаў. Ды ўсё бачыць вока Гасподняе, і зло не застанецца непакаранае.

/Погляд/

Фарны касьцёл Вітаўта. Перадваенная фота

СЬВЯТЫ КАЗІМІР-КАРАЛЕВІЧ ВЫЗНАЎЦА

Людзі, каторыя самі не вераць у Бога і стараюцца скрыць сваё недаверства сярод іншых, ніспамераў кажуць, што Бога людзі духоўныя выдумалі, што калі чалавек хоча быць вучоным, разумным, сучасным, то павінны верэ-наперш адрачыся і Бога, і ўсяго, што з верай у яго злучана.

Такі погляд у іх зусім фальшывы. Сярод каталіцкіх сьвятых ёсьць шмат вучоных і разумных, як ні адзін з самазваных мудрацоў-, недаверкаў.

За прыкладам сьвятых павінны ісьці і мы ўсе, бо ў сьвятых усе роўныя, і побач з папамі, біскупамі, каралямі, вучонымі – бачым у каталіцкім касьцёле і людзей простых, як сьвятая Зіта або сьвяты Ісідор.

Дык хаця ўсе сьвятыя заахвочваюць нас да насьледаваньня іх цнотаў, усё ж бліжэйшымі да нас павінны быць тыя, хто жыў некалі між нас, на нашай зямлі. Такім сьвятым нашым ёсьць сьвяты каралевіч Казімір; кажу "нашым", бо жыў з нашымі продкамі, успамінаў, любіў наш беларускі народ, маліўся за яго ды лічыцца патронам нашага краю.

Нарадзіўся сьвяты Казімір у Кракаве на Вавэлю у каралеўскім замку, сын караля польскага і вялікага князя беларуска-літоўскага Казіміра IV, у 1458 годзе. Большую частку жыцьця свайго правёў у Вільні – даўняй сталіцы Беларусі, ды ў Гародні. Гадаваны сваёй набожнай маткай у сьвятой каталіцкай веры сьвяты Каралевіч змалку палюбіў усё нябеснае, усё, што гаварыла пра Бога, пра жыцьцё вечнае.

Падросшы, пазнаўшы навуку людзкую ды навуку Божую, пераканаўся ў марнасьці славы, каралеўскіх гонараў. Маладым і чыстым сваім сэрцам і душой – зьвярнуўся суцэльна да Бога, да Маці Божай, бо толькі ў злучнасьці з імі бачыў мэту свайго земскага жыцьця. Адкінуў каралеўскія выгады жыцьця ды ўсё, што было магчымым, спаў на цьвёрдай зямлі, насіў грубую кашулю з конскіх валасоў ды заўсёды пасьціў, аддаючы свае яду бедным, а да ўсяго гэтага яшчэ вельмі маліўся; маліўся не толькі ўдзень, маючы вольныя ад працы часіны, але і ўначы, ляжачы крыжам перад замкнёнымі дзьвярыма бажніцы.

Малітва была першай і найвялікшай яго цнотай. Другой вялікай зоркай у яго духоўнай сьвятой кароне была ахвярнасьць. Не было чалавека, якому б сьвяты Казімір не ўспамог; было, што раздаўшы ўсё, аддаваў беднаму і свой каралеўскі плашч, мяняючы яго на набрашую апратку.

Трэцяю вялікаю цнотаю сьвятога Казіміра была чысьціня душы. Хочучы быць мілым Найсьвяцейшай Марыі-Дзеве, шлюбаваў ёй, што ніколі не падумае, ні скажа, ні зробіць нічога брыдкага і – чыстым ды нявінным прабыў аж да самай сьмерці. "Лепей сьмерць, чым грэх!" – адказваў тым, што намаўлялі яго да злога.

Ясьнеючы гэтымі ды іншымі цнотамі, сьвяты Казімір памёр 4.III.1484 г., пахаваны ў Вільні ў Катэдральным касьцёле сьв. Станіслава. Да ліку сьвятых залічаны быў папам Львом X у 1521 г.

Так скончылася жыцьцё яго зямное і пачалося вечнае.

Вялікага патрона ды апекуна Беларусі маем у небе, дык памятайма пра гэта заўсёды.

/з надрукаванага/

Сьвяты мучанік Мэркуры Смаленскі

Асоба сьвятога мучаніка Мэркурыя Смаленскага ёсьць найбольш загадкавай з усіх беларускіх і агулам усіх славянскіх сьвятых. Справа ў тым, што не захавалася ягонага жыцьцяпісу, але ў Смаленску бытавалі аб ім вусныя пераказы, якія з цягам часу дапаўняліся фантастычнымі ўпрыгожаньнямі. І на аснове тых ужо далёкіх ад гістарычнае праўды пераказаў досьць на пачатку XVI-га і ў XVII стагодзьдзях напісана дзьве легенды, якія ў далейшым атрымалі розныя перапрацоўкі і дайшлі да нашых часоў у пяці даволі розных рэдакцыях і ў 37 сьпісках. Гэта знак, што асоба сьвятога была папулярнаю.

Сваею арыгінальнасьцю легенды зацікавілі ў палавіне мінулага стагодзьдзя некаторых гісторыкаў і яны стараліся шляхам прырашўнаньняў з іншымі дакументамі і рознымі дагадкамі ўстанавіць гістарычную аснову легенды. Пачын у гэтым кірунку даў Буслаеў (Буслаевъ Ѳ. И. Смоленская легенда о св. Меркуріи. Москва, 1859), выклікаючы гэтаю працаю шырокі розгалас у кругох дасьледнікаў старадаўняе гісторыі.

А на пачатку гэтага стагодзьдзя гісторыкі зноў загаварылі аб сьв. Мэркурыю. Яму шмат увагі прысьвяціў у сваіх досьледах Кадлубоўскі (А. Кадлубовскій. Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ. Варшава, 1902). Нажаль ён дайшоў да высноўку, што «Мэркуры Смаленскі хутчэй выяўляецца героем літаратурнае легенды, як гістарычнаю асобаю» (с. 74).

Такі высновак адносна асобы, якое сьвятыя астанкі захоўваліся ў Смаленску за 1611 г., і якая была ўпісана ў сьпіскі сьвятых Праваслаўнае Царквы — быў павязаным выклікам для царкоўных гісторыкаў. Аднак адказ на той выклік зьявіўся няскора і меў шмат слабых мейсцаў. Гэта была спроба ачысьціць гістарычную праўду адносна сьв. Мэркурыя ад легендарных дадаткаў (П. Михайловъ. Повесть о Меркуріи Смоленскомъ и былевой эпосъ. «Сборникъ статей Д. А. Корсакова». Казань, 1913). Нажаль гэтая спроба зроблена вельмі аднабока і часам зусім неабгрунтавана. Магчыма што якраз гэтая неабгрунтаванасьць выклікала Белецкага напісаць вялікую рэцэнзію, у якой падаў дакладную гісторыю ўсіх вядомых рэдакцыяў і сьпіскаў мэркурыевых легендаў (Бѣлецкій Л. Т. Къ литературной исторіи повести о Меркуріи Смоленскомъ. «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1914. Нр. 12). Пры гэтай нагодзе варта заўважыць, што ў савецкіх часох, у 1922 г., Белецкі вярнуўся зноў да гэтае-ж тэмы.

▶ 8

Ня будзем пералічаць далейшых дасьледчыкаў і дыскусійных артыкулаў на гэтую тэму, бо на-жаль яны не ўнесьлі амаль нічога новага адносна асобы Сьвятога, а займаліся пераважна літаратурнымі крыніцамі легенды.

Вось-жа маючы перад сабою такія [illegible], якія да гэтага часу дарэмна стараліся разьвязаць дасьледчыкі старадаўняга мінулага Царквы, цяжка напісаць больш-менш ясны жыцьцяпіс сьв. Меркурыя. Аднак паколькі ягоная асоба ёсьць такою [illegible], варта з ёю азнаёміцца бліжэй хоць-бы з тых легендаў, якія аб ёй створаны. У асноўным будзем трымацца легенды запісанае ў Чэцьі-Мінэях («Великія Минеи Четьи, собранныя всерос. митр. Макаріем. Москва, 1910. Ноябрь. с. 3297-3306).

▼

Радзіўся Меркуры ў Італіі прыблізна на пачатку XIII ст. праўдападобна ў самым Рыме, у сям'і блізкай да праўячых кругоў, зразумела — каталіцкай. У некаторых сьпісках выразна кажацца, што «родам быў рымлянін». Аб ягонай асобе гаворыцца [illegible], што ён быў здаровы і высокага росту. З невядомых прычынаў ён у юнацкім веку прыйшоў у Смаленск і прыстаў да князя на жаўнерскую службу. Зусім магчыма, што ён ужо ў Рыме быў жаўнерам, бо-ж тады быў час крыжовых паходаў. На службе адзначаўся акуратным выкананьнем усіх сваіх абавязкаў і шчыраю пабожнасьцю. Нярэдка ён маліўся да позьняе ночы. Захоўваў цэласную чыстасьць. У ягонай пабожнасьці важнае месца займала Прасьвятая Дзева Марыя, якое цудатворная ікона Смаленскае Гадзігітрыі (вельмі падобная да славутае рымскае іконы «Салюс Популі Романі»), прыцягвала шматлікіх паломнікаў у катэдральны сабор.

Калі татарскі хан Батый, зьнішчыўшы і моцна спустошыўшы Кіеў і Маскву, накіроўваўся на Смаленск — так кажацца ўва ўсіх легендах — [illegible] на яго тайна, дык смаленцы зьвярнуліся з малітвамі да свае нябеснае заступніцы. Меркуры не менш за смаленцаў перажываў долю краю і шчыра маліўся да Гаспадняга крыжа за мір.

Бог выслухаў шчырыя малітвы і паслаў збаўленьне для гораду праз заступніцтва Багародзіцы. Яна прамовіла ў саборы ад свае цудатворнае іконы да паламара, ці іначай кажучы да царкоўнага старасты: «Ідзі хутка на Паволжжа за майго раба Меркурыя — і двор сказала яму — ты перакажы яму, што яго кліча Гаспажа ўва ўсім ваенным азбраеньні». Хоць гэта была позьняя ноч, царкоўны староста зараз-жа пайшоў у азначаную Багародзіцаю часьць гораду, знайшоў Меркурыя: ён укленчыўшы на двары маліўся з узьнятымі да неба рукамі, і пераказаў яму загад Багародзіцы. У гэтым месцы легенды маюць пэўныя разьбежнасьці, бо ў адных гаворыцца, так як пераказана тут, а ў іншых дадаецца, што Меркурыю быў аб'яўлены загад Багародзіцы ўжо перад тым, як прыйшоў да яго царкоўны староста, таму староста засьпеў яго ўва ўсім ваенным азбраеньні. Але ў такім выпадку невядома нашто было патрэбнае пасольства царкоўнага старасты.

Далей гаворыцца ўва ўсіх легендах, што яны абодва прыйшлі ў царкву і там убачылі перад іконаю запаленую сьвечку. Меркуры кінуўся на калені і маліўся перад іконаю шчыра да сьлёз. Праз колькі часу пачуўся голас Багародзіцы ад сьвятое іконы. Яна пасылала Меркурыя супраць татараў, дакладна азначала месца куды ён павінен ісьці — Доўгі Мост (сёньня вёска Доўгамосьце), абяцала яму сваю дапамогу і [illegible] мучаніцкую карону. Наагул у гэтым месцы легенды робяць з Багародзіцы вельмі-ж гаваркую кабету і адносна татараў даволі сварлівую.

Меркуры выконвае загад Багародзіцы. Ён адразу выбіраецца ў дарогу. Паводле адных легендаў ён ідзе, паводле другіх едзе да Доўгамосьця (гэта каля 20 км ад Смаленску), там яшчэ раз зьвяртаецца да Багародзіцы з кароткаю малітваю і накіроўваецца ў татарскі лягер. Незаўважана прайшоў вайсковыя сторажы, забіў веліканa, што наводзіў на ўсіх страх сваею сілаю і жорсткасьцю. Забіў так-жа шмат татарскіх начальнікаў і вярнуўся назад да Доўгамосьця, каб вычакаць сабе мучаніцкі вянок.

Калі на золку зара прачнуліся татары і ўбачылі забітага веліканa і шматлікіх сваіх начальнікаў, кінуліся ў пагоню за невядомым ваякам. Меркуры сустрэў іх адважна ды так пасек, што яны ў беспарадку кінуліся наўцекі. Толькі [illegible] адзін хітры татарын, а ў некаторых легендах сын забітага веліканa, у іншых дык гэта сам [illegible] — адсек галаву Меркурыю.

Батый, убачыўшы вялікія страты ў сваім войску, не меў адвагі наступаць на Смаленск і падаўся назад.

Меркуры-ж, узяўшы сваю адсечаную галаву ў рукі, прыйшоў у горад. На такое дзіва назьбегалася шмат людзей. Адсечаная галава ім абвесьціла, што горад вызвалены ад небясьпекі.

Тут зноў легенды на розны лад гавораць аб ролі царкоўнага старасты ў абвешчаньні перамогі.

▶9

Мар'ян В.

УСПАМІНЫ З НЕДАЎНЯЙ МІНУЎШЧЫНЫ

У 70-х гадах, калі паўсюдна бурылі стары Менск і зьнішчалі [illegible] спадчыну, пераехаў Саюз пісьменьнікаў БССР у новы будынак — Дом літаратара. Стары гістарычны будынак, ля тэатра імя Янкі Купалы, у якім месьціўся саюз перад гэтым і ў якім [illegible] падчас нямецкай акупацыі горада партызаны ўзарвалі на міне гаўляйтара Вільгельма Кубэ, стары гэты будынак зьнесьлі, каб не займаў прасторы перад гмахам ЦК КПБ. Здаецца, ніхто тады за гэты помнік не ўступіўся. У Доме літаратара якраз размяркоўвалі кабінеты сакратарам саюза. Не да гэтага было.

Тады, у 70-х гадах, Саюз пісьменьнікаў БССР інтэнсіўна разбэшчваўся бюракратызмам. Чыноўніцтва адкрыта падкуплівала і перакуплівала пасрэдных і нават таленавітых майстроў пяра, спакушала іх матэрыяльным дабрабытам, пасадамі, узнагародамі, [illegible] публічнай аліліуйскай хлусьні і пустазвонства. У гэты перыяд набрала моц у пісьменьніцкім асяродзьдзі агрэсіўная шэрасьць, а сам Дом літаратара ператвараўся ў чыноўніцкі асяродак.

У сярэдзіне мінулага дзесяцігодзьдзя мне зрэдку даводзілася быць у тым доме. Трапіць "ўнутр" ў Саюз пісьменьнікаў было тады не так проста. Калі ўваходзіў, справа была невялікая службовая вартоўня, тэлефоны, сігнальны пульт, сядзеў міліцыянер і абавязкова адна-дзьве кабеты гадоў пад 50 з хамскім выглядам і манерамі, па якіх адразу пазнаеш расейскіх супрацоўніц КДБ. Яны аглядалі наведніка з падазрэньнем і пыталіся: "Вы к кому?"

На другім паверсе ў фае таўкліся часам пісьменьнікі ці выходзіў пакурыць са свайго кабінету які-небудзь сакратар пагаманіць ад суму на беларуска-расійскай трасянцы. Мова беларуская паступова забывалася ў гэтым доме. Поўна тут было нейкіх дамачак, баб, сакратарак, бібліятэкарак, машыністак, шмат розных адміністратараў з палкоўніцкімі [illegible] і чырвонымі тварамі. Усе яны стварылі тут дружна расійскі гвалт і шум у гэтых сьценах; трымаліся, як у сябе дома, на беларускую гаворку рэагавалі з маўклівай нянавісьцю. "Здрасте", - кажуць на "добры дзень".

Поўна было казённага "ганочага персаналу" ў прыёмных таксама і [illegible], якія /кабеты, значыць/ слоўца беларускага не скажуць, хоць ты з імі паўдня гавары. Сакратары і ўвогуле саноўныя пісьменьнікі адчувалі сябе ў гэтай задушлівай атмасфэры, як мне падалося, зусім добра, паводзілі сябе, як вялікія начальнікі.

Тады, наколькі мне вядома, ніводны сын і ніводная дачка пісьменьніцкіх саноўнікаў не размаўлялі па-беларуску, не ўжывалі роднай мовы ў сям'і. Мяркую, што і цяпер гэтак. Быў я тады неяк на афіцыйным літаратурным вечары, пасьвечаным памяці Аркадзя Куляшова. Ягоная дачка, жонка, сваякі выступалі і гаварылі толькі па-расійску. У той час у Доме літаратара нават у паветры адчувалася атрута духоўнага маразму і нацыянальнай дэградацыі.

У такіх умовах у 1976 годзе адбыўся VII зьезд пісьменьнікаў. Тады на зьездзе распаўсюдзіўся нейкі аддрукаваны на машынцы ліст аб ратаваньні мовы, падпісаны Мацеем Бурачком і напісаны ў ягоным стылі. Пазьней у рукі мне трапілася адозва да зьезда, падпісаная асобай не менш гераічнай у нашым пакутным і слаўным пантэоне - Тадэвушам Рэйтанам. Прапаную тэкст гэтай адозвы.

Адозва стар.10

Мошчы Меркурыя ўрачыста паклалі ў саборнай царкве. Некаторыя легенды дадаюць, што ён нейкім цудоўным спосабам перадаў праз царкоўнага старасту, каб над ягоным грабам павесілі ягонае аружжа, бо калі будзе на прымаласьць служыць Смаленску цудоўнаю агародаю ад ворагаў.

Ужо ўсе меркурыеўскія легенды ёсьць шмат паэтычных дадаткаў і развіцьця вельмі моцнае нацыянальнае самаадчуваньне.

Год сьмерці сьв. Меркурыя прымеркаваны 1238, відаць, узяты з летапісу, як час нападу Батыя на Кіеў. А дзень сьмерці прымеркаваны той самы, у які сьвяткуецца памяць вялікамучаніка Меркурыя Кесарыйскага (з III ст.) — 24-га лістапада.

Акрамя тых супярэчнасьцяў у легендах, аб якіх ужо ўспаміналася прынагодна, яшчэ неабходна адзначыць, што ў іх ёсьць паважныя супярэчнасьці гістарычным фактам. Гісторыя не ведае паходу Батыя на Смаленск. Летапісы вельмі дакладна апісваюць паход Батыя, але нусім не ўспамінаюць аб тым, каб ён падыходзіў да Смаленску.

Меркурыевы легенды створаны ад 300 гадоў пасьля сьмерці сьвятога, дык не дзіва, што яны маюць шмат фантастычных дадаткаў. Асноваю да ўтварэньня легендаў безумоўна мусіў служыць мясцовы вусны пераказ аб Меркурыю, які меў верне гістарычнае праўды, бо-ж доўгія стагодзьдзі былі ў вялікай пашане ягоныя мошчы ў Смаленску і яшчэ ў XVI ст. смаляне ведалі сямейныя крывіа, дзе быў забіты Меркуры.

Фармаваліся ягоныя легенды на аснове вядомых уплываў аб сьвятых, якія несьлі сваю адсечаную галаву (сьв. Дзяніс Парыскі і інш), запазычаючы некаторыя падзеі з «Жыцьця Аляксея чалавека Божага», легенды аб Дзяніsiю Арэопагіце, а так-жа бяручы шмат з усходніх легендаў: аб жыцьці і сьмерці вялікамучаніка Меркурыя Кесарыйскага, які меў забіць Юліяна Адступніка і з легенды аб забойстве Батыя — наколькі ўсе гэтыя легенды былі ведамыя ў Смаленску.

Аз калі пачалі Меркурыя лічыць сьвятым, няма можна вес...к, бо не захавалася ніякага акту ў гэтай справе, ані навет ніякага ўспаміну, калі гэта адбылося. Саборы Праваслаўнае Царквы, якія займаліся справамі кананізацыі «рускіх сьвятых», аб сьвятым Меркурыю не ўспамінаюць. У сьвятцах ягонае імя зьяўляецца ўжанцы XV ст.

Служба сьв. Меркурыю мае аж 7 розных сьпісаў. Найстарэйшая служба напісана ў часе, калі смаленскім япіскапам быў Варсофоній (1509-1514) і вельмі праўдападобна, што гэта сам Варсофоній напісаў тую службу на аснове першых легендаў аб сьвятым.

Сьвятыя астанкі Меркурыя мелі перахоўвацца ў смаленскім Аўраамавым манастыры, дзе ў ягонае імя была асьвечана царква. Праўда часам ягоныя сьвятыя астанкі блыталі з астанкамі прападобнага Меркурыя так-жа смаленскага сьвятога і з таго-ж XIII ст., якія перахоўваліся ў Кіеве. Жалезны шалом і абутак сьв. Меркурыя ці першае сусьветнае вайны перахоўваліся ў саборнай рызьніцы.

Вялікая колькасьць легендаў аб сьвятым мучаніку Меркурыю выразна сьведчыць аб ягонай вялікай папулярнасьці ў народзе. Толькі патрэбна яшчэ ўважлівых студыяў, каб асоба гэтага мучаніка заззяла ў поўным сьвятле Богу на славу і людзтву на карысьць.

а. Л. Гарошка

(Перадрук з часопіса „Божым шляхам" з захаваньнем правапісу арыгінала).

Рэльефны абразок "Сьвятая Еўфрасіньня", зроблены за мяжой

<u>Пра што пісалі даўней</u>

У "Аланецкіх епархіяльных ведамасьцях" /паўночная Расія/ быў зьмешчаны ліст нейкага Публіуса Лентулуса, які ў часы Актавія Цэзара служыў праконсулам у Іудэйскіх краях. Ліст быў адрасаваны рымскім сенатарам. Пазьней яго знайшлі ў рымскіх летапісах. Аўтар паведамляе, што ў Ненскай бібліятэцы знаходзілася рукапісная Эвангелія на пергаменце XV стагодзьдзя. У пачатку гэтай Эвангеліі быў напісаны тэкст Лентулуса залатымі літарамі, а загаловак выглядаў так: TEMPORIBUS OCTAVIANI CAESARIS PUBLIUS LENTULUS PROCOS, IN PARTIBUS IUDEAE ET HERODIS REGIS, SENATORIBUS ROMANIS HANE EPISTOLAM SCRIPSISSE FERTUR QUAE POSTEA AH EUTROPIO REPERTA EST IN ANNALIBUS ROMANORUM.

Прыводзім пераклад ліста Лентулуса: "Цяперашнім часам зьявіўся чалавек, - ён і зараз яшчэ жыве, - з высокімі якасьцямі, называе сябе Іісусам Хрыстом. Народ кажа, што ён магутны, ва сваіх справах Прарок; вучні называюць яго Сынам Божым. Ён ажыўляе мёртвых і вылечвае ад усялякай хваробы і немачы. Гэты чалавек высокага росту і стройны. Ягонае аблічча строгае, але вельмі выразнае, так што тыя, хто глядзіць на яго, не могуць не любіць яго і адначасна не баяцца. Ягоныя русыя валасы апускаюцца гладкімі да вушэй, і адтуль спадаюць хвалістымі локанамі прыгожа на самыя плечы; яны разьдзелены на версе галавы як у назарэяў. Лоб гладкі і спакойны: аблічча зусім чыстае. Шчокі яго пакрытыя нейкім чырвоным колерам з невялікай цемнаватасьцю. Погляд мае прыемны і адкрыты. Нос і губы даволі правільныя. Барада даволі густая, аднолькавага колеру з валасамі на галаве, разьдзеленая на дзьве часткі. Вочы блакітныя і надзвычай жывыя. У ім прыкметна нешта грознае, калі ён робіць заўвагу або папрокі, між тым як пакора і ласкавасьць спадарожнічаюць выгодны яго наставленьням і павучаньням. Ягонае аблічча мае дзівосную прыемнасьць, спалучаную з важнасьцю. Ніхто не бачыў, каб ён сьмяяўся, але бачылі, як плача. Стан яго стройны, рукі доўгія, плечы прыгожыя. Гаворка важная і плаўная, але гаворыць мала. Наогул, бачыўшы яго, нельга не прызнаць, што гэта адзін з найпрыгажэйшых мужчын."

Аўтар публікацыі ў "Аланецкіх епархіяльных ведамасьцях" ставіцца з пэўным недаверам да гэтага тэксту, паведамляючы, што "ва ўсіх еўрапейскіх бібліятэках знаходзіцца сумнеўны ліст праконсула Публіуса Лентулуса, напісаны нібыта ім з Ерусаліма, калі Хрыстус меў 25 гадоў"; але ён /ліст/ азначаны ў ліку апакрыфічных шматлікімі вучонымі і дасьледчыкамі.

Тым часам аўтар публікацыі сьцьвярджае, што аналагічнае апісаньне вобліка Іісуса Хрыста падае каля 1350 года царкоўны гісторык грэк Нікіфор Калліст, які меў у сябе "ўсе" дакументы, "захаваныя паганамі ад тых часоў".

9

Адозва да зьезда пісьменьнікаў Беларусі

/Менск, 1976 г./

"Не пакідайце ж мовы нашай беларускай, каб не ўмёрлі."

Францішак Багушэвіч

Беларускія пісьменьнікі! Наша дарагая Бацькаўшчына, наша старажытная і несьмяротная, наша родная мова, наш народ, мы ўсе, беларусы, перажываем страшны час нашай гісторыі. Ні 1794, ні 1830, ні 1863, ні ліхалецьце XIX стагодзьдзя, ні 1930, ні 1937 не параўнальныя. Як пад кулямётамі, як у вагні масавых экзекуцый, як у брацкіх магілах 1941-44-га гінуў кожны чацьверты беларус, гінуў цялесна, каб у памяці народнай уваскрэснуць навекі ў славе, так цяпер, у 1970-х, пад апалітычнымі гусеніцамі чыноўніцкага "прагрэсу", які Вам загадана ўслаўляць, гіне духоўна кожны першы.

Некаторыя патрабуюць дакладнай статыстыкі русіфікацыі, лічбаў шавінізму, прэцэдэнтаў дэнацыяналізацыі і гвалту. Тады б, здаецца, гаварылі доказна, з бухгалтарскай дзелавітасьцю, лакейскай сьмеласьцю, хітра і разумна.

"Высокгорцы"! – скажам такім, – на неба глянце, яно блакітнае! Зірніце за вокны сваіх кабінетаў, расплюшчыце вочы, паслухайце! Дзе наша мова?! У інстытутах?! У школах?! Ні ў водным беларускім горадзе няма болей ніводнай беларускай школы. Іх зачынілі. Беларускіх школ з кожным годам меншае на вёсцы. Іх зачыняць асьцярожна, спакойна...

Радуйцеся, 'ціхай' перамогі і 'ціхай' апошні, пачмураўцы і далі "единая, неделимая и прочая", сьпявайце пад сурдзінку белагвардзейскія трубы і [illegible], тапёры і словаблуды, спадчына тых, хто "спасли Россию". – На ўсіх скрыжаваньнях нашай Беларусі раскуста і нахабна, нятлена і адкрыта рэпіць гэтая іхняя тапёрная музыка.

Што мы можам, чым кіруем і што маем? Нацыянальную эканоміку? Сельскую гаспадарку? Лясы, нафту, рабочую сілу? Аўтаномію культуры? Нацыянальную свабоду творчасьці, навукі, мастацтва? Нацыянальную асьвету, адукацыю, выхаваньне? Наша эканоміка – каланіяльная. Прадуктамі нашай развітой сельскай гаспадаркі мы не распараджаемся, а прадаўцы нам саланіна /"хуры мужык"/, сёньняшні закрыгаваны калгасьнік і сёньняшні рабочы завет не згаджаецца, колькі лягіёнаў ад гультайства і куды, тым, "в России-матушке" прапівае працу яго рук і колькі збанкрутаваных палітычных авантур у Азіі, Афрыцы, Паўднёвай Амерыцы, Еўропе аплаціў ён потам сваім і мазалём.

А ці задумваемся мы, чаму па колькасьці насельніцтва эксперыментальная рэспубліка наша не дасягнула даваеннага ўзроўню. Што, у нас не родзяцца дзеці?! Дзе зьнікае і куды плыве наша галоўная вытворчая сіла нацыянальнай эканомікі – рабочыя рукі? Туды ж, у "матушку". На месца нашых мігрантаў, беларусаў, присылаются "со всей необъятной России", сотнямі тысяч валяць сюды паміраць, сечаць і бясьсіляць метадамі адстаўнікоў і розных спецыялістаў, нуцальнікаў зямлі, дзе найбольш пабольш.

У нацыянальным мастацтве – зялёная вуліца толькі нацыянальнай прафанацыі. Наша гуманітарная навука дзібільная, а наёмных аўтараў, стаўленікаў і здраднікаў, законнікаў і згоднікаў, сосні, [illegible] дэмагогіі і дэнонсу, аналізі ад страху перад прывідам "нацыяналізму", перад сьвятлом гістарычнай праўды.

Нацыянальнай асьветы ў нас ужо няма. Нацыянальнай адукацыі не існуе. Нацыянальная культура ў загоне. Замест яе насаджаецца прафанацыя і эрзац. Беларуская мова рознымі спосабамі і хітрымі выгадамі адусюль. А там, дзе яна хоць крышку трымаецца /радыё, прэса/, – там сьвядома забіваецца кабінетна-чыноўніцкім жаргонам, заменамі на расійскія сінтаксіс і кальках. Гэта палітыка. Тут існуюць табу і вета, якія маюць болей катэгарычную сілу, чым забаронены для ўжытку сьпіс беларускіх дзеячоў, складзены ў Галоўліце. На гэтую сатанінскую ідэю дэнацыяналізацыі беларускае мовы працуюць навукова-дасьледчыя інстытуты і ўніверсітэцкія кафедры.

Як жа дайшлі мы да такога жыцьця?! Як мы ваду п'ем і хлеб ядзім? Як у вочы глядзім? Азірнемся, дзе нашы мудрацы, дзе нашы прарокі, праведнікі і героі!? Хто мы цяпер і куды мы ідзем?! Як жа мы дайшлі да такога стану, што вымушаны яшчэ даказваць, што мы – людзі!? Даказваць, што тваёй нацыі патрэбна яе нацыянальная мова. Даказваць, што гэта пытаньне нацыянальнай кампетэнцыі і нічыёй іншае. Даказваць, што ты гаспадар на сваёй зямлі. Даказваць, што гаспадар у сваёй хаце не пытаецца ў госьцяў, дзе яму сядзець. Даказваць і пацьвердзіць. І знаходзяцца, што даказваюць, што "я" гэта "я", а не "ты".

Якія патрэбны тут лічбы і прэцэдэнты, калі з нас зьдзіраюць скуру пад гром аваць[illegible], калі наш народ укрыжоўваюць пад салодкую атрутную музыку звонкіх слоў. І наш народ разам з намі прымушаюць піць гэтую атруту з гэтай атрутнай студні.

Цяпер не XIX стагодзьдзе. Цяпер нас атручваюць пад выглядам прагрэсу. Да паслуг тэлебачаньне і асьвета, адукацыя і прэса, ідэалогія і прапаганда, эканоміка і горадабудаўніцтва, чыгункі і шашэйныя дарогі, радыё і тэлеграф, авіяцыя і аўтобусы, агітацыя і эстрада, войска і спорт і да т.п. Усё гэта павінна быць прыладамі, сродкам развіцьця нацыянальнага жыцьця, а сталася – зброяй хітрамудрай русіфікацыі, дэнацыяналізацыі і разлажэньня народа.

Калі косіць каса, то трава расьце зноў. Сьцінаці галовы інсургентам – вырасталі сыны. Але бяда, калі не каса, а чэрві карань точаць, калі не косяць, а агонь з-пад спаду сухі тарфянік паліць, калі не косяць, а паліваюць карань атрутнай вадкасьцю, і дрэва чэзьне, трава сохне. Вось дзе адрозьненьне русіфікацыі цяперашняй ад учарашняй. Яно ў змаганых і ў абставінах. Вось дзе знак часу сёньняшняга. Калі ўсе ранейшыя русіфікацыі разьбіваліся аб стыхійную сілу нашага народнага духу, традыцый, жыцьцёвага ўкладу, то цяпер зброяй прагрэсу ў чыноўніцкіх, чужых руках метадычна разбураюцца не толькі мова, традыцыі і нацыянальная культура, але зьнішчаецца сам этнас.

Тут мала абвінавачваць нам так званы "урад" і галоўных ідэалягічных правадыроў нашых, што навучаюць матэрыялізму і хлусьні, мала іх абвінавачваць у нацыянальнай здрадзе. Мы – інтэлігенцыя. І на нас місія адказнасьці за свае справы перад Бацькаўшчынай. Мы інтэлігенцыя – і на нас абавязак народнага прадстаўніцтва, на нас роля яго заступніцтва і яго асьветы. Мы гістарычна абавязаны перад народам і ўсёй нашай зямлёй. За занядбаньне абавязкаў гісторыя не даруе нам, як не даравала ніколі.

Саюз пісьменьнікаў цяпер адзіная ў Беларусі грамадская арганізацыя, дзе магчыма размова пра нацыянальныя праблемы і пра беларускую мову. Гэта і заканамерна, бо літаратура – перш за ўсё слова. І паглядзіце, як заігрываюць з Вамі, пагражаюць, купляюць і перапрадаюць, як засоўваюць Вашы сумленьне дэмагогіяй і хлусьнёй, а самі адкрыта і бесцырымонна, падступнасьцю і гвалтам звужаюць моўную сферу вакол нашай літаратуры.

Рука 'ўкрайцы і прыблуды цягнецца да Вашага горла і з гіядлівай ухмылкай вось-вось гатовы сарвацца з вуснаў падрыхтаваныя гугнявыя словы: "Для кого вы пишете, вас никто не читает, не понима-

▶ 11

ет, вечым вы едзіце дарма наш народны хлеб?" І Вам, як і цяпер, пакажуць на дурнога Саўку, што набраўся "истинно-русского" духу, і, натуральна, "против белорусского языка". Вам прывядуць латоўны ідуцьмех сыноў нашай Бацькаўшчыны, абалваненых імі і раззбечаных, пакажуць на легіёны жабрачых і мамелюкаў, выхаваных і атручаных у іхніх школах-душагубках, у войску і інстытутах, на нашай зямлі, за нашыя сродкі, пры нашай маўклівай згодзе, і скажуць: "Вось ваш народ, ён з намі, супраць вас". І загадаюць, паказваючы на Вас: "Укрыжуйце іх!" Што і будзе зроблена пад сьмех прыйсуцьдаў. Будзьце пэўныя. Ахрышчаны беларус умее нішчыць сваіх.

То якія ж патрэбны Вам лічбы і прэцэдэнты, якія такія аргументы, калі размова павінна весьціся па сутнасьці, а не ў прыватнасьці, па справядлівасьці і па праве.

Таму не да розуму Вашага гэты зварот, не да логікі і нават не да сумленьня. Гэта ўсё ў Вас ёсьць і ўсё Вы ведаеце – і лічбы, і прэцэдэнты. Гэтае слова да Вашага ДУХУ.

Хай б'ецца ваша сэрца ўсё разам для Бацькаўшчыны, а не для амбіцыі, для нашага народа, а не для ўласнай шкі, для нашай сьветлай нацыянальнай духоўнай будучыні, а не для матэрыяльнага дабрабыту!

Пытаньне пра нашу беларускую мову, пра беларускую школу, пра беларускія вышэйшыя навучальныя ўстановы, пра нацыянальную асьвету і адукацыю, пра наша духоўнае нацыянальнае жыцьцё, пра нашу нацыянальную культуру павінна стаяць на зьезьдзе.

Народ наш яшчэ духоўна жывы і моцны, нягледзячы на адступнікаў і здраднікаў. Яны, здраднікі, – не прадукт нашага нацыянальнага жыцьця, а вынік трагедыі і хваробы, кароста, балячкі на здаровым целе. Прыйдзе час, і гэтыя блудныя дзеці вернуцца да ўлоньня маці-Бацькаўшчыны, сьвятой нашай, дарагой зямлі і моцнага племені.

Памятайма, хай не ўпадзе на нас першародны грэх. Не пакрыўдзім сябе нашчадкамі. Мы – беларуская інтэлігенцыя. То хай кожны з нас змога ў жыцьці сказаць так, як Купала:

Я аддаў народу,
Чым моц мая магла:
Звяў з путаў на свабоду,
Звяў з цемры да сьвятла.

Тадэвуш Рэйтан

ІІ траўня 1976 г., Менск

Праз пэўныя прычыны адозва Т.Рэйтана, відаць, не была распаўсюджана на зьезьдзе. Прынамсі чуткаў пра гэта не было. Сярод дэлегатаў разышоўся ліст ад Мацея Бурачка пра становішча беларускай мовы. Аднак ён не атрымаў шырокага розгаласу сярод пісьменьнікаў. Той зьезд, у 1976 годзе, быў бадай самы "лакейскі" за ўсю гісторыю пасьля 1956 года.

Тым часам "Ліст Бурачка" нейкім чынам трапіў да студэнтаў і яго нават вывесілі ў Беларускім дзяржаўным тэатральна-мастацкім інстытуце на сьценкае інфармацыі і аб'яў. Ліст неўзабаве сарвалі, і тут жа сабралася экстранае пасяджэньне рэктарата і партбюро. Камуніставалі гэтае "надзвычайнае здарэньне". Найбольш усіх цікавіла, хто гэта мог напісаць такую "антисоветчину" і хто такі Мацей Бурачок. Выказвалі розныя меркаваньні. Нарэшце, калі ўсе здагадкі зайшлі ў тупік, выступіў, як распавядалі, сам рэктар Віктар Грамыка і сказаў: "В конце концов, кто бы ни был этот Бурачёк, ясно, что это негодяй похуже Солженицына".

Ніжэй падаю тэкст ліста ад Мацея Бурачка, распаўсюджанага сярод дэлегатаў.

ПАНОЎНЫМ ЯГАМОСЬЦЯМ
ПАЧЭСНЫМ ПІСЬМЕНЬНІКАМ
БЕЛАРУСКІМ

/Купрыяны. Лета 1976-га,
траўня ІІ-га дня/

Браткі-пісьменьнікі мілыя, дзеці Зямлі-маткі Беларусі нашай! Хачу пагаварыць з Вамі трохі аб нашай долі-нядолі, аб нашай бацькавай спрадвечнай мове.

Чытаў я ці мала старых папер і кніжках, па трыста, пяцьсот гадоў таму пісаных у зямлі нашай і мовай нашай чысьцюсенькай – і летапісы, і метрыкі, і Біблію Скарыны, і адзіны на ўсю Эўропу Статут наш слаўуты сапежыноскі...

... І думаў: Божа ж мой Божа, што ж мы такія за бясдольныя, што мову для нас сьвятую, Богам нам дадзеную, як і другім добрым людзям, так усе самі пусьцілі на зьдзек. А найперш паны нашы вялікія, што ўладу мелі, бараніць яе па закону павінны. Ды яны, ое, паны гэтыя, людзі высокія, падобна той старасьвецкай шляхце нашай, якая пасьля Вуніі бацькоўскую веру мяняла на срэбнікі, першыя выракліся роднай мовы.

Дык цяпер ужо, браткі, нават не тое. Бо і людзі нашы простыя, сьледам за панствам высокім, словам сваім грэбаваць пачалі, языки у роце выкручваюць, каб не сказаць па-свойму. А чаму?

А таму, браткі, што ў гаворцы нашай спрадвечнай бытцам больш і патрэбы няма. І адмаўляюць ёй, гаротнай, у жыцьцёвым праве на зямельцы нашай, і павыганялі ўжо яе зайздросьнікі і непрыяцелі з установаў дзяржаўных і з канцылярый судовых, і з нарад палітычных, і адусюль, адкуль толькі можна. І туляецца яна, бедная, сіратлівая па чужых халодных кутох: сям-там у газэтах-часопісах, трошкі на радыё, ды ў трох тэатрыках беларускіх, што ледзьве дыхаюць...

Ды й перакруцілі ж яе, перарабілі пад свой нялюбы розум дабрадзеі нашы. Ужо й словы беларускія спрадвечныя заменены на расейскія, і так яна ўжо зьнявечана дзеля невядомага ёй ўжытку, што і не разьбярэш, на якому гавораць.

Школкі ж нашы беларускія паўсюдна на зямлі нашай перароблены на расейскія, ды шырма так, што ў местах ды мястэчках ніводнай ужо не засталося. А дзеткі нашы не чуюць роднага слова ані ў хаце ад бацькоў вынішчаемых, ані ў садзе дзіцячым ад мамак і выхавацелек іхніх, ні ў школках тых перароблених ад настаўнікаў, ні ў універсітэтах ад прахвесараў, дзе мову нашу родную, як не раўнуючы, мёртвую лацінку, гадзіну-дзьве на тыдзень не хочучы выкладаюць.

А й памрэ беларус, то і надпіс на камені надмагільным па-расейску атрымае.

Браткі мілыя, пісьменьнікі!! Хачу спытаць Вас цяпер, хто ж чытаць будзе тое, што Вы пішаце, ды праз дзесятак гадкоў, ці мо праз дваццаць? Ці ж патрэбны будуць нашу з беларускаў кніжачкі Вашы цёмныя, у перакладах з расейскае мовы сьвет знаходзячыя? Ды й Вы самі ўраз з імі. Га?

Бо шмат было такіх народаў, што страцілі найперш мову сваю, так як той чалавек перад скананьнем, каторому мову займе, а потым і зусім памерлі.

Дык ратуйма ж мову нашу беларускую, каб не ўмерлі!

Мацей Бурачок

Вяртаньне з маўчаньня

У лютым 1988 года выйшла з друку факсімільнае выданьне зборніка вершаў Алеся Гаруна "Матчын дар", выдадзенага яшчэ ў 1918 годзе коштам Народнага Сакратарыяту Беларускай Народнай Рэспублікі. Гэта выдатная падзея. Вернута з маўчаньня таленавіты, трагічнага лёсу паэт Беларушчыны. У выхадных зьвестках пазначана, што тыраж выданьня 10 000 экзэмпляраў. Але прайшло ўжо багата часу пасьля выхаду зборніка ў сьвет, а ў кнігарнях яго не відаць.

Зьмяшчаем вершы Алеся Гаруна, якія не ўвайшлі ў кніжку, напісаныя ім 12 кастрычніка 1918 года.

Х л е б

Год за годам, дзень за днём, —
Усьлед — галінку за галінкай,
Паміж песьняй салаўінай
І агідных жабаў крэктам,
Выцьцём буры, ветру посьвістам
І часам сьмяротным сьвістам,
У бляску полымя агністым
Мы да хлебу свайго ідзём...
Мусіць скора... Паўна блізка, —
Чую я ўжо гэты час,
Поўны шчасьця і пакрас —
Дзён парвецца нашых нізка,
Дзён, затрутых сольлю згуб —
І апошняя дарога,
Учуўшы голас горніх труб,
Пойдзем люба мы да Бога
Браць апошні, вечны хлеб.

ЮДАВА ПОЛЕ

Над Ерусалімам спусьцілася страшная ноч — павесіўся Юда. У горах стагнаў вецер, усюды разьлілася непраглядная цем, цішыня стала ў паветры.

Людзі хаваліся ў камяніцы, вярблюды хавалі галовы ў пясок, як бы чуючы, што скора падымецца гарачая бура — самум.

Юда павесіўся ў полі, купленым за 30 срэбнікаў, каторыя ўзяў за здраду. Калі звычайны самагубца накладае на сябе рукі, то цела яго хаваюць міласэрныя людзі. Не так было з Юдай — цела яго выкручвалася пасярэдзіне і ўсе вантробы зьвесіліся.

А бурлівая ноч яшчэ болей згусьцілася над брыдкім трупам здрадніка. Цёмна і душна было кругом яго, як у магіле, і страшным [illegible] сморад рассыпаўся далёка на ўсе бакі.

Калі ж развіднела і бура сьціхла, то вецер усё яшчэ калыхаў вісельніка, а людзі здалёку і са страхам пазіралі на яго і ўцякалі.

Вісіць труп усімі, доўга вісеў труп. Чорная кроў капала з яго на вывернутыя вантробы. Кругом не засталося ніводнага жывога стварэньня, нават чэрві гадзіліся страшнага корму, нават мухі не лёталі над [illegible] крывёй яго цела.

Толькі стада варон, ляцеўшая з Захаду, спусьцілася на галіны, і толькі на труп Юды. Яны клявалі чорнымі дзюбамі, і вісельнік пад ударамі іхніх дзюбаў калыхаўся, як жывы. Яны клявалі яго жывот і пілі чорную кроў і брыдкі гной. І зваліўся на іх страшны праклён! Яны ўзьняліся ў паветра і жудаснымі сударгамі махалі над зямлёй. А як ляцелі яны, з горла іх капала на зямлю кроў і гной, бо не дапусьціў Бог, каб цела здрадніка стала іх кормам. Страшна крычучы, ляцелі вароны, і куды падалі кроплі Юдавага гною, там нараджаліся здраднікі свайго народу.

О, нешчасьце! На бедны край наш падалі кроплі Юдавай крыві густым дажджом. Няўжо ж ты, дарагая айчына, вечна будзеш Юдавым полем?..

Максім Багдановіч *

Ларыса Геніюш

Х А Ў Н І Н А
/ урыўкі з паэмы /

Гісторыю спраў вялікіх твораць людзі,
Якіх у нетрах ўзгадаваў народ.
Былі! Мы ад вякоў, Мы ёсьць, Мы будзем —
На спадчыне дзядоў сваіх — крывіцкі род!

:::::::::::::::::::::::::::::

У гадоў тумане велічнасьць не гіне,
Мы з ёю й сёньня, як [illegible] сілаў.
І сьвеціць мне сьвятая Ефрасіньня
І слаўны крыж, што Богша змайстраваў.
У зараньні дзеяў першых сьвяткі,
І благачасьце мудрае [illegible].
З князёў айчынных першыя Сьвятыя,
Якімі Полацак народы задзівіў.
У часе бітваў жорсткіх і крывавых,
У часе гутарак стралоў і кап'ём,
Дзіцця славянаў, княжна Прадслава
Зышла на зямлю цёмную — сьвятлом!

:::::::::::::::::::::

...Жыць, гэта значыць як сьлед працаваць,
Змагаць, маладзіць і [illegible],
Дочак галубіць, сыноў гадаваць —
Нашчадкаў сваіх надзейных.
Вецер даўно разагнаў туманы,
Ўскрушыліся над дрэвамі галкі,
Схаваліся ў тоні глыбокай Дзьвіны
З прываблівым сьпевам русалкі.
Схаваўся, не ходзе ўжо пушчай лясун:
Зло сьвету прыменьшыла байка,
І вецер на хвоях, на гусьлях без струн,
Ужо не пяе небыліцаў.
Сонца, малітву сваю табе шлюць
У пушчы ўсе твары жывыя,
Табе гэта песьні дзяўчаты пяюць,
Сплятаючы косы тугія.
Толькі і ты ўжо, Сонца, не бог,
І хоць для народу Ты тайна,
Не ставяць [illegible] больш у палёх
Табе, сьвет [illegible].
Вялікаю праўдаю стала любоў
І вера ў Хрыстовае слова,
Іначай, чымсьці у нашых дзядоў,
Паганаў у пушчах суровых.
Не слава, не гонар людзей забіваць,
Моц павялічваць з цярпеньняў,
Ворагаў нават належыць кахаць
Для божага благаслаўленьня. ▶ 13

---

* Пераклад апавяданьня славацкага пісьменьніка Сьветазара Гурбана Ваянскага /1847–1916/.

З цялеснай сьмерцю жыцьця не канец,
Яно прадаўжаецца ў вечнасьць,
Бо так загадаў найсьвяцейшы Айцец
Зямлі і душы чалавечай.
Не зло і насільле, а сеяць дабро;
Іначная вартасьць багацьця,
Не сіла, а попел нікчэмны яно
Перад ахвярай Расьпятага!
Усё тленна, дачасна. Гасьціна – жыцьцё,
А вечнасьць – дабра перамога.
Любоў – несьмяротнасьць. Яна адкрывае
Нябесныя райскія дарогі.
Жывёлы парывы свае заглушаць
Належыць жаданьням зямнога,
А ў чалавеку ёсьць розум, душа,
Тварэц ён і частачка Бога!
Не кланяцца моцным, а ціхіх любіць,
Да хворых ісьці з уміленьнем,
І хлебам надзённым усіх надзяліць,
Злагодзіць людзкое цярпеньне.
За добрае плоціць Бог людзям дабром,
Іначай няма ў яго знаці,
Як чыстыя сэрцы ў змаганьні са злом,
І людзі, як родныя брацьця.
І людзі, як дзеці у Бога Айца,
Пакорныя праўдзе Ягонай.
І родныя ў строгім абліччы Тварца
Ад рызмана да кароны!
::::::::::::::
Полацак горда стаіць над Дзьвіной.
І землямі зноў авалодаў,
Вярнуўшыся ў град пераможна і свой,
Княжацкі род Рагвалодаў.
Ужо сьпіць вечным сном Усяслаў Чарадзей,
Зямлі сваёй слава і страха,
Дзяржава ў руках яго верных дзяцей:
Барыс цяпер у Полацку княжыць,
Поруч пры ім на пасадзе браты
Усяславічы дружныя правяць,
І Сьвятаслаў, самы з іх малады –
Бацька княжны Прадславы.
::::::::::::::
Поўнач, далёка яшчэ да відна,
Сон вачанят не кранае.
Плескаціцца рыбай аб бераг Дзьвіна,
У полі вятры запяваюць.
Не сьпіцца княжэўне, хоць гоман замоўк,
Заціхлі і песьні і гусьлі.
Адны толькі стражы над'ём мезнарок
Званяць, ачнуцца прымусяць.
Ужо князь спачывае на ложы са скур,
Княгіня бялявая побач,
Сьвет месячны ўводра кладзецца на мур,
І цені нямечнае поўнач.
Княжэўна у белі, і косы, як лён,
За пояс спадаюць, бы хвалі.
Цьвярдзейшае сэрца ўзялі б у палон
Такія, калі б пакахала.

Не марыць дзяўчына пра солад сустрэч,
Пра шчасьце ля мужава боку,
Не вабяць яе сэрца ні рыцар, ні меч,
Княжэўна ў малітве глыбокай.
То дух хрысьціянства на княжым двары
У сэрца пранік пераможна,
Бо змалку вучылі яе сьвятары
Пісьму і прамудрасьці Божай.
Спывае кашуля на тонкім плячы,
Подых ветрыку косы цярэбіць,
А малітва, дзявочая просьба ў начы,
Ляціць у неспакойнае неба.
І просіць Прадслава ласкава, каб Бог
Ад войнаў, ад мору, нягодаў
Сьвятыні, крывіцкія землі сьцярог,
Народ наш і род Рагвалодаў.
::::::::::::::
Патрэбна нямногае княжай дачцы:
Пасьвечаны крыжык на грудзі,
Маленькая келья у ціхім Сяльцы,
Посах і тры аржаных хлябы, –
Служыць вечна Богу і людзям.
::::::::::::::
Зьлітуйся, маці, мой бацька, даруй,
Долі насустрач, дзяўчаты.
Вякі адыходзяць ад матчыных рук,
Мяне лёс таксама сасватаў.
Мой Суджанец слаўны – дарэмны ваш сум,
Ці ж большага маці зрадзіла?
Яму сваё сэрца ў далонях нясу
І буду служыць да магілы.
Доля мая ў Яго Божых руках,
Мілей за карону, карону
Пакутны, шырэйшы жыцьця Яго шлях,
І храм, дзе прабытак Ягоны.
Розна на сьвеце людзі жывуць:
Той зброяй, той міласьцю Божай,
Шчасьце не тое, што шчасьцем завуць,
А тое, што душу трывожыць.
Велічы ў сьвеце няма без ахвяр,
Жыцьця я свайго не шкадую,
Богу прынясу яго на алтар,
Я ў памяць ўвікуся людскую.
У попел рассыплецца моцны дуб,
Скарбы сатлеюць па скрынях,
А я праз вякі, Палачанка, прайду,
Каб жыць для людзей між сьвятымі!
Бы дуб, наш крывічоны разросься народ,
Быць слаўным яму і вялікім,
Камель для прыжыцьця, стрываньня нягод,
А я толькі дрэва галінка.
Мудрасьць і веліч праславіць нам час,
Зыскаць для зямлі нагароду.
Кожнай галінкай належыць у нас
Быць апорай крывіцкага роду!
::::::::::::::

▶ 14

Сьветлая зорка на неба ўзышла.
Быў вечар, калі у сьвятыню
Лёгкай хадой каляўсёны ўвайшла
Прадслава, цяпер Ефрасіньня.
Пакінула ўдома уборы і бель,
Уцехі, вачэй насалоду.
Малітвы і мудрасьць – адзіны удзел
Чарніцы цяпер назаўсёды.
І звоніць у Полацку доўга званы.
Сьвяточна, ўрачыста за поўнач,
Гэта вітаюць і славяць яны
У мурах манастырскіх князёўну.
А вокал квітнее, бурліць веснаход,
Травы ўбіраюцца ў росы.
Схіліце галовы ў пашане народ
Прад чынам Прадславы узьнёслым.
::::::::::::
З Прадславай той, хто думы ўзвысіў
І мудрасьці няземскай пераліў.
Чарніца малілася, Чарніца пісала,
Каб праўды сьвет у край Яе праніk.
У полымя разьлісціліся шпількі,
І верай асьвяціла край бацькоў,
Нязгоды прыпыніла ціхім сэрцам,
Спыніла бой, каб не ліхася кроў.
Праляўкі час і мір луна ў над краем,
Не бразгат зброі – пераклік званоў.
Дзік знача, там жыла ужо Сьвятая,
Што немалівасьць вылечыла на любоў!

Ефрасіньня /сьвецкае імя Прадслава; нар. каля 1120 г., пам. 23.05.1173 г./, полацкая князёўна, ігуменьня манастыра Сьвятога Спаса ў Полацку, асьветніца, першая беларуская Сьвятая.

ТРОХІ СЬМЕХУ

У краіне бюракратаў

– Безабразіе! – кажа расфуфыраная кабета дырэктару школы з англійскай мовай навучаньня.– Мой Гогачка перайшоў ужо ў пяты клас і ні слова не знаіт па англійскі. Вы забылі, наверна, што прыняліі ево па званку таварышча Бараховскава!

– Справа ў тым,– адказвае дырэктар,– што настаўнік, які вучыць Гогачку, сам не ведае ні слова па-англійску.

– Дык звольніце яго! – абурылася кабета.

– Гэта немагчыма, – уздыхнуў дырэктар, – ён таксама ўладкаваны па званку таварыша Бараховскага.

Боты ціснуць

Неяк насьля вайны стаіць дзядзька з пугай на рыначнай плошчы ў мястэчку, чытае аб'яву пра падаткі і мармыча сабе пад нос:

– Ціснуць, халера, ціснуць ...

Ажно тут падскоквае нейкі ў фрэнчы:

– Чаво ціскут?

– Боты ціснуць, – кажа дзядзька.

– Какіе боты, ты ж босы!

– Таму і босы, што ціснуць, – адказаў селянін.

У лыжцы сьпяць

Прыехаў расіец у Варшаву. Пашвэндаўся па крамах, купіў гальштук і паехаў назад. А ў яго і пытаюцца:

– Ну как там полячишки?

– Глупый народ, – кажа расіец, – в ложке спят, а кровать на шее носят.

Прыцярпеўся

Беларуса павесілі. Назаўтра прыйшлі здымаць. Абрэзалі вяроўку. Ажно шыбеніk падняўся, пацір шыю і пайшоў сабе. Тады каты, апамятаўшыся ад зьдзіўленьня, крычаць яму:

– Эй, ты, паганец!! Как эта ты живой?

– Ат, – кажа беларус, – спачатку балела, а потым нічога, прыцярпеўся.

Б е л а р у с ы ! Гаварыце праўду адзін аднаму. Будзьце праўдзівыя. Цаніце праўду, любіце яе, шануйце, беражыце. Кажыце праўду на працы і ў сям'і. Памятайце, што праўдзівая моцная сям'я – грунт моцнага народа і здаровай нацыі. Хто хлусіць, той не ведае справядлівасьці. Будзьце шчырыя ў думках і простыя ў жыцьці, беражыце дух свой і сумленьне сваё, шануйце сваю мову, веру і Бацькаўшчыну. Клапаціцеся пра дзяцей сваіх, каб будучыня іхняя стала прыўкрасная.

7-га Мая:
СЬВЯТА ЦУДАТВОРНАГА ВОБРАЗУ МАЦІ БОЖАЕ ЖЫРОВІЦКАЕ

Кнігі,
выдадзеныя Зянонам Пазьняком за мяжой

1. Зянон Пазьняк. Камунізм як форма рускага імпэрыялізму. – Нью-Ёрк, «Беларускае Выдавецкае таварыства ў Амэрыцы» (БВТА), 2000 г.
2. Зянон Пазьняк. Новае стагоддзе. – Варшава, “Беларускія Ведамасьці“, 2002 г.
3. Зянон Пазьняк. Гутаркі з Антонам Шукелойцем. – Варшава, “Беларускія Ведамасьці“, 2003 г
4. Зянон. Вялікае Княства. – Нью-Ёрк, «Беларускае Выдавецкае таварыства ў Амэрыцы» (БВТА), 2005 г.
5. Зянон. Вялікае Княства (2-е выданьне). – Варшава, «Беларускія Ведамасьці», 2005 г.
6. Зянон. Беларуска-Расейская вайна. Belarus is easten outpost. – Варшава, “Беларускія Ведамасьці“, 2005 г.
7. Зянон Пазьняк. Прамаскоўскі рэжым альбо як адбываецца разбурэньне Беларусі. – Нью – Ёрк, «Беларускае Выдавецкае таварыства ў Амэрыцы», 2005 г.
8. Зянон Пазьняк. Прамаскоўскі рэжым альбо як адбываецца разбурэньне Беларусі (2-е выданьне). – Варшава, «Беларускія Ведамасьці», 2005 г.
9. Сяргей Навумчык. Сем гадоў Адраджэньня альбо фрагмэнты найноўшай беларускай гісторыі (1988 – 1995). – Варшава, 2006 г.
10. Галіна Пазьняк. Беларусь у сэрцы. – Варшава, “Беларускія Ведамасьці“, 2007 г.
11. Зянон Пазьняк. Нацыянальныя каштоўнасьці. – Варшава, 2007 г. (Містыфікацыя. Выдадзена ў Беларусі, 1/16 д.а., 60 с.).
12. Зянон. Дарога. – Варшава, “Беларускія Ведамасьці“, 2007 г.
13. Зянон Пазьняк. Развагі. Канцэпцыя новага Беларускага Адраджэньня, кн 1, артыкулы і матэр’ялы (1990 —III.1996). – Варшава, “Беларускія Ведамасьці“, 2007 г.
14. Парсіваль (2-е выданьне). – Варшава, “Беларускія Ведамасьці“, 2009 г.
15. Зянон Пазьняк. Нацыянальныя каштоўнасьці. – Варшава, “Беларускія Ведамасьці“, 2009 г. (1/32 д.а., 192 с.)
16. Зянон Пазьняк. Цяжкі час. Канцэпцыя новага Беларускага Адраджэньня, кн 2, артыкулы і матэр’ялы (IV.1996—2002). – Варшава, “Беларускія Ведамасьці“, 2010 г.
17. Зянон Пазьняк. Цяжкі час. Працяг. Канцэпцыя новага Беларускага Адраджэньня, кн 3, артыкулы і матэр’ялы (2003--2010). – Варшава, “Беларускія Ведамасьці“, 2010 г.
18. Зянон Пазьняк. Сяргей Навумчык – Дэпутаты Незалежнасьці. – Варшава, “Беларускія Ведамасьці“, 2010 г.
19. Зянон Пазьняк. Дэклярацыя – першы крок да Незалежнасьці. – Варшава, “Беларускія Ведамасьці“, 2010 г.
20. Зянон Пазьняк. Сэсія Незалежнасьці. – Варшава, “Беларускія Ведамасьці“, 2011 г.
21. Зянон Пазьняк. Незалежнасьць Беларусі. 20 гадоў. – Варшава, “Беларускія Ведамасьці“, 2011 г.
22. Зянон Пазьняк, Валеры Буйвал. Абарона Курапатаў. Народны Мэмарыял. – Варшава, “Беларускія Ведамасьці“, 2012 г.
23. Зянон Пазьняк. Добрая фатаграфія. – Варшава, “Беларускія Ведамасьці“, 2012 г.
24. Галіна Пазьняк. Менскі гарсавет у пэрыяд нацыянальнай рэвалюцыі (1990-1991). – Варшава, “Беларускія Ведамасьці“, 2012 г.
25. Зянон. Тэрра Дэй. – „Беларускія Ведамасьці”, – Варшава, Нью Ёрк, Вільня, 2014 г.
26. Zenon. OJCZYZNA WIECZNA. – „Беларускія Ведамасьці”, – Warszawa, 2014.

27. Аўген Калубовіч. Мова ў гісторыі Беларускага пісьменства. (Факсімільнае выданьне. Прадмова да факсіміле – Зянон Пазьняк). – Варшава «Беларускія Ведамасьці», 2015 г.
28. Зянон. Палын-палын…– Нью-Ёрк, «Беларускае Выдавецкае таварыства ў Амэрыцы» (БВТА), 2016 г.
29. Зянон Пазьняк. Незалежнасьць. – Нью-Ёрк, «Беларускае Выдавецкае таварыства ў Амэрыцы» (БВТА), 2016 г.,
30. Zenon. TERRA DEI. – New York, Warszawa, – «Беларускае Выдавецкае таварыства ў Амэрыцы» (БВТА), „Беларускія Ведамасьці", 2017 г.
31. Зянон. Глёрыя Патрыя. – Вільня, 2000 г.
32. Даніэль Дэфо. Рабінзон Круза. (Факсімільнае выданьне. Прадмова і пасьляслоўе – Зянон Пазьняк). – Нью Ёрк – Варшава, – БВТА, «Беларускія Ведамасьці», – 2017 г.
33. Зянон Пазьняк. Vox Angelica. Кніга перакладаў. – Нью Ёрк – Варшава, – «Беларускія Ведамасьці», – 2018 г.
34. Зянон Пазьняк. Краявід перад нізінай. – Варшава – Нью-Ёрк, – «Беларускія Ведамасьці», – 2018 г.
35. Зянон Пазьняк. Цяжкі час. Разбурэньне. т. ІУ, – Нью-Ёрк – Варшава, «Беларускія Ведамасьці» – 2018 г.
36. Зянон Пазьняк: Беларуска-амэрыканская фатаграфія,1 – Новы Ёрк – Варшава, «Беларускія Ведамасьці» – 2019 г.
37. Зянон. Інсургенты (п'есы). – Нью-Ёрк – Варшава, «Беларускія Ведамасьці» – 2020 г.
38. Зянон. ГРААЛЬ (п'есы). – Варшава, «Беларускія Ведамасьці» – 2023 г.
39 Зянон Пазьняк. САМВЫДАТ. – Варшава, «Беларускія Ведамасьці» – 2024 г.

Зьмест

Зянон Станіслававіч Пазьняк

С А М В Ы Д А Т

(Беларускія падземныя выданьні 1970-1980 гг.)

Выданьне і друк коштам аўтара
Некамэрцыйнае выданьне

Зянон Пазьняк. С А М В Ы Д А Т.
Тут тэксты падземнай самавыдавецкай публіцыстыкі аўтара, напісаныя ў 1970-1980 гг., у якіх распавядаецца пра русіфакацыю, разбурэньне і зьнішчэньне беларускай культуры, рэлігіі, нацыянальнай ідэнтычнасьці, соцыума і прыроды за часы брэжнеўскай рэакцыі ў пэрыяд маскоўска-савецкай акупацыі. Выданьне: «Беларускія Ведамасьці», Варшава, 2024 год, наклад 300 асобнікаў, фармат аркуша А4, (136 арк.), іл.
ISBN: 978-83-948192-6-2

Тэкст, вокладка, макет – *Зянон Пазьняк*
Кампутарны набор – *Галіна Палачаніна*
Кампутарны склад – *Робэрт Стаховіч*
Друк – JJS Group
Наклад – 300 асобнікаў
Папера – афсэтная
Фармат аркуша – А4
Фармат друку – А4
Ул. друк. Арк. – 136
Аддрукавана: ў красавіку 2024 г. у Варшаве

ISBN: 978-83-948192-6-2

ISBN 978-83-948192-6-2